

ЭЛИСОН
УЭЙР

ЕЛИЗАВЕТА
ИОРКСКАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ
БЕЛАЯ РОЗА

ИСТОРИЯ ПИШЕТСЯ ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ.
ЕЕ ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ С ВРАЖДЫ БЕЛОГО И АЛОГО.

The Big Book. Исторический роман

Элисон Уэйр

**Елизавета Йоркская.
Последняя Белая роза**

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Э.

Елизавета Йоркская. Последняя Белая роза / Э. Уэйр — «Азбука-Аттикус», 2022 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-23457-4

Английская принцесса Елизавета появилась на свет в разгар Войны Алой и Белой розы – династических распрей между Ланкастерами и Йорками. Старшая дочь королевского дома Йорков, она мечтает о короне. Но внезапно умирает Эдуард IV, отец принцессы, и в ее судьбе наступают резкие перемены. Клан Алой розы стремится захватить власть, безжалостно уничтожая других претендентов на престол. Два юных принца, братья Елизаветы, убиты в Тауэре... Враги все ближе. Они желают посадить на трон выскочку из дома Ланкастеров, Генриха Тюдора. Переломить ситуацию в пользу Йорков мог бы удачный брак принцессы Елизаветы. Ей предстоит сделать нелегкий выбор, ведь неверный ход на шахматной доске истории зачастую означает утрату не только политического влияния, но и самой жизни... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23457-4

© Уэйр Э., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Часть первая. Принцесса	7
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Элисон Уэйр

Елизавета Йоркская. Последняя Белая роза

Alison Weir

ELIZABETH OF YORK: THE LAST WHITE ROSE

Copyright © 2022 by Alison Weir

All rights reserved

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Яркий и привлекательный портрет истинной королевы.
Historical Novel Review

Потрясающе... Острое блюдо из любви, угрозы, смертельной опасности
и тайны.
Sunday Express

Ни один из современных писателей не знает о династии Тюдоров так
много, как Элисон Уэйр. Подлинная энциклопедия.
Kirkus Review

Жадно переворачиваешь страницы... Исторические персонажи стоят
перед глазами, словно живые...
The Courier-Journal

Автор с легкостью делает так, что читателю невозможно оторваться от
книги.
Historical Novel Review

Как всегда, Уэйр мастерски строит драматические сцены, а красивые и
точные детали создают у читателя яркое чувство присутствия.
Booklist (starred review)

Уэйр отлично удаются мелочи, которые оживляют исторических
персонажей и их жизнь.
The Guardian

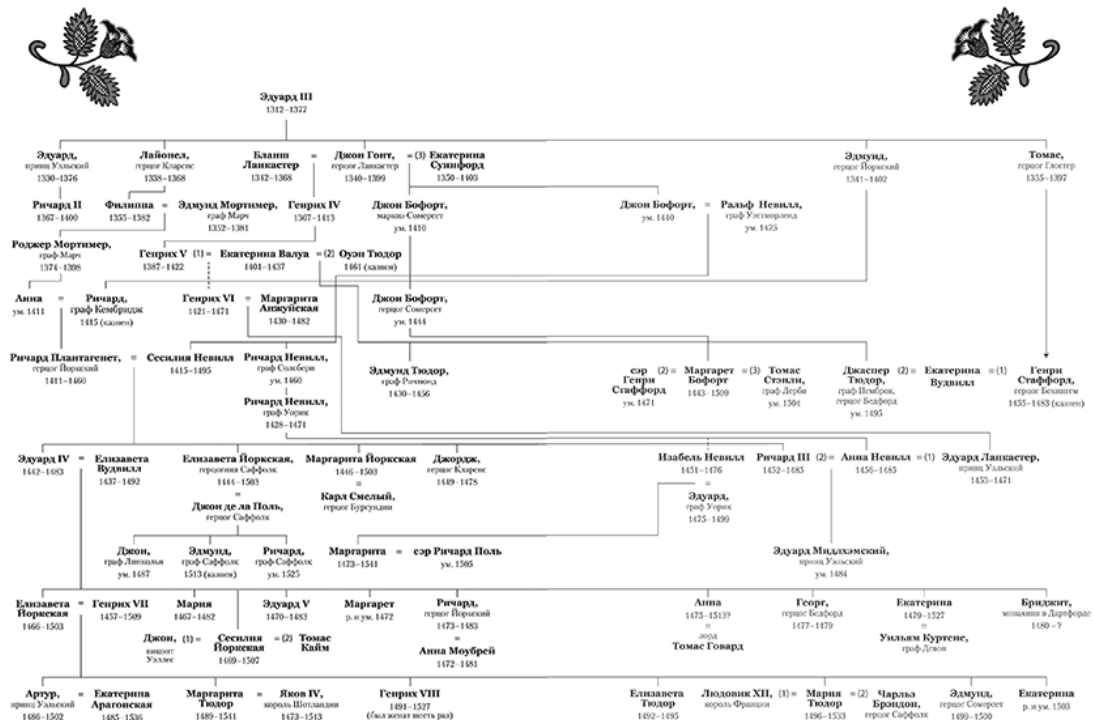
* * *

*Посвящается Шелли Такер, о которой я вспоминаю с любовью,
и отцу Люку (преподобному канонику Энтони Уорчесу), всегда
вдохновлявшему меня*

О царственная дева,

*Чтоб красоту твою одеть в наряд роскошный,
Служанок тысяча прекрасных собралась,
У каждой свой подход, своя задача, всё ради
Облачения твоих прекрасных форм. С восторгом
Одна расчешет золото волос слоновой костью,
Другая локоны блестящие завьет и в косы
заплетет,
Венец из самоцветов на голову возложит третья,
А пряди тонкие унизит бусинами из драгоценных
камней,
Еще одна из золота сверкающее ожерелье скрепит
На белоснежной шее, пока ее товарка развернет
Одежды, блестящие золотом и пурпуром багряным,
И терпеливо, ловко подберет то, что украсит
Несравненные черты; на них должны сиять
Сокровища бесценные песков Востока,
Сапфир, лазурный камень, что похож
На голубой небесный свод мерцанием, и мягко
Изольет зеленый изумруд свой тихий свет,
И огненный карбукул вспыхнет розовым лучом
Из золота чистого.*

Джованни де Джильи. Эпиталама¹

¹ Эпиталама – торжественное стихотворение, поэма или песнь в честь новобрачных. – Здесь и далее примеч. перев.

Часть первая. Принцесса

Глава 1

1470 год

– Проснись, Бесси! Проснись!

Елизавета пошевелилась, разбуженная незнакомым шепотом. Что делает здесь ее мать королева, зачем тормозит ее? Обычно по утрам к ней приходила леди Бернерс – с улыбкой и словами: «Доброе утро, миледи принцесса». Но мать не улыбалась, а леди Бернерс, высоко подняв свечу, стояла в дверях вместе с мистресс² Джейкс, кормилицей, которая качала на руках малышку Сесилию. С ними была бабушка Риверс, она держала за руку сонную маленькую Марию. Все были одеты для улицы. Но ведь еще темно и за узким окном ни проблеска зари.

– Что случилось? – мигом пробудившись, спросила Елизавета.

– Ш-ш-ш! – Королева приложила палец к губам. – Нужно вести себя очень тихо. Вставайте, и я одену вас потеплее.

Мать будет одевать ее? Почтенная матушка, королевские руки которой никогда не опускались до повседневной работы? Наверное, произошло что-то ужасное.

Королева слабо улыбнулась:

– Нам с сестрами приходилось самим заботиться о себе, пока я не стала королевой.

Она сняла с Елизаветы ночную рубашку, надела на нее сорочку и зеленое зимнее платье из шерстяной материи, закутала в накидку, а потом затенила дочери лицо, низко надвинув ей на лоб капюшон. Затем королева взяла у бабушки Риверс свою мантилью, надела ее, прикрыв свой большой живот, и обернулась к другим женщинам со словами:

– Пойдемте. – В ее приглушенном голосе звучала настойчивость.

– Миледи, что происходит? – спросила Елизавета, совершенно ошеломленная.

– Тише! Я объясню вам позже. А теперь ни слова. Нам всем нужно вести себя очень тихо.

Четыре женщины с детьми быстро прошли через башню Ланторн, задержав дыхание у дверей караульной: стражники должны были стоять на часах, но, к счастью, они спали, громко храпя. Потом беглянки оказались снаружи и стали торопливо спускаться по лестнице вдоль Уотер-лейн к незапертым боковым воротам Тауэра.

– Благодарение Господу за верную стражу! – выдохнула мать.

Крепко держа Елизавету за руку, она вела ее вниз по Королевской лестнице к пристани, где покачивалось несколько маленьких суденышек. Леди Бернерс окликнула лодочника и приказала:

– К спуску у Вестминстера!

– Будет сделано, – ответил тот, беря из рук гувернантки ребенка, чтобы та могла взойти на борт.

Королева с Елизаветой двинулись за ней, последними на палубу поднялись бабушка Риверс, кормилица и Мария. Лодочник вставил весла в ключины, и лодка вышла в Темзу.

Вода была черная, жуткая. Елизавета дрожала от страха и холода октябрьской ночи. Вокруг спал Лондон. Из темноты донесся отдаленный крик стражника:

– Три часа, и все спокойно!

² *Мистресс* – вежливое обращение к женщине или указание на особу женского пола при упоминании о ней.

– Если бы, – прошептала бабушка.

Елизавете отчаянно хотелось узнать, что случилось, но, не смея послушаться матери, она молчала и про себя удивлялась: зачем они посреди ночи едут в Вестминстер?

– Поздновато вы, добрые леди, отправились на прогулку, – заметил лодочник, когда они проплывали мимо замка Байнардс, где жила бабушка Йорк, гораздо более строгая, чем бабушка Риверс.

Знала ли она об этом их ночном путешествии? Скорее всего, спала, как и все в Лондоне.

– Мы едем к моей дочери, которая мучается ребенком, как говорится, – пояснила леди Бернерс. – Мне сообщили, что дело плохо.

Елизавета удивилась, ведь замужняя дочь леди Бернерс Анна только что родила, а другая была еще девушкой, к тому же строгая наставница всегда внушала своей воспитаннице, что говорить неправду плохо.

– Ну тогда мы вас мигом доставим, – по-доброму сказал лодочник и налег на весла.

Елизавета заметила, как женщины переглянулись. Вскоре она увидела впереди растянувшуюся вдоль берега громаду дворца Вестминстер. Лодочник подгреб к пристани, и они стали, держась поближе друг к другу, быстро подниматься по лестнице, а потом торопливо засеменяли вдоль стены, окружавшей дворец. Однако в ворота они не вошли, а вместо этого направились прочь от дворца. Елизавета огорчилась, так как лелеяла надежду, что они идут к ее отцу королю, который все исправит. Она давно его не видела. Вместе с матерью и младшими сестрами она, казалось, уже целую вечность жила в Тауэре.

Но вот и Вестминстерское аббатство, двор церкви Святой Маргариты. Вскоре Елизавета с ужасающей ясностью поняла, что мать направляется в стоявшее напротив огромное здание – мрачное и неподвижное, по форме напоминавшее церковь, но источавшее угрозу, а не благодать. Хоть Елизавета и была юна, она знала, что там живут плохие люди – убийцы и воры. Однажды ей приснился страшный сон, будто ее заточили туда, и леди Бернерс объяснила, что любой человек может просить там убежища, то есть никто не вправе арестовать его или отвести в суд, пока он находится на святой земле под покровительством апостола Петра.

Земля, может быть, и святая, но место было страшное, и Елизавета боялась идти туда. На глаза ей навернулись слезы, она вся сжалась и жалобно захныкала от одной мысли об этом.

– Ш-ш-ш, – шикнула мать и крепче сжала руку дочери.

Елизавета была слишком напугана, чтобы прислушаться к ней.

– Но зачем мы идем туда, миледи? Мы не сделали ничего дурного. Мы не воровки.

– Бесси, тише. Скоро я вам все объясню.

На плечо Елизаветы легла чья-то рука. Она подняла глаза и увидела улыбавшуюся ей бабушку.

– Господь бережет нас, дитя, – сказала та. – Он распорядится, как лучше.

Но вот они уже рядом с крепкой дубовой дверью. Елизавета задрожала и увидела, что мать немного замялась, а потом взяла железный дверной молоток и постучала.

Прошло, казалось, очень много времени, прежде чем какой-то монах открыл дверь.

– Господь да пребудет с вами, сестры мои. Кого вы ищете?

– Увы, братец, – отозвалась мать, – мы здесь не как гости. Мы пришли просить убежища.

Последовала пауза, монах молча взирал на них.

– Вы должники? Не могу представить, чтобы такие благообразные леди были виновны в каких-то преступлениях. И к тому же с вами дети, мы не принимаем...

– Я – ваша королева, – ледяным голосом проговорила мать с таким видом, который заставлял умолкнуть большинство людей, – и мы с детьми находимся в опасности. Король покинул королевство, а милорд Уорик и герцог Кларенс идут на Лондон. Прошу вас дать нам убежище.

Елизавета слушала в смятении. Отец покинул королевство? И почему им нужно бежать от ее крестного отца Уорика и дяди Кларенса? Она смутно понимала: в семье происходят какие-то неурядицы, и знала, что мать ненавидит обоих этих мужчин, но понятия не имела почему.

– Ее милости скоро рожать, – встряла бабушка.

– Прошу вас, входите и садитесь, а я пока приведу отца настоятеля, – нервно буркнул монах.

Когда они вошли в здание, Елизавета огляделась, боясь, как бы из темноты не появились нашедшие здесь убежище преступники, однако, к ее облегчению, в огромном, похожем на церковь пространстве почти никого не было. Только две спящие фигуры, завернутые в накидки, лежали на соломе в дальнем конце.

Переступив через порог, мать сразу опустилась на скамью. Выдержка изменила ей, на щеках блеснули слезы.

– Можно ли поверить, что это происходит наяву, – прошептала она.

– Не плачьте, миледи, – взмолилась Елизавета.

Бабушка прижала потрясенную королеву к груди, а трехлетняя Мария заревела. Леди Бернерс склонилась к малышке и стала утешать ее, держа на согнутой в локте руке хнычущую Сесилию.

– Вам нужно уходить, леди Бернерс, – сказала королева, подавляя минутную слабость и забирая у нее ребенка. – Вы им не нужны.

– Но дети, мадам, – возразила гувернантка, а Елизавета и Мария, обе в слезах, прижались к ее юбкам и заверещали:

– Не оставляйте нас!

– Это приказ, – отрезала королева. – Я не допущу, чтобы вы сидели здесь с нами взаперти, когда в этом нет нужды. С мистресс Джейкс дело другое. – Она взглянула на кормилицу. – Ее я не могу отпустить. Как только ситуация улучшится, я пошлю за вами. Тише, дети! С вами будем я и бабушка Риверс, мы позаботимся о вас, а леди Бернерс вы скоро увидите.

– Как будет угодно вашей милости, – ответила леди Бернерс, но Елизавета видела, что ей не хочется уходить. – Я найду гостиницу, а завтра пойду в Виндзор, надеюсь, мой супруг все еще остается констеблем замка.

– Да хранит вас Господь, – сказала королева. – Помолитесь за нас!

Елизавета с ужасом смотрела, как уходит ее любимая наставница. Потом она увидела монаха, который возвращался вместе со знакомой фигурой аббата Миллинга, полного джентльмена в простой черной рясе, с добрым и круглым как луна лицом под тонзурой. Девочка встречалась с ним несколько раз, когда посещала Вестминстерское аббатство.

– Ваша милость, печально видеть вас здесь, – приветствовал мать аббат, потянулся к ней и пожал ее руки. – Времена настали нелегкие, если безупречной королеве Англии приходится искать убежища вместе с преступниками.

– Отец настоятель, вы еще услышите новости, – сказала королева, склоняя голову для благословения. – В этом мире мы пожинаем то, что сеем. Я не замечала угрозы, которая смотрела мне в лицо. А теперь вместе с этими невинными малютками должна расплачиваться за это.

– Печально, когда сила владычествует над правом, – заметил аббат. – Вы не толкали Уорика и Кларенса на измену.

– Нет, но я невольно дала им основания. – Елизавета не поняла, что имеет в виду мать, а королева продолжила: – Отец настоятель, вы позволите мне записать себя в качестве женщины, нашедшей убежище в святылище? Если бы не дети, которых нужно спасать, я бы не пришла сюда.

– Мадам, – ответил аббат, – вы, конечно, можете просить убежища, и брат Томас внесет в книгу ваши имена. Но я и слышать не хочу о том, чтобы вы оставались здесь вместе с ворами и

убийцами. Я настаиваю: вы все должны остановиться в Чейнигейтсе, моем собственном доме, и быть моими гостями.

– Я никогда не смогу отблагодарить вас, отец.

На глазах матери блеснули слезы облегчения. Она робко взяла за руку Марию, и они все пошли вслед за аббатом обратно в монастырь. Он провел их через западные ворота и повернул к крытым галереям. Под арочным проходом открыл дверь и стал подниматься по крутой лестнице к прекрасному дому, где пахло благовониями и воском.

– Ваша милость, вы займете три мои лучшие комнаты, – сказал аббат матери. – Постели готовы, и я пришлю к вам слуг с полотенцами и всем необходимым для вашего удобства. Если вам понадобится что-нибудь еще, скажите им.

Когда Елизавета увидела отведенные им комнаты, ей стало значительно лучше. Аббат был князем Церкви и жил соответственно. Ей и сестрам предстояло разместиться в роскошной спальне, где стояла огромная кровать под балдахином и две низкие с соломенными тюфяками, все они были застланы отбеленными простынями и бархатными покрывалами. Аббат Миллинг сказал им, что большую комнату называют Иерусалимской палатой. Там висели дорогие гобелены, и она выглядела почти так же великолепно, как парадные апартаменты в Вестминстере. Здесь будут главные покои матери. Бабушке достался аббатский зал, в котором была галерея менестрелей, он был не менее великолепен, чем другие помещения.

Елизавета осторожно легла на соломенный тюфяк, мать подоткнула простыню. Неподалеку от нее уже спала Мария, ее светлые кудряшки разметались по подушке. Королева тем временем попросила кормилицу помочь ей управиться с пуговицами, сняла платье, оставшись в одной сорочке, и забралась в большую кровать.

Кормилица выдвинула из-под нее низенькую кровать на колесиках и улеглась, прижимая к себе Сесилию.

– Матушка, что происходит? – приглушенным голосом спросила Елизавета.

– Спи, Бесси. Расскажу вам все утром. Я очень устала.

Вскоре комната наполнилась звуками ровного дыхания и сопением младенца, однако Елизавета лежала без сна и размышляла, стараясь отогнать от себя тревогу по поводу странных событий этой ночи и их значения.

Сколько себя помнила, Елизавета знала, что она важна. Ей было около пяти лет; старшая дочь блистательного короля и красавицы-королевы, девочка жила в великолепных дворцах, как принцесса из сказки. Ее называли Елизаветой в честь матери, которая часто носила украшенную драгоценными камнями брошь, подаренную ей отцом в день рождения дочери. В обычных обстоятельствах мать оставалась для Елизаветы далекой фигурой, грациозной богиней, сидевшей на троне и иногда спускавшейся в детскую в облаке цветочного аромата, шурша волшебными дамастовыми юбками; шея у нее была как у лебедя, ее красоту подчеркивали подбритая линия волос и покрытый вуалью геннин³.

Мать была величественна и неприступна, а отец был веселым, высоким и жизнерадостным человеком с блестящими глазами и заразительным смехом, за которым скрывалась чуткая наблюдательность. Он был самым прекрасным мужчиной в мире, и все обожали его, особенно дети. Двор отца славился великолепием, при нем обретались важные лорды и леди, приезжали гости со всех концов земли. Елизавета часто чувствовала, что раздувается от гордости за своего сильного и могущественного отца. Теперь она сомневалась, вернется ли он когда-нибудь на свой трон. Увидит ли она его еще хоть раз? Где он?

Повседневным миром для Елизаветы был вовсе не роскошный отцовский двор, а детские покои во дворце Шин, где властвовала добрая пышнотелая леди Бернерс, которая без особых

³ *Геннин* – конусообразный женский головной убор.

усилий командовала детьми и их няньками, качальщицами колыбелей и домашними слугами. Как дочь короля, личность которого была священна и который был поставлен Богом править Англией, Елизавету регулярно наставляли в хороших манерах и предупреждали об опасности греха и непослушания велениям Неба. Она всегда очень старалась быть хорошей и заработать одобрительную улыбку леди Бернерс.

Эта добрая женщина лучилась от радости, видя, как ее воспитанница опекает младших сестер, которых Елизавета обожала. Когда девочка не стояла на коленях у колыбели Сесилии, укачивая ее, они с Марией бегали по дворцу, играли в мяч или в жмурки во дворе, а иногда, стоя в эркере, наблюдали, как по Темзе проплывают лодки, и вытягивали шею, чтобы хоть краешком глаза увидеть любимую резиденцию отца – дворец Вестминстер, располагавшийся немного выше по реке.

Эмблема короля – солнце в сиянии – выделялась среди других геральдических знаков: антилоп, лебедей, сердец и львов, которые украшали парадные залы во дворце Шин.

– Ты знаешь, что однажды перед битвой отец увидел в небе три солнца? – говорила Елизавета разинувшей рот Марии. – Это было доброе знамение, и он выиграл сражение.

Ритм жизни в течение года был давно и прочно установлен так же, как безыскусная вера детей в Бога: каждый день домашний священник приходил учить девочек катехизису и объяснял им смысл написанного и нарисованного в Псалтыри. В праздничные и святые дни они делали приношения в храме во время мессы, в Великий пост постились, в Великий четверг раздавали дары беднякам, в Страстную пятницу ползли на коленях к кресту, а в Новый год получали подарки на Йолетид⁴. В Двенадцатую ночь им позволяли вместе со всеми участвовать в торжествах и праздничных застольях при дворе, особый восторг у детей вызывали озорные выходки Князя беспорядка. Вспоминая их, Елизавета закрыла глаза и помолилась Господу, чтобы Он позволил ей вернуться к прежней приятной жизни. «Отправь отца домой», – попросила она.

Поездки ко двору были для Елизаветы лучшим событием в году, однако, к их с Марией обоюдному разочарованию, обеих сестер вызывали туда только по случаю праздников или официальных визитов, когда королю было угодно показывать своих дочерей гостям. В таких случаях девочки присоединялись к свите матери и наслаждались редким счастьем – она сама учила их хорошим манерам, музыке, пению, танцам, вышиванию и всему прочему, что было необходимо для того, чтобы сделать принцесс украшением двора, как она выражалась.

Мать строго требовала от дочерей соблюдения придворного этикета: однажды Елизавета видела, как та очень долго продержала стоящей перед собой на коленях бабушку Риверс. Девочка упивалась тем, что является центром внимания при дворе и ее наряжают в миниатюрные копии роскошных платьев королевы, она уже умела ловко управляться с длинными шлейфами.

Но больше всего Елизавета любила проводить время с родителями. Ее научили выражать по отношению к ним высочайшее почтение, не только потому, что они – король с королевой и превосходят величием всех, но также и по той простой причине, что дети должны быть почти-тельными, слушаться и уважать своих отца и мать, оставаясь в неоплатном долгу перед ними всю жизнь. Ей следует приветствовать их реверансом, ждать, пока с нею заговорят, прежде чем обратиться к ним, и вести себя в их присутствии достойно. Хотя отец обычно отставлял в сторону формальности, поднимал дочерей на руки, кружил и целовал. Он находил время поговорить с ними об их детских проблемах и поиграть в игры. Мать же, казалось, была больше озабочена тем, чтобы они вели себя как подобает. Она не позволяла своим дамам суетиться

⁴ *Йолетид*, или Йоль, – языческий праздник зимнего солнцестояния у народов Северной Европы; после принятия христианства слился с Рождеством.

вокруг дочерей, чтобы те не избаловались, но всегда хотела для них лучшего, что, по словам леди Бернерс, было самым важным качеством хорошей матери.

С болью в сердце вспомнила Елизавета, как вечерами при дворе, прежде чем лечь спать, они с Марией вставали на колени перед родителями и просили у них благословения, которое им всегда давали с радостью, отчего она чувствовала себя любимой и защищенной. Елизавете давно уже хотелось постоянно жить при дворе. Теперь же она сомневалась, доведется ли ей попасть туда еще хотя бы раз.

Уснуть не удавалось. Лежа в постели, девочка перебирала в уме события последних недель, которые предшествовали бегству в святилище, и вспомнила разговор слуг, случайно подслушанный, когда однажды жарким днем она играла в саду Шина.

– Уорик ненавидит королеву, и если ребенок, которого она носит, снова окажется девочкой, я не смею и думать, что тогда может случиться. – Это говорила леди Бернерс. – Королю нужен наследник. Я всегда считала глупостью с его стороны женитьбу по любви, в результате ему пришлось продвигать всех этих алчных родственников Вудвиллов. Не то чтобы королева мне не нравится – она добрая госпожа, но иногда я понимаю, почему Уорик к ней не расположен.

– Уорик все сильнее заносится, – отозвалась мистресс Джейкс. – Он, должно быть, видит в Вудвиллах угрозу своему влиянию на короля.

– Да, так и есть. Говорят, он пришел в ярость, когда из-за женитьбы на Вудвилл расстроился брачный союз короля, о котором он радел во Франции. Ему нужно контролировать все. Мой супруг слышал, как итальянский посол в Виндзоре пошутил, что в Англии два короля – Уорик и еще один, имя которого он позабыл.

– Неудивительно, что Уорик сошелся с Кларенсом. Этот негодяй недостоин доверия!

Последовала пауза, в продолжение которой Елизавета услышала, как ее воспитательница сказала что-то про маленькие кувшины⁵, и потом разговор перешел на совершенно другую тему. Девочка нахмурилась, не вполне понимая смысл разговора, хотя слова взрослых женщин встревожили ее. Уорик был ее крестным отцом. Почему он ненавидел мать? Отчего рассорился с отцом, которому сперва помог стать королем? И почему ее дядя Кларенс – негодяй?

И теперь они идут на Лондон вместе, а мать так напугана, что посреди ночи вместе с детьми убежала из дворца. Елизавета лежала в темноте в незнакомом доме и пыталась разобраться во всем этом. Ей очень хотелось бы знать, где сейчас отец и увидит ли она его еще раз.

Утром мистресс Джейкс стала образцом проворства и практичности.

– Надеюсь, вы согласитесь, мадам, что дети должны по возможности соблюдать обычный режим, – сказала она, расчесывая рыжие волосы Елизаветы; девочка стояла спокойно, уже умытая и одетая в плотно зашнурованное зеленое платье.

– Я согласна, – ответила королева, а бабушка тем временем заплетала свои отливавшие золотом локоны в косы и укладывала их высоко на голове.

– Думаю, я вполне сойду за камеристку, – заметила она, довольная результатом. – Да, детям нужна стабильность.

По просьбе матери приор Джон Истни пришел отслужить мессу в домашней часовне аббата. Елизавета не могла сосредоточиться, больше всего ей хотелось, чтобы королева выполнила свое обещание и поговорила с нею. Момент настал после службы, когда двое братьев-мирян принесли им сытный завтрак – свежий хлеб, эль, мясо и яйца. После еды мистресс

⁵ То есть произнесла английскую поговорку «У маленьких кувшинов большие уши», означающую: «Дети любят слушать то, что им не полагается».

Джейкс увела Марию играть в комнату бабушки, а королева откинулась на высокую спинку резного кресла и посмотрела на дочь с необычайным сочувствием:

– Доченька, некоторое время я старалась беречь вас от любых неприятностей, но вы понятливое, способное дитя и, я уверена, сможете понять, что происходит и почему мы были вынуждены искать убежища. Это долгая история.

Елизавету охватил страх. Но мать вдруг задумчиво улыбнулась:

– Ваш отец король женился на мне по любви. Вы могли слышать много глупостей на этот счет, не обращайтесь на них внимания. Мой первый муж, сэр Джон Грей, пал в битве за дом Ланкастеров во время войн с домом Йорков, и я осталась одна с двумя маленькими мальчиками – вашими братьями Томасом и Диконом и совсем без денег.

Елизавета не была близка со своими единоутробными братьями, которые унаследовали светлый цвет кожи и красоту матери. Они намного превосходили ее возрастом: Томасу было пятнадцать, а Дикону тринадцать лет, и, надутые от важности – они ведь жили при дворе короля, – свысока поглядывали на маленьких девочек, но она пыталась любить их ради матери.

– Йорки одержали победу, – продолжила мать. – Мнимого короля Генриха Ланкастера свергли, и ваш отец взошел на престол как истинный и законный наследник. Я находилась в отчаянной ситуации, так как никто не хотел помогать вдове сторонника Ланкастеров, поэтому, услышав, что король Эдуард охотится в лесу Уиттл неподалеку от дома бабушки в Графтоне, где я жила, я решила обратиться к нему за помощью. Подождала его у обочины дороги, держа двух своих малышек за руки.

Елизавета никогда не слышала эту историю.

– И король проехал мимо? Что он сказал?

Королева снова улыбнулась и взяла в руки маленький чепчик, который украшала вышивкой. Стежки у нее получались умелые и аккуратные, не то что у Елизаветы.

– Король обещал помочь. И влюбился в меня. Он был такой высокий, жизнерадостный и красивый, что это совершенно вскружило мне голову. И когда он попросил моей руки, я сразу согласилась. Это было неслыханно – король женится по любви. Обычно монархи вступают в брак с иностранными принцессами ради заключения полезных союзов, для достижения мира или выгодных торговых соглашений. Нам пришлось пожениться тайно, мы понимали, что знать попытается не допустить этого. Уорик хотел женить вашего отца на французской принцессе. Когда король объявил о нашем браке, Уорик пришел в ярость, так же как братья вашего отца и многие другие лорды. Поднялся ужасный переполох. Все говорили, что ваш отец унизил себя этим браком, взяв в жены ланкастерскую простолюдинку, и предпочли не вспоминать, что моя бабушка – принцесса из дома Люксембургов. Но король остался глух ко всем возражениям. Он осыпал щедротами мою семью, мои братья получили титулы, а сестры были удачно выданы замуж. Это тоже вызвало недовольный ропот. Но я все внимание направила на то, чтобы стать хорошей королевой, и меня людские пересуды не тревожили. – Она помолчала, о чем-то задумавшись. – Теперь я жалею о своей беспечности. Но ведь это король, а не я продвигал моих родственников, и это он сделал меня королевой, так что я по праву пользовалась положенным мне уважением.

Елизавета, которую взволновало все услышанное, на самом деле уловила только то, что ее родители поженились по любви, и сочла, что люди, особенно Уорик, отнеслись к матери очень несправедливо.

– Но почему они сказали, что отец унизил себя этим браком?

Королева вздохнула:

– Дитя, вы должны понять, что короли – это совершенно особые люди. Они призваны Богом управлять странами и стоят выше своих подданных. Когда короля венчают на царство, совершается его миропомазание и он становится священной особой.

– Как святые?

– В некотором роде. – Улыбка сошла с лица королевы. – Многие считают, что короли должны жениться на принцессах, чтобы дети у них были королями по рождению и чистейшей крови, – так, мол, подобает поступать тем, кто избран на царство Господом. Так что вы можете понять, почему люди не одобрили брак вашего отца со мной. А потом я родила одну за другой трех дочерей, и теперь меня критикуют за то, что я не дала Англии принца, наследника престола.

– Но у вас есть я! – пискнула Елизавета.

– Это верно, и мы с вашим отцом очень любим и вас, и ваших сестер, но правление женщины противоречит природе, так что вы не сможете наследовать своему отцу и стать королевой.

До сих пор Елизавета об этом не задумывалась, но почувствовала себя обманутой. Она – старший ребенок короля, разве это ничего не значит?

Мать покачала головой, словно прочла ее мысли:

– Королю нужен сын. Ему необходимо знать, что у него есть преемник на троне. – Она похлопала себя по животу. – Будем надеяться, что этот малыш – мальчик. Увы, он родится в таких опасных обстоятельствах... – Королева вздохнула. – Это печальная история, но я должна продолжать.

Елизавета подождала, пока мать вставит новую нить в иглу, а монахи уберут со стола остатки трапезы. Когда они ушли, королева заговорила снова:

– Возникла великая ревность и неприязнь между моей семьей и Уориком из-за того, кому быть главной силой в королевстве. Вражда стала открытой, когда ваш дед Риверс начал перечить Уорикку, который не хотел, чтобы ваша тетька Маргарита вышла замуж за герцога Бургундского. Уорик тогда питал жгучую ненависть к Бургундии и настаивал на союзе с ее врагом Францией. Но мои родные убедили короля одобрить этот брак, и он состоялся. Вы еще слишком юны и не помните, какие пышные торжества устроили по этому поводу.

Елизавета не помнила, как не помнила и тетю Маргариту, сестру отца.

– На этом терпение Уорика иссякло. И он вошел в союз с вашим дядей Кларенсом. – (Елизавете не нравился ее светловолосый дядюшка Джордж, более бледная и менее очаровательная копия отца. В редких случаях, когда она с ним встречалась, он пребывал в мрачной задумчивости или отпускал неожиданные и странные шутки, которые часто звучали зло. Она предпочитала своего самого молодого дядю Ричарда, герцога Глостера, который был тихим, но всегда добрым и обращался с нею как с любимой кузиной, а не племянницей.) – Дядя Кларенс завидует вашему отцу. – Мать презрительно скривилась. – Он сам хочет быть королем и ухватился за новую возможность устроить заговор против своего брата и повелителя. Он глупец. Ваш отец был более чем щедр к нему, но это для него ничего не значит! – Королева щелкнула пальцами. – Вы помните старшую дочь Уорика?

Изабель Невилл. Елизавета видела ее при дворе вместе с сестрой Анной – худенькие милые девушки, которые вечно о чем-то шептались друг с дружкой.

– У Уорика нет сына, – снова заговорила мать. – Когда он умрет, его дочери станут самыми знатными наследницами в Англии, и ваши дяди не раз хотели жениться на них. Король всегда отказывал им, так как не хочет, чтобы Уорик стал слишком могущественным. Но в прошлом году Уорик все равно выдал Изабель за Кларенса, и их силы против короля увеличились. Ваш отец долго отсутствовал при дворе, помните? – (Елизавета покачала головой.) – Вы были слишком малы, чтобы знать правду, поэтому мы сказали вам, что он уехал на охоту, но на самом деле его держали в тюрьме. Кларенс вознамерился захватить трон, и они с Уориком распространили гнусную ложь, будто король не сын своего отца и не имеет права носить корону. Это, разумеется, неправда.

Мать замолчала, и Елизавета с ужасом увидела слезы у нее на глазах. У ее матери, которая никогда не плакала!

– Это было еще не самое худшее. Уорик стал причиной смерти вашего деда, лорда Риверса, и моего брата Джона. – Королева промокнула глаза платком.

Глаза Елизаветы расширились от испуга. Она видела мать и бабушку плачущими, когда те сообщили ей о смерти деда и дяди. Но что имела в виду мать, говоря «стал причиной смерти»?

– Он убил их, – сказала мать.

– Как?

– Вам лучше не знать, – ответила королева. – Потом арестовали бабушку Риверс и обвинили ее в колдовстве. Говорили, мол, она использовала заклинания, чтобы король женился на мне, а также желая навредить Уорику.

Бабушка, милая бабушка – ведьма? Елизавета не могла поверить в такое. Это было для нее слишком.

Мать отложила вышивание.

– Все это неправда. Просто они изо всех сил старались уничтожить меня и мою семью. К счастью, у бабушки были друзья, которые обратились с жалобой в Королевский совет, и обвинения с нее сняли. А потом король заставил Уорика отпустить его и с триумфом вернулся в Лондон. Тогда-то он и объявил о вашей помолвке с племянником Уорика Джорджем Невиллом.

Елизавета хорошо помнила церемонию помолвки, для которой на нее надели переливчатое белое платье, отчего она почувствовала себя принцессой до кончиков ногтей. Отец говорил, что ее брак принесет мир Англии и, если с ним что-нибудь случится, Невиллы позаботятся о том, чтобы они с Джорджем стали королем и королевой. Но когда еще это будет – пройдет вечность, отец еще молод, а Джорджу – мальчишке с костлявыми коленками и копной черных волос – всего пять лет.

Голос матери вернул Елизавету к реальности.

– В прошлом году ваш отец вернулся к власти, и я очень обрадовалась. Он разорвал вашу помолвку с Джорджем Невиллом и объявил Уорика с Кларенсом изменниками, так что те сбежали во Францию. С тех пор они строили планы вернуть на престол Генриха Ланкастера. Жена Генриха, мнимая королева Маргарита, наш злейший враг и Кларенса с Уориком некогда тоже, совершила невероятный разворот и присоединилась к ним. Она даже согласилась на брак дочери Уорика Анны со своим сыном Эдуардом Ланкастером, чтобы прочно скрепить эту новую дружбу. Затем мы проведали, что Уорик и Кларенс собирают армию для вторжения в Англию. Тогда я и увезла вас и ваших сестер ради безопасности в Тауэр. А теперь они идут на Лондон, вот почему мы укрылись здесь прошлой ночью, а вашему отцу с дядей Глостером пришлось бежать, в чем они были, к нашим друзьям в Бургундию за помощью.

– Уорик и дядя Кларенс придут сюда? – испуганно спросила Елизавета.

– Надеюсь, что нет! – ответила мать. – Ни один рыцарь, стобящий своих шпор, не станет воевать с женщинами. И мы под защитой Церкви.

В этот момент аббат вошел в комнату и поклонился королеве:

– Надеюсь, ваша милость всем довольны.

– Вы очень добры к нам, отец, – ответила королева.

– Мне это в радость, мадам. Но я должен сказать вам, что сегодня утром по Лондону разнеслась весть: Уорик и Кларенс приближаются к городу с большим войском.

Елизавету охватила паника – она увидела, как побледнела мать.

– Мы здесь в безопасности, отец аббат? – запинаясь, спросила королева.

– Они не посмеют ворваться в святилище Господа! – твердо заявил тот.

Елизавета силилась не заплакать. Девочка очень испугалась, но ведь она – дочь своего отца и должна быть храброй.

Позже тем же утром они с Марией играли в куклы. Вернулся встревоженный аббат:

– Ваша милость, люди Уорика бесчинствуют в городе. Закон и порядок нарушены. Толпы черни беспрепятственно грабят и громят что хотят – и все это от имени Уорика! Несколько

преступников покинули святилище, чтобы участвовать в беспорядках на улицах. Мадам, я не верю, что какая-нибудь власть восстановится, пока не прибудет милорд Уорик.

Мать встала, глаза ее расширились от тревоги.

– Отец аббат, молю вас, поскорее сообщите об этом лорд-мэру, он обязан защищать Лондон. Уговорите его не сопротивляться силам Уорика и никак не провоцировать его самого, чтобы он не причинил вреда горожанам и не ворвался в аббатство.

– Мадам, не беспокойтесь, я это сделаю, – пообещал аббат и быстро удалился.

Елизавета дрожала от страха, но подросла мистресс Джейкс, крепко взяла за руки ее и Марию, подвела к крючкам, на которых висели их накидки, затем проводила вниз по лестнице, в личный двор аббата, и велела побегать пока там на свежем воздухе. Девочки стали играть в пятнашки, потом в жмурки. Елизавета заметила аббата, он стоял у окна и помахал им рукой. Он был такой добрый, спокойный и надежный, и почему-то она верила: он оградит их от любого зла. Успокоившись, принцесса начала получать удовольствие от игры, но вдруг услышала вдалеке какие-то крики и замерла на месте. Тут снова появился аббат, улыбнулся сквозь ромбики стекол и покачал головой, глядя в том направлении, откуда доносился шум, чтобы показать детям: беспокоиться не о чем.

В одиннадцать часов девочек позвали в дом обедать. Обычно еду подавали с большими церемониями и во время трапезы детям читали вслух поучительные истории. Однако сегодня в Иерусалимской палате слышался только тихий шепот королевы и других женщин. Братья-миряне принесли им еду – сытную и простую, предложенную от сердца, но совсем не похожую на те изысканные блюда, к каким привыкли их гости.

После обеда девочкам умыли лица и отправили их вздремнуть. Елизавете никак не удавалось заснуть, она думала и думала, что же происходит сейчас совсем рядом с ними, на улицах Лондона, а когда их пришли поднимать, с радостью встала с постели и вместе с сестрой вернулась к играм. Однако от Елизаветы не укрылось, что их мать все время поглядывает на дверь и напряженно прислушивается, как и сама она, к любым звукам, которые говорили бы о беспорядках на улице. Девочку беспокоило, что мать, которая всегда являла детям образец спокойного царственного величия, так сильно нервничает. Казалось, мир шатается, и девочке хотелось одного: пусть ее успокоят и заверят, что все будет хорошо.

Ближе к вечеру детям, как обычно, дали молока и хлеба, после чего все пошли в домашнюю часовню аббата на вечерню. Уже несколько часов не было никаких новостей, и встречавший их монах тоже ничего не мог сказать.

После службы мать устало села за накрытый к ужину стол, вид у нее был совершенно измученный.

– Чего бы я только не отдала, лишь бы узнать, что там творится, – пробормотала она, – и где сейчас мой милорд король. Как бы мне хотелось услышать, что он в безопасности. Боже милостивый, сколько же нам томиться здесь узниками?

– Уорик и Кларенс скоро будут здесь, – сказала бабушка.

– И что тогда?

– Ситуация прояснится, Бет. Постарайтесь не падать духом. Подумайте о детях.

– Не падать духом?! – воскликнула мать. – Помните, что они пытались сделать с вами.

По лицу бабушки пробежала тень.

– У меня еще остались друзья в высших кругах.

– Как же, надейтесь!

– Миледи, – подала голос Елизавета, – почему мы не можем подружиться с моим дядей Уориком?

Мать погладила ее по волосам.

– Если бы все было так просто, моя милая.

– Но тогда он разрешил бы нам уйти отсюда и вернуться во дворец.

– Я не осмелюсь покинуть этот дом, – сказала королева. – Здесь мы под защитой Господа. Елизавета старалась поверить в это.

После ужина, как обычно, устроили развлечения ради детей. Женщины, сделав храбрые лица, пели песни и играли с девочками в прятки, затем мистресс Джейкс подала принцессам сладкий эль с пряностями и уложила их в постели. Обычно они сладко засыпали, зная, что ворота дворца крепко заперты, привратники стоят на страже и караульные обходят дворец три или четыре раза за ночь, проверяя каждую комнату. Но здесь не было ни стражи, ни караула – только Бог и отец аббат. Долго-долго Елизавета в страхе лежала без сна и напряженно прислушивалась, не донесутся ли с улицы какие-нибудь тревожные звуки. Но все было тихо.

– Зря мы не взяли с собой больше одежды, – сетовала мать на следующее утро.

– Будем обходиться тем, что есть, – сказала бабушка. – Мы можем выстирать сорочки и почистить платья.

– Надо же дойти до такого – работать за прачек! – сокрушалась королева, едва не плача. Она все еще роптала, когда прибыл очень мрачный аббат Миллинг.

– Ваша милость, Уорик и Кларенс вошли в Сити и взяли под контроль Тауэр. Мэр прислал мне сообщение, что у него не было другого выбора, кроме как заключить с ними соглашение. Пока это все, что мне известно, но я отправил двоих наших братьев-мирян узнать, что происходит.

Мать не могла проглотить ни кусочка еды, Елизавете тоже есть не хотелось. Напряжение в комнате стало осязаемым. Только когда около полудня отец аббат вернулся, оно наконец спало.

– Ваша милость, Уорик восстановил порядок в Сити, но я с прискорбием сообщаю вам, что он вновь провозгласил Генриха Шестого королем и привел его из тюрьмы Тауэра в королевский дворец.

Взгляд матери застыл.

– Значит, он снова сажает на трон королей. Мнит себя выше нас всех. Генрих Ланкастер не больше подходит на роль правителя, чем малышка Сесилия, даже если у него есть на это право. Он потерял разум. Он слабоумен, бедняга.

– Но опасен, – заметила бабушка.

– Не сомневаюсь. Мнящая себя королевой Маргарита⁶ явится сюда из Франции и попытается захватить власть от имени Генриха, но править здесь будут Уорик и этот глупец Кларенс, – прошипела королева. – Генрих станет куклой в их руках, и они постараются использовать его, чтобы уничтожить меня и мою родню. Помните, как они обошлись с моими дорогими отцом и братом!

Елизавета вся сжалась от этих слов. Мать пугала ее почти так же, как мысли об Уорике и дяде Кларенсе.

– Мадам, прошу вас, – твердым голосом произнес аббат. – Новостей больше нет, и это вам на руку. Сегодня днем повидаться со мной приходил один мой приятель из Королевского совета. Он говорил с Уориком в Тауэре. Граф сказал ему, что у него мало причин любить вас, но он не станет преследовать женщин. И в подтверждение своих слов издал приказ, под страхом смерти запрещающий его сторонникам осквернять церкви и святилища. Так что успокойтесь: вы и ваши дети здесь в безопасности.

Елизавета испытала такое облегчение, что была готова расцеловать аббата. Однако мать явно сомневалась:

– Хотелось бы мне чувствовать себя в безопасности, но ситуация очень подвижная. А что будет с моим еще не родившимся ребенком? Если это мальчик, не посчитают ли его Уорик и Кларенс угрозой для своего режима? Что мне делать, отец аббат?

⁶ Имеется в виду Маргарита Анжуйская, жена Генриха VI.

– Вашей милости, несомненно, нужно оставаться здесь, – ответил священник.

– Но у меня нет денег и не хватает многих необходимых вещей. Друзья, вероятно, бросили меня, и кто знает, сколько времени нам придется провести здесь?

– Господь и это аббатство обеспечат вас всем, что нужно, не бойтесь. И Он уже показал Свою руку. Весть о вашем отчаянном положении распространилась благодаря нашим достойным братьям-мирянам, и меньше часа назад сюда уже приходил верный вам мясник, мастер Гулд, он обещал каждую неделю поставлять половину бычьей туши и двух баранов для пропитания двора вашей милости.

– Как он добр, – сказала мать, явно тронутая. – Похоже, я все-таки не осталась без друзей. Никогда я не смогу отблагодарить вас достойно за вашу помощь нам.

– Благословляю вас, дочь моя. – Аббат улыбнулся. – Будем надеяться, что ваши несчастья вскоре закончатся.

Глава 2

1470–1471 годы

Колокола аббатства пробили полночь накануне Дня Всех Святых, когда Елизавету разбудила мистресс Джейкс, которая стала переносить их с Марией соломенные тюфяки в комнату бабушки, где в простой деревянной колыбели, изготовленной монахами, спала Сесилия.

– Что случилось? – нервно прошептала Елизавета. – Уорик идет? – Он стал демоном ее снов.

– Нет, принцесса. Вашу матушку уложили в постель. Даст Бог, к утру у вас будет братик или сестричка.

Это была хорошая новость. Однако ночь близилась к концу, и «уложили в постель», что бы это ни значило, оказалось делом весьма болезненным. Сквозь закрытые двери Елизавета слышала стоны матери. Позже жалобные причитания превратились в непрерывные крики. Девочка в ужасе закрыла уши руками.

В какой-то момент дверь отворилась, вошла леди Скруп и успокаивающе заговорила с нею. Елизавета помнила изумление матери, когда три дня назад той сообщили, что Совет Генриха Ланкастера назначил эту женщину служить ей, а также прислал повитуху, матушку Кобб, которая принимала Сесилию, и личного врача королевы доктора Сирего.

Мать удивило, что новые правители раскошелились и оплатили их услуги.

– И это притом, что ребенок может оказаться мальчиком, который когда-нибудь бросит вызов Генриху.

– Может быть, они хотят подружиться, – робко предположила Елизавета, но мать покачала головой:

– Даже если так, я не стану иметь дело с узурпаторами.

Елизавета про себя решила, что это неправильно. Одно доброе слово от матери, и этот кошмар мог бы закончиться.

Позже леди Скруп заглянула снова:

– Вы все еще не спите, моя маленькая леди? Беспокоиться не о чем. Все хорошо.

– Но мама кричит. – Елизавета едва не плакала.

– Это нормально. Роды – тяжелый труд. Но осталось недолго. Попытайтесь уснуть. – Она удалилась, шурша юбками.

С рассветом послышался плач ребенка. Елизавета выскочила из постели, как ядро из пушки, и ворвалась в комнату матери прежде, чем ее успели остановить. Однако мать сидела,

откинувшись на подушки, и улыбалась, ее серебристо-золотистые волосы веером рассыпались по плечам.

– Бесси, у вас теперь есть братик, – гордо сказала она. – Принц для Англии.

Елизавета склонилась над колыбелью. В ней, туго спеленутый, лежал и глядел на нее крошечный младенец с губками, как бутончик розы, и широко раскрытыми синими глазками.

– Какой красивый! – выдохнула девочка. – Можно мне взять его на руки?

– Пока нет, – сказала королева. – Ему сейчас нужно поспать.

– Как его зовут?

– Эдуард. Очень уместно назвать его в честь короля.

Елизавета смутилась, увидев, что мать вдруг залилась слезами. Ну конечно, она скучает по отцу. Как он обрадуется, узнав, что у него родился сын, наследник престола!

Сидевшая у кровати бабушка взяла мать за руку:

– Не расстраивайте себя, Бет.

– Какая жестокая несправедливость, что этому принцу, которого мы так ждали, суждено было родиться, когда его отец в изгнании. – Мать всхлипнула.

Бабушка погладила ее по щеке:

– Его рождение может оказаться благом, если наши друзья, найдя в этом надежду и утешение, останутся верны Эдуарду.

– Молюсь, чтобы так и было! – горячо ответила мать. – Но вдруг Уорик увидит в мальчике угрозу?

– Угрожает ему не мальчик, а его отец, и они правильно делают, что боятся Эдуарда. А что до этого малыша, он слишком мал и беспомощен, чтобы иметь хоть какое-то значение. У них и без того проблем хватает – шутка ли, попытаться снова посадить Генриха Ланкастера на трон, который ему не принадлежит.

Похоже, это успокоило мать. Она попросила бабушку взять принца из колыбели и дать его Елизавете, предупредив дочь:

– Осторожнее.

Девочка вновь взглянула на пухлое личико младенца, и сердце ее растаяло.

Крещение маленького принца, в отличие от торжеств, устроенных по такому же поводу для его сестер, прошло очень скромно и без особых церемоний, словно это был сын бедняка. Обряд совершил в доме аббата приор Истни. Крестными матерями стали бабушка и леди Скруп, а отцами – аббат Миллинг и высокий представительный Истни. Елизавета гордо несла крестильную сорочку, которую надели на ее брата, после того как вынули из купели, в знак очищения от греха. Маленький Нэд – так они называли его, чтобы отличать от отца, – тихонько хныкал, когда из него изгоняли дьявола.

Церемонии воцерковления для матери не устроили, она быстро оправилась и встала с постели, аббат тихо благословил ее в присутствии немногочисленного двора. К тому моменту жизнь как-то наладилась. Стало ясно, что Уорик не намерен предпринимать каких-либо действий против них, и тем не менее королева посчитала мудрым решение остаться в святылище.

– Наш отъезд отсюда могут расценить как провокацию, возникнут подозрения, не намеряемся ли мы собрать вокруг себя врагов Уорика и Кларенса, – сказала она, сидя у камина, потом взяла младенца у леди Скруп и стала качать его на руках. – Нет, наша безопасность покоится лишь на огромной привилегии находиться в этом святом месте. Мы должны терпеливо переносить наши испытания.

Однако, по мере того, как зимние дни укорачивались, королева все чаще предавалась печали, впадала в уныние и проявляла все, что угодно, кроме терпения: возмущалась тем, что ей приходится сидеть взаперти, жаловалась на потерю супруга и королевской жизни, которую вела.

– Когда это закончится?! – горестно восклицала она. – Когда же приедет Эдуард?

Елизавете невыносимо было слышать и видеть, в каком состоянии находится ее прежде безмятежная мать, напуганная до того, что вздрагивает от каждого шороха. Но рядом всегда была бабушка, она утешала и ободряла. Надежда, что их невзгоды скоро закончатся, никогда не покидала ее, и Елизавету это успокаивало.

Время тянулось медленно. Взрослые часто предоставляли детей самим себе. Елизавета и Мария с удовольствием поиграли бы с Нэдом, но малыш много спал. Немногочисленные игрушки наскучили им, придумывать новые забавы они устали. Вот бы оказаться в Тауэре или Вестминстере, где осталось столько прекрасных вещей, с которыми можно играть. Рождество прошло без особых торжеств, хотя женщины ради детей как могли старались веселиться, мастер Гулд доставил отличного гуся к столу королевы, а аббат принес сливовый пудинг. В феврале Елизавете исполнилось пять лет, и монахи испекли для нее пирог. Это были яркие интерлюдии в монотонном существовании. Наконец вечера стали не такими долгими, наступила весна.

Аббат Миллинг регулярно сообщал им новости о событиях в окружающем мире. Имея множество друзей в высоких кругах, он был хорошо информирован и слышал, что герцог Бургундский, женившийся на тете Маргарите, помогал королю Эдуарду собирать флот. Но насколько достоверна эта информация, никто сказать не мог.

И вот однажды в апреле аббат явился в Иерусалимскую палату с широкой улыбкой на лице:

– Ваша милость, у меня прекрасные новости. Король совершил вторжение, и Англия предается ему, графство за графством. Глостер и граф Риверс идут вместе с ним, и люди собираются под их знамя!

Лицо матери преобразилось, засияло.

– Хвала Господу! Я молилась об этом.

– Он совершил великое дело, – сказал аббат.

– Папа возвращается домой! – воскликнула Елизавета; они с Марией взяли за руки и вместе заскакали по комнате.

– Я никогда не теряла веры в то, что он это сделает, – ввернула свое слово бабушка. – И меня радует, что мой сын Риверс с королем.

– Мы должны молиться о благополучном и мирном завершении этого конфликта, однажды и навсегда, – сказал аббат. – Но мне кажется, эта новость – повод для торжества. Я пришлю вам кувшин моего лучшего рейнского.

На следующий день аббат Миллинг пришел снова:

– Дела обернулись еще лучше, мадам. Милорд Кларенс покинул Уорика и примирился с королем. Кроме того, я получил от его милости весьма утешительную весть. Он просит вас ободриться, так как намерен одолеть своих врагов.

Лицо матери вновь просветлело, и она обняла дочерей:

– Бог даст, скоро мы опять будем вместе с вашим отцом. И снимем обузу с ваших плеч, отец настоящий.

Миллинг покачал головой:

– Вы никогда не были мне обузой. Для меня честь – дать вам приют в это трудное время. Когда он ушел, улыбка исчезла с лица матери.

– Я никогда не прошу Кларенсу того, что он сделал с нами. Эдуард, может, и примирился с ним, и ради него я буду проявлять дружелюбие, но не перестану смотреть на его брата как на врага.

Елизавета тоже не думала, что сможет простить дядю.

Два дня спустя отец вступил в Лондон во главе большой армии, и никто его не остановил. Елизавета вместе со всей семьей с восторгом слушала в Иерусалимской палате рассказ аббата о том, как король вошел в собор Святого Павла и потребовал обратно свой трон.

– Люди вокруг него ликовали. Все покорились ему. Воистину в этом видна рука Господа.

– А где Уорик? – спросила мать.

– Сбежал! А бедный Генрих Ланкастер опять в Тауэре. Похоже, король Эдуард намерен проявить снисхождение. Генриха нужно пожалеть, так как сам он безобиден, его использовали в собственных целях люди без чести и совести.

– Я буду молиться за него, – сказала бабушка. – Он всегда был невинной душой, еще и до того, как на него нашло безумие.

– Король будет здесь завтра, – сообщил аббат. – Сперва он возблагодарит Господа за возвращение власти, а затем придет за вашими милостями. Полагаю, вам нужно собирать вещи.

Утром в дом аббата прибыл лорд-камергер с несколькими придворными дамами. У них были полные руки роскошных одеяний для королевы и ее детей. Елизавета запрыгала от радости, когда ей сказали, что их скоро проводят во дворец Вестминстер. Как же здорово вернуться домой!

Огромная толпа, собравшаяся у аббатства, разразилась громкими приветственными криками, когда королева, неся на руках принца, появилась из ворот и повела своих дочерей к дворцу. Елизавета была в своем любимом алом бархатном платье, хотя оно стало ей маловато, так как она выросла с тех пор, как надевала его в последний раз. Девочка махала рукой и улыбалась людям, чувствуя себя так, будто идет по воздуху, а они в ответ посылали ей благословения.

Когда они вступили во дворец и подошли к Белому залу, зазвучали трубы. И там был отец – разодетый в золотую парчу, он сидел на троне с широкой улыбкой триумфатора на прекрасном лице. Жена и дети двинулись к нему сквозь ряды склоняющих голову лордов и леди, а король встал, чтобы приветствовать их. Мать начала делать реверанс, однако он шагнул вперед и поднял ее, удивленно глядя на младенца, которого она держала на руках.

– Мой сын! – благоговейно произнес король. – Дорогая, вы не могли сделать мне лучшего подарка по случаю возвращения домой. Огромная радость – видеть вас и наших принцесс. Я сильно скучал по всем вам.

– А я по вам, милорд. – Голос королевы дрогнул, и слезы потекли по ее лицу.

Эдуард привлек супругу к себе:

– Все закончилось, Бет. У нас впереди славное будущее. И есть прекрасный сын для утешения сердца и радости. Он – драгоценный дар Господа и мое самое желанное сокровище.

Отец отпустил мать, потом наклонился и нежно поцеловал Елизавету и Марию, а после них – Сесилию, которая радостно лепетала на руках у бабушки.

– Как же вы все выросли! – воскликнул он. – Скоро мне придется подыскивать вам всем мужей, да?

Елизавета взглянула на него, едва в силах поверить, что ее отец – этот высокий прекрасный мужчина с блестящими рыжевато-коричневыми волосами и ослепительной улыбкой – действительно здесь. Отец поймал ее взгляд и сказал:

– Моя Бесси, вы мне теперь еще дороже.

Погладив дочь по голове, он повернулся к королеве и взял у нее ребенка.

– Милорды и леди, представляю вам Эдуарда, принца Уэльского, вашего будущего короля! – под оглушительный гром оваций провозгласил король.

Затрепетав при этих звуках, Елизавета огляделась. Вот стоит и широко улыбается ее дядя, стройный темноволосый герцог Глостер; пережив вместе с королем изгнание, он теперь был в большом фаворе. Вот и дядя Энтони Риверс, жизнерадостный брат матери, сияет и бьет в ладоши. А вот и дядя Кларенс с застывшей улыбкой, будто с трудом натянул ее на лицо. Елизавета надеялась, что ему стыдно за свои поступки и он выучил свой урок, так как отец проявил по отношению к нему настоящую милость. Но сейчас она не станет думать о его предательстве. Они все снова вместе, мир пришел в порядок, и будущее манит к себе.

Позднее в тот же день Елизавета и Мария играли на полу в кабинете короля, игрушки они с восторгом извлекли из своих сундуков, а их родители сидели и разговаривали, держась за руки и время от времени обмениваясь поцелуями. Они несказанно радовались воссоединению, и мать выглядела очень счастливой.

– Я намерен наградить аббата Миллинга за проявленную к вам доброту, – сказал отец.

– Он этого заслуживает, – отозвалась мать. – Не знаю, как я перенесла бы эти месяцы без него. Люди были так добры к нам. Мясник, господин Гулд, пять месяцев кормил нас за свой счет.

– Его тоже ждет награда, как и тех, кто помогал вам при родах, любовь моя.

Мать наклонилась и поцеловала его:

– А я, милорд, с вашего разрешения, устрою часовню в Вестминстерском аббатстве и посвящу ее святому Эразму, защитнику рожениц, в благодарность за благополучное рождение нашего сына.

– Обязательно. – Отец заулыбался. – А теперь нам пора отправляться в Сити и замок Байнардс. Моей матери не терпится увидеть нас.

– Кошмар закончился, и теперь она вздохнет спокойно.

Отец помолчал, лицо его вдруг посерьезнело.

– Еще не конец испытаниям. Уорик сбежал, и с ним предстоит разобраться. Я получил известие, что Маргарита с армией направляется сюда из Франции, ее тоже нужно остановить. Только после этого мой трон будет в безопасности.

Елизавета оторвалась от игры в кегли и смутилась, увидев выражение тревоги на лице матери. Неужели снова начнутся сражения? Страшно было подумать о том, что случится с ними, если отец проиграет.

Сделав реверанс королю, Сесилия Невилл, герцогиня Йоркская, тепло обняла его.

– Вы благополучно вернулись ко мне, сын мой, – сказала она, сопровождая свои слова поцелуем, и не смогла удержать слез. Затем она протянула руки, воскликнув с улыбкой: – Мои дорогие дети!

Елизавета и Мария кинулись к ней. Она была более представительной дамой, чем бабушка Риверс, очень величавой и чопорно-вежливой, тем не менее при виде внучек всегда отбрасывала сдержанность.

– А теперь идите и загляните вон в тот ларец, вы там найдете кое-что приятное, – сказала герцогиня.

Обычно у нее были припасены для детей какие-нибудь сюрпризы – монеты, конфеты, безделушки. На этот раз в ларце оказались золотые подвески, для Елизаветы с янтарем, а для Марии с бериллом. Девочки радостно поблагодарили бабушку.

Герцогиня придирчиво осмотрела малыша Нэда, который неуверенно глазел на ее голову под черной вуалью.

– Только посмотрите, какой крепыш! – заметила она. – Прекрасный будет король.

После этого герцогиня отослала Елизавету и Марию играть, и девочки впервые за долгое время вкусили радость свободы – они носились из комнаты в комнату по лабиринтам замка

Байнардс, играли в пятнашки, потом смотрели на Темзу с зубчатой стены под присмотром одного лишь дюжего грума.

На следующий день была Страстная пятница, принцессам с трудом удалось высидеть во время торжественной службы в церкви, хотя бабушка и следила за ними ястребиным взором. Сама она была очень набожна и ожидала от внучек того же. Елизавета гадала: что думает бабушка Йорк о Кларенсе, который примкнул к Уорику? Простила ли она его от всего сердца, как отец? Ей, должно быть, горько видеть столь жестокую вражду сыновей.

Днем король созвал своих лордов на совет в замке Байнардс. После этого мать прервала игру дочерей в куклы:

– Поторопитесь, девочки. Ваш отец велел нам перебраться в лондонский Тауэр. Он хочет, чтобы мы были в безопасности, пока сам на севере разбирается с Уориком.

Елизавете ненавистна была сама мысль, что отец вновь отправится воевать. Помогая мис-тресс Джейкс паковать вещи в дорожные сундуки, она от всей души желала, чтобы отец остался с ними. Они провели вместе так мало времени. Когда настал момент прощаться с королем на причале, Елизавета собрала с духом, как подобает принцессе, и старалась не плакать. Но не смогла сдержаться.

Видя, как она расстроена, отец поднял дочь на руки и поцелуем смахнул с ее щек слезы.

– Присматривайте за своим маленьким братиком, – сказал он. – Я скоро вернусь, не сомневайтесь.

Мать подвела Елизавету к ожидавшей короля барке. Девочка запрокинула голову и махала рукой, стараясь запечатлеть в сердце улыбающееся лицо отца.

Обе бабушки сопровождали их в Тауэр вместе с почтенным кардиналом Томасом Бурше, архиепископом Кентерберийским, которому поручили следить за благополучием королевы и детей. И там, в покоях королевы, их дожидалась леди Бернерс, которую мать вызвала, как только они покинули святилище. Елизавета раскинула руки и обняла свою любимую наставницу, которая, сколько девочка себя помнила, всегда была при ней. Если бы леди Бернерс осталась с ними в аббатстве, то не было бы так страшно, в этом Елизавета не сомневалась.

Королевские покои в Тауэре, более старые и не такие просторные, как в Вестминстере, однако, были украшены яркими картинами, а под окнами раскинулся сад. Пока все с нетерпением ждали новостей, Елизавета и Мария резвились на весеннем солнышке. Сесилия топала за ними, тщетно пытаясь догнать, а Элис Уэллес, кормилица Нэда, сидя на скамье, кормила малыша и приглядывала за его сестрами.

Жить в трепетном ожидании им пришлось недолго. В воскресенье на Пасху Елизавета разволновалась, увидев запыхавшегося, забрызганного грязью гонца, который привез королеве новости о большом сражении при Барнете, к северу от Лондона.

– Король одержал победу! – сказал вестник столпившимся вокруг него женщинам и детям. – Уорик убит!

Мать перекрестилась:

– Значит, великий Делатель королей, наш злейший враг, повержен.

– Король направляется на запад, мадам, так как королева Маргарита и ее сын вторглись в страну. Ходят слухи о ее намерении перейти реку Северн, чтобы попасть в Уэльс и соединиться с силами Джаспера Тюдора.

– Бунтовщика! – воскликнула мать. – От этих Тюдоров вечно одни проблемы. Уэльские выскочки! Молюсь, чтобы милорд перехватил Маргариту до того, как она достигнет Северна. Да хранит его Господь.

Елизавета повторила про себя эту молитву. Королева Маргарита, гневливая супруга Генриха Ланкастера, часто являлась к ней во сне пугающим призраком, который хотел уничтожить отца и весь дом Йорков. А ее сын, Эдуард Ланкастер, был весьма неприятным молодым человеком, судя по обрывкам разговоров, которые случайно доносились до девочки. «Интересно, –

подумала она, – приехала ли с ним в Англию его жена, младшая дочь Уорика Анна?» Елизавета невольно осуждала ее, так как та согласилась выйти за него, хотя и знала, что мужей для своих дочерей выбирают отцы и матери. По крайней мере, на этот раз дядя Кларенс сражался на стороне отца вместе с дядей Глостером.

Прошли три напряженные недели тревог и волнений, прежде чем они узнали о триумфальной победе короля при Тьюксбери.

– Битва была жестокой, ваша милость, – сообщил гонец, – однако Эдуард Ланкастер пал на поле брани, а Маргарита взята в плен. Король возвращается в Лондон.

Елизавете стало жаль Маргариту, которая потеряла все. Она увидела, как мать выхватила из колыбели Нэда, будто представила себе весь ужас потери бесценного ребенка, потом поборола волнение и повернулась к ним, глаза ее сияли.

– Хвала Господу! – выдохнула королева, бабушка Риверс обняла ее, а бабушка Йорк перекрестилась и склонила голову в молитве.

Елизавета обратилась к Марии:

– Какая прекрасная новость, правда? Папа возвращается домой! – Она приплясывала от радости.

Однако радость длилась недолго. На следующий день, услышав шум за окном, мать оторвалась от шитья.

– Что там такое? – Она встала, выглянула в окно своего главного покоя, выходящее на Темзу, и воскликнула: – Спаси нас, Боже!

Елизавета, которая устраивала пир для кукол, подскочила и присоединилась к бабушкам, побросавшим вышивание и спешившим к окнам. Выше по реке, перед Лондонским мостом, собрались бесчисленные суда, битком набитые людьми.

– Это флаг Бастарда Фоконберга, – сдавленным голосом проговорила мать. – Он один из самых ревностных сторонников Маргариты. Боже милостивый, что он затеял?

Королева мигом вызвала лейтенанта Тауэра⁷, и тот спешно явился.

– Мадам, я сознаю, как велика опасность. При появлении первого корабля я послал лазутчиков разведать, что происходит. Они слышали, как Фоконберг хвалился, что пришел свергнуть с трона короля Эдуарда и восстановить Генриха Ланкастера.

– Как он смеет! – вскричала мать. – Разве он не знает, что дело Ланкастеров проиграно?

– Мы выстоим, мадам, – заверил ее лейтенант, – но на судах тысячи солдат. Наши военачальники полагают, что среди них есть наемники и пираты – обычные смутьяны. Боюсь, ярости этих злодеев нелегко будет противостоять, но на нашей стороне время, так как они, кажется, сперва намерены атаковать Лондон, а уж потом возьмутся за Тауэр.

Елизавета заплакала от страха. Леди Бернерс положила руку ей на плечо и сказала:

– Мы здесь в безопасности, дитя.

– Не бойтесь, миледи принцесса, – успокоил ее лейтенант. – Горожане заперли ворота и строят баррикады. Лорд-мэр прислал сказать, что он отправил самых быстрых гонцов к королю, чтобы те поторопили его поскорее прийти на защиту Сити и ваших милостей.

– А до тех пор мы будем находиться в величайшей опасности, – запинаясь, проговорила мать. – Бастард Фоконберг наверняка попытается захватить Тауэр, ведь здесь находится король Генрих.

Елизавета обмерла. Леди Бернерс сказала, что они в безопасности! А теперь мать говорит, что им грозит беда. Кому же верить?

⁷ *Лейтенант Тауэра* – заместитель констебля (коменданта), главного управляющего Тауэром, который отвечал в основном за содержание узников.

Ей стало легче от спокойствия лейтенанта.

– Во-первых, мадам, Фоконбергу сперва придется как-то взломать защиту Лондона, ведь кто завладеет столицей, тот получит королевство. Мне нужно идти и организовать отпор. У нас здесь много войска, и мы хорошо обеспечены боеприпасами. Не беспокойтесь.

Несмотря на храбрые заявления лейтенанта, женщины ожидали новостей, трепеща от напряжения, как натянутые тетивы на луках.

– Женская доля – всегда сидеть дома и ждать, – с досадой проговорила мать. – Хотелось бы мне быть мужчиной, чтобы находиться там и делать что-нибудь.

– Это внушило бы страх нашим врагам, – с улыбкой произнесла бабушка Риверс.

– Мы должны полагаться на Господа, – сказала бабушка Йорк. – Пойду в церковь и помолюсь там.

– А я собираюсь поговорить с Генрихом Ланкастером, – заявила мать.

– Что? – хором удивились обе пожилые дамы.

– Я попытаюсь объяснить ему, что к чему, пусть он во избежание кровопролития прикажет Бастарду отступить.

– Надеюсь, у него хватит на это ума, – сказала бабушка Йорк, – но, боюсь, вы потратите время впустую.

– Стоит попытаться, – ответила мать и вновь вызвала лейтенанта. Тот явно смутился и попробовал отговорить ее, но королева упорствовала: – Прошу вас, приведите его сюда.

Вскоре появились четверо стражников, которые сопровождали шаркающую ногами фигуру в каком-то пыльном черном балахоне. Елизавета наблюдала за происходящим. Так вот он, Генрих Ланкастер, заклятый враг и соперник ее отца. Ну и жалкий же у него вид – всклокоченные седые волосы, осунувшееся лицо, глаза, на удивление пустые, нервно бегают. Узник неуверенно улыбнулся королеве, и в этой улыбке было не больше коварства, чем в беззубых веселых гримасах малыша Нэда. Елизавета поняла, что этот человек совершенно безобиден.

Очевидно, мать подумала так же и заговорила с Генрихом мягким голосом:

– Сэр Генрих Ланкастер, ваши сторонники намерены атаковать Лондон, и мы находимся в большой опасности. Вы можете нам прогнать их? Одно ваше слово может стать решающим.

Генрих озирался по сторонам:

– Где Маргарита?

– Она идет сюда, – ответила мать.

– Она с Уориком?

– Нет, сэр Генрих. Уорик мертв.

– Я тоже мертв, – ответил ей дрожащий голос. – Ты – ангел?

Елизавета вытаращилась на бедного узника. Как он может быть мертвым?

Королева вздохнула:

– Сэр Генрих, вы понимаете меня? За стенами города собрались толпы людей, которые готовы взять Лондон от вашего имени. Вы попросите их остановиться?

Генрих смотрел на нее без всякого выражения. Королева покачала головой, поняв, что ничего не добьется.

– Уведите его, – приказала она страже.

Елизавета следила, как согбенная фигура покорно удаляется в окружении тюремщиков.

Мать не могла отойти от окон. Остальные женщины все время пытались отогнать от них девочек, но сами были так увлечены происходящим снаружи, что вскоре сдались. Елизавета много часов провела, прижимаясь носом к ромбикам стекол.

– Что там? – Голубые глаза Марии расширились от страха. – Мне не видно. – Она была еще слишком мала и не дотягивалась до окон.

– На стороне Суррея устанавливают пушки, – ответила ей Елизавета, силясь побороть панику. – Матушка, зачем они это делают?

– Пушки не направлены на Тауэр, – ответила мать. – Кажется, они собрались обстреливать Сити.

А когда захватят его, обратят свои взоры на Тауэр! Елизавета замерла от страха. Что будет с ними? Достаточно ли крепки стены крепости, чтобы защитить их?

Вскоре показались клубы стремящегося вверх дыма.

– Они подожгли мост! – воскликнула бабушка Риверс.

Елизавета увидела, как языки пламени охватили Лондонский мост, связующий берега Темзы. Зрелище было ужасное, но оглушительная пальба пушек пугала еще сильнее.

– Они целятся в Старые ворота и в Епископские! – крикнула мать и прижала к себе дочерей; грохот канонады заглушал ее голос.

Елизавета заткнула руками уши, Мария завывала. Вскоре Сесилия и Нэд присоединились к ней, и женщинам пришлось полностью переключиться на детей, чтобы их успокоить.

Елизавету было не оттащить от окна. Она в ужасе наблюдала за яростными атаками осаждающих. Однако Господь даровал лондонцам храбрые сердца, и принцесса, ликуя в сердце, следила за тем, как отважно они обороняют свой мост.

Бастард действовал умно. Он отвел корабли вниз по Темзе, и из них на пристань Тауэра, прямо под окном, в которое смотрела Елизавета, стало высаживаться его многочисленное войско. Девочка с визгом кинулась к матери, пытавшейся унять младенца-сына. Онемев от страха, Елизавета могла лишь цепляться за юбку матери и безмолвно тыкать пальцем в сторону окна. Вдруг раздался еще более громкий взрыв – это пушки Тауэра грянули ответным залпом. От грохота заложило уши.

Сунув Нэда в руки леди Бернерс, королева подбежала к окну:

– Матерь Божья, они здесь! И я вижу пламя. Должно быть, горят соседние здания.

Елизавета глядела снизу вверх на взрослых. Великий страх отображался на их лицах. Бабушка Йорк читала молитвы, перебирая четки. Потом раздался грохот со стороны Старых ворот. Лондонцы давали отпор, стреляя из своих пушек! Прошло совсем немного времени, и, ко всеобщему удивлению и радости, многие из людей Фоконберга попрыгали в свои лодки и уплыли прочь.

Елизавета прильнула к матери. Никогда ей не забыть этот ужасный день. Даже сейчас под стенами Тауэра шла битва, и в ушах у нее звенели визги и крики.

– Смотрите! Энтони идет на подмогу! – воскликнула бабушка Риверс.

Все снова бросились к окнам и увидели внизу дядю Риверса и лейтенанта Тауэра. Сидя на прекрасных боевых конях, военачальники вели большое войско через наружный сторожевой пояс замка.

– Они идут на защиту Сити, – выдохнула бабушка.

Дядя в своих серебристых доспехах выглядел великолепно. Мать всегда говорила, что он – идеальный рыцарь и воплощает в себе все добродетели рыцарства. Если кто-то и мог спасти Лондон, так это он. Вскоре звуки битвы усилились и стали более яростными, но постепенно они удалялись и стихали.

Женщины переглядывались.

– Неужели все закончилось? – прошептала мать.

Елизавета едва смела надеяться на это. Она все бы отдала, лишь бы узнать, что происходит снаружи. По звукам уже ничего было не понять, так как воцарилась тишина.

Казалось, прошло много часов, и под стук копыт в замок вернулись дядя Риверс, лейтенант Тауэра и их люди. Вскоре они пришли в покои королевы, все были возбуждены, громко переговаривались и шутили.

– Бастард бежал, – сообщил дядя. – Мы преследовали бунтовщиков до Степни. – Он усмехнулся. – Думаю, у нас есть повод для торжества, дорогая сестрица, – добавил он и повернулся к лейтенанту. – Вина для всех! Нам многое нужно отпраздновать, и я искренне рад, что его милость, вернувшись домой, найдет свою семью целой и невредимой.

Риверс наклонился к Елизавете:

– Вы вели себя очень храбро, моя дорогая девочка!

Как же красив он был и как галантен! Она обязана ему жизнью. Сердце принцессы преисполнилось радостью и благодарностью.

Отец вернулся! После шести дней томительного ожидания Елизавета стояла в нише большого эркерного окна дома на Чипсайде⁸, откуда королева и ее дамы наблюдали за процессией. Принцесса подсакивала от нетерпения. Колокола лондонских церквей радостно звонили, улица внизу была заполнена ликующей толпой; изо всех окон соседних домов, украшенных свисающими вниз гобеленами и расписными тканями, выглядывали люди. Когда гул толпы перешел в рев, девочка вытянула шею и увидела приближающегося короля – он выглядел как бог на своем белом скакуне, нагрудник его блестел, а надетая поверх шлема корона сверкала на солнце. Широко улыбаясь, он поднимал руку и отвечал на приветствия толпы, а увидев в окне королеву и своих детей, поклонился им, сидя в седле. Король проехал мимо очень быстро, но следом за ним двигалась колонна солдат, так что людям было кого встречать радостными криками.

Вдруг внимание Елизаветы привлекла одетая в черное женщина, которая сидела в окруженной стражей колеснице. Лицо у нее было напряженное и горестное, она смотрела прямо перед собой, будто не замечала торжествующего народа вокруг.

– Маргарита, – мрачно проговорила мать.

Так вот она, злая королева, осмелившаяся поднять оружие против отца. Как, наверное, унижительно для нее быть пленницей, которую с позором везут на глазах у толпы через весь Лондон.

– Что с нею будет? – спросила Елизавета.

– Ваш отец проявил милосердие, – ответила мать. – Ее отправят домой, во Францию, и это больше, чем она заслуживает. Скатертью дорога!

Елизавете, несмотря ни на что, вдруг стало жаль Маргариту, ведь та только что потеряла в битве сына и едва ли еще когда-нибудь увидит своего супруга.

– А где Анна Невилл? – спросила она.

– Понятия не имею, – ответила королева.

Когда процессия закончилась, они поехали в Вестминстер, где король устроил пир, чтобы отпраздновать победу. Было чудесно вернуться в старый дворец, высившийся над северным берегом Темзы. Елизавета пришла в неописуемый восторг, снова увидев огромный главный холл, возносящиеся в небо шпили церкви Святого Стефана, величавые башни и новые пристройки, где располагались королевские апартаменты, – все это было знакомо и дорого ей.

Принцессе позволили не ложиться спать и присутствовать на пиру. Она надела платье из золотистого дамаста с высокой талией и узкими рукавами. Девочка сидела за главным столом и наслаждалась роскошными яствами, которые ей предлагали и которые были гораздо вкуснее того, чем ее кормили в детской. Рядом с нею, дальше от короля, сидели тетя Саффолк, сестра отца, так на него похожая, и лорд Стэнли, очень богатый барон с севера. Он был человеком сердечным, разговорчивым и проявлял большое терпение в общении с маленькой девочкой, которая как могла старалась принимать участие в беседе взрослых. Тетя Саффолк тоже, как

⁸ Чипсайд – улица в Лондонском Сити, в Средние века по ней пролегал маршрут королевской процессии от Лондонского Тауэра до Вестминстерского дворца.

обычно, источала доброту и подбадривала Елизавету. А вот отец выглядел озабоченным. При каждом взгляде на него девочка видела, что он напряженно обсуждает что-то с дядей Глостером и камергером, краснощеким добродушным лордом Гастингсом, своим большим другом и советником. Трапеза еще не окончилась, а они трое встали, поклонились королеве и ушли. Мать выглядела расстроенной, но продолжила вспоминать события дня вместе с бабушкой Йорк.

Елизавета подавила зевок. Когда леди Бернерс пришла, чтобы отвести принцессу в постель, та сделала реверанс перед матерью и охотно согласилась, чтобы ее увели. Проходя мимо королевы, она услышала ее слова, обращенные к бабушке:

– Это к лучшему. У него нет выбора.

Эти слова ничего не значили для Елизаветы – разговор взрослых. Однако в продолжение следующих нескольких дней, которые она провела с сестрами и братом в детской и в личном саду королевы, принцесса замечала, что взрослые то и дело о чем-то шепчутся и сразу умолкают, стоит ей подойти к ним. Она стала прислушиваться к их беседам, притворяясь, что увлечена какой-нибудь игрой, и ловила каждое слово болтающих друг с другом нянек, когда те считали, что она не слышит их. Так Елизавета узнала о смерти Генриха Ланкастера.

– Все это весьма загадочно, – сказала мистресс Джейкс. – Говорят, милорд Глостер находился в Тауэре, когда случилось несчастье.

– Вы верите в то, что Генрих будто бы умер с горя, узнав о смерти сына и пленении жены, как было объявлено? – Это произнесла леди Бернерс.

Последовала пауза.

– Такое могло произойти. Я знала одного человека, который свалился замертво, когда ему сообщили, что его жену переехала телега.

– Хотя это сомнительно. Я слышала, тело Генриха выставили в гробу в соборе Святого Павла и сквозь доски на пол сочилась кровь. Мне это кажется странным: трупы обычно не кровоточат. Но делать какие-то выводы не стоит. Не забывайте, кому мы служим.

– Я помню. Но не могу удержаться от мысли: вдруг кто-то решил раздавить семя.

– Думаю, нам лучше сменить тему, – заметила леди Бернерс, и дамы принялись обсуждать новую одежду для Нэда, которая нужна ему, когда он без пеленок.

«Бедный безумец, – подумала Елизавета. – Может быть, он с радостью расстался со своей скорбной жизнью, чтобы отправиться на небеса». Но рассказ о том, как он истекал кровью, был ужасен. Она не поняла, что имела в виду леди Бернерс или почему дядя Глостер находился в Тауэре, когда умер Генрих, и какой смысл вкладывала мистресс Джейкс в слова «раздавить семя».

– Что значит семя? – спросила она у матери, когда та благословляла ее на ночь тем вечером.

– Это зерно, которое сеют, из него потом вырастают растения или цветы, – ответила ей королева.

Елизавета была озадачена. Это уж совсем не имело никакого смысла. Ей хотелось бы поговорить об этом с дядей Глостером. Он-то наверняка сумеет объяснить, что произошло в Тауэре. Но дядя никогда не приходил в покои королевы, по крайней мере когда там находилась Елизавета, так что оставалось только ждать удобного момента.

Момент настал, когда король со своей семьей отправился прокатиться по реке. Все они, даже малыш Нэд, поднялись на обтянутую роскошными тканями величественную королевскую барку. Мать позволила Елизавете и Марии выйти на палубу, а дядя Глостер сказал, что присмотрит за ними. Они стояли, наблюдая, как мимо проплывают другие суда, и любясь красотой Лондона. Город был такой спокойный и мирный в сравнении с картинами страшного побоища, происходившего здесь всего пару недель назад. Елизавета до сих пор вздрагивала при мысли об этом.

Барка закачалась, приближаясь к Лондонскому мосту, где вода шла рябью. Дядя Глостер приосанился, и Елизавета вспомнила: у него ведь кривая спина, но он так хорошо это скрывал, что никто не догадывался о его физическом недостатке, который, однако, не мешал ему храбро сражаться в битвах.

Немного позже Елизавета улучила момент:

– Дядя, вы были с Генрихом Ланкастером, когда он умер в Тауэре?

Глостер хмуро посмотрел на нее:

– Нет, не был, Бесси. Почему вы спрашиваете?

– Я слышала, как кто-то говорил, что вы там были.

– Да, я приезжал в Тауэр, но по делам короля.

Девочка пытливо вглядывалась в серьезное лицо дяди: выступающий вперед подбородок, нос, похожий на клюв, темные глаза. Она знала, что он не станет лгать ей. Дядя Глостер всегда был верен отцу и разделял вместе с ним тяготы изгнания. Отец говорил, что дядя человек отважный, сильный духом и пылкий, нет никого, кому он доверял бы больше.

– Мне жалко Генриха Ланкастера, – сказала Елизавета. – Он был сумасшедший.

– Да, и умер с горя, – заверил ее дядя Глостер. – Эта война между Йорками и Ланкастерами собирает свою ужасную дань. В юности Уорик был мне вместо отца, особенно после того, как мой родной отец погиб в битве при Уэйкфилде. Это случилось еще до вашего рождения. Однако Уорик предал короля и нашу семью. Именно он виновен в недавнем кровопролитии. – Глостер сдвинул брови и устремил взгляд на берег. – Хорошо, что Господь забрал к себе Генриха Ланкастера именно сейчас. Низложенный король всегда будет угрозой для своего преемника и фокусом притяжения для мятежников. – Дядя ободряюще улыбнулся племяннице. – Но давайте не будем думать о грустном, Бесси. Вам следует радоваться нашей прогулке. Смотрите, вон там Плацентия! – Он указал на прекрасный дворец, стоявший на берегу Темзы, в Гринвиче.

Жизнь вернулась в обычное русло и снова стала приятной. Отец прочно сидел на троне, враги его были повержены, чтобы никогда больше не подняться. А в животе у матери рос очередной ребенок.

Нэду уже составили собственный штат придворных, включая камергера, господина Вогана, который на людях носил принца на руках, и священника, кроткого дядюшки Лайонела, младшего брата матери. В июле Елизавета присутствовала на церемонии официального объявления Нэда принцем Уэльским, ее проводил король, он же принял у лордов присягу на верность своему законному сыну и наследнику. Принцесса с гордостью наблюдала за тем, как дворяне, начиная с Кларенса и Глостера, один за другим выходили вперед и клялись в верности ее брату.

К декабрю Нэд научился ходить. Он бойко топал к раскинувшей ему навстречу руки Елизавете, когда леди Бернерс принесла адресованное принцессе письмо.

– Королева говорит, вы можете вскрыть его.

Елизавета сломала плоскую печать. Читать она еще не умела, а потому передала письмо своей наставнице.

– Оно от графини Уорик, – сказала леди Бернерс, и улыбка сошла с ее губ. – Она просит вас заступиться за нее перед королем, так как милорды Кларенс и Глостер, как пишет графиня, отобрали у нее земли. Бесси, думаю, это послание нужно показать его милости.

– Я хочу сама передать ему письмо, – сказала Елизавета, которой было любопытно узнать, что скрывается за этим обращением к ней.

– Хорошо, – согласилась леди Бернерс.

Елизавета вручила письмо отцу, когда пришла к нему после вечерни. Стоя рядом с его креслом, она видела, что лицо короля, пока он читал, мрачнело.

– Она – глупая женщина и не имела права обращаться к вам, Бесси. – Он усадил дочь к себе на колени. – Я не отбирал у нее земли. Ее муж умер предателем, а сама она с тех пор живет в монастыре. Обширные владения Уорика перейдут к двум его дочерям. Я позволил дяде Кларенсу взять их в управление, так как он женат на Изабель. Дядя Глостер хочет жениться на Анне, потому что она овдовела, и, когда это произойдет, земли Уорика по моему распоряжению будут поделены между моими братьями.

– Но как же миледи Уорик? – Елизавета пожалела бедную женщину, так как сама знала, какой ужасной может быть жизнь в монастыре.

– Парламент объявит ее официально мертвой, чтобы дочери могли вступить в права наследства.

Елизавета подняла глаза на короля, смущенная тем, что человека могут объявить мертвым, пока он еще жив.

– Она не останется в нужде, – успокоил ее отец.

– А когда дядя Глостер женится на Анне Невилл?

Король вздохнул:

– Это хороший вопрос, Бесси. Проблема в том, что она исчезла. Никто не знает, где ее искать.

– Подозреваю, что Кларенсу это известно, – вмешалась в разговор мать, втыкая иглу в натянутую на пяльцы вышивку.

– Он это отрицает, – возразил король.

– Но кто потеряет больше всех, если Глостер женится на Анне? Кларенс хочет сохранить все наследство за собой.

– Едва ли он зашел так далеко, что стал прятать ее.

Мать выглядела раздраженной:

– Милорд, вам нужно научиться более реалистично смотреть на своих братьев. Вы проявили слишком большую снисходительность, когда Кларенс предательски поддержал Уорика. К тому же он ненавидит меня и моих родных. Считает нас выскочками и всегда держался такого мнения.

– Думаю, этот разговор немного преждевременный, – сказал отец и спустил Елизавету на пол. – Вы, наверное, ждете не дождетесь Рождества, Бесси. Мы проведем его здесь, в Вестминстере, устроим игры, маскарад, банкеты и пантомимы. Я намерен организовать пышные торжества, чтобы наверстать упущенное в прошлом году.

Елизавета захлопала в ладоши и воскликнула:

– Ах, скорей бы уже! – Однако, лежа в постели в ту ночь без сна, она думала не о грядущем Йолетиде, ее не оставляла мысль: куда же подевалась Анна Невилл?

Глава 3

1472–1475 годы

Отец часто говорил о прекрасном Брюгге, где он провел время изгнания в качестве гостя герцога Бургундского. То и дело он поминал Бургундию, и вскоре Елизавета узнала, что тамошний двор первый во всем христианском мире по великолепию как в области искусства, так и в моде и манерах.

Решив никому не уступать в блеске и роскоши, король щедро тратился на свой двор, желая произвести впечатление на своих подданных и иностранных гостей. Для Елизаветы стало привычным видеть работников, которые занимались бесконечными улучшениями в Вестминстере и других королевских дворцах, перестраивали их в красном кирпиче, столь любимом

в Бургундии, золотили деревянные панели, создавали витражи, развешивали по стенам изысканные гобелены и картины фламандских мастеров. Отец тратил огромные суммы на атрибуты своего величия, особенно на экстравагантные наряды, дорогие украшения и обильный стол. Елизавета с восторженным трепетом взирала на все это и дала себе слово, что, если когда-нибудь выйдет замуж за короля или принца, у нее будет такой же великолепный двор.

Где бы ни находился двор, отец неизменно восседал на троне в блеске своего величия или легко перемещался среди придворных, радушный и всем доступный. Он был прост в общении и легко находил общий язык со всяким. Елизавете нравилось, когда отец, видя человека, онемевшего от благоговения перед его королевским великолепием, подбадривал его и побуждал говорить, дружески положив руку ему на плечо. Она знала, что в гневе король был страшен для тех, кто оскорбил его, но никогда он не выказывал гнева по отношению к своим детям и часто проявлял великую доброту и нежность к своей супруге.

Однажды ранней весной мать пришла в детскую в Вестминстере, уже обремененная большим животом, и тяжело опустилась на скамью.

– Вам уже шесть лет, Бесси, пора начать ваше обучение. Вам нужно узнать, как быть достойной женой великого принца и овладеть всеми качествами, необходимыми королеве. Мы начнем с самого важного, а это честность и непорочность – свойства характера, которые больше всего восхищают мужчин. – Она пустилась в долгое наставительное рассуждение о том, чего ждут от юной леди. – Вы должны держаться с достоинством, не сутулить спину и скромно опускать глаза. Больше никакой беготни по дворцу.

Сделать это оказалось труднее, чем думала Елизавета. Она часто забывала, что нельзя бегать и скакать, ведь до сих пор ей это позволялось. У леди Бернерс нередко появлялись поводы упрекать свою воспитанницу, и она то и дело напоминала ей о необходимости следовать примеру матери, которая являла собой образец королевского достоинства.

Некоторые уроки вела леди Бернерс, но читать и писать Елизавету учила мать.

– Вам повезло, Бесси, – говорила ей наставница. – В мое время на женщин, которые знали буквы, смотрели косо. Люди опасались, что грамотность может привести к легкомысленному поведению, например к написанию любовных писем. Однако мой отец, хвала Господу, держался передовых взглядов, и теперь становится общепринятым, что образованная женщина может оставаться добродетельной. Умение читать и писать пригодится вам, когда настанет время управлять замками и дворцами. Вы сами сможете сочинять письма, и ваш ум расширится от чтения.

Елизавету всегда завораживали книги. Мать регулярно показывала ей прекрасные манускрипты в королевской библиотеке, и девочку очаровывали нарисованные в них миниатюры и поля текста, украшенные узорами из прелестных цветов или изображениями фантастических животных. Вскоре она уже могла прочесть многие слова сама. Это была для нее большая радость – вступать в мир короля Артура или открывать для себя волнующую историю святого Георгия, покровителя Англии, который спас обреченную на смерть принцессу от ужасного дракона.

Однако девочка извлекала уроки не только из книг. Много времени она проводила, наблюдая, как мать распоряжается слугами и общается с придворными, которые помогали ей в исполнении ее важных обязанностей. Елизавета быстро научилась считать, чтобы, когда вырастет, разбираться в денежных вопросах. Ей давали уроки танцев, музыки, шитья и оставляли немного свободного времени для игр. Почти каждый день в сопровождении грума она каталась верхом на своем пони по кличке Галахад. Принцессе нравилось скакать по парку и уноситься мыслями далеко, подставляя лицо ветру, который трепал ее волосы. Воспоминания о недавних тяжелых временах иногда заполняли ее сны, однако в часы бодрствования Елизавета мало думала о них. Жизнь настала мирная.

В апреле они жили в замке Виндзор. Мать родила очень милую девочку, которую назвали Маргарет в честь тети Маргариты, герцогини Бургундской. Елизавете сразу понравилась новая сестренка, и они втроем с Марией и Сесилией много суетились вокруг нее, передавали с рук на руки, как куклу, и ссорились из-за того, кто будет держать ее. Малыш Нэд был немного отставлен в сторону, и его уже не демонстрировали с гордостью как младшего в семье, но мальчика больше интересовали скачки на деревянной лошадке и размахивание игрушечным мечом, чем возня с агукающим, спеленутым младенцем.

Исчезновение Анны Невилл продолжало занимать мысли Елизаветы. Ей было не понять, как могла пропасть неизвестно куда наследница огромного состояния. Дядя Глостер не прекращал поисков Анны. Он был убежден, что дядя Кларенс спрятал ее в одном из своих помещений, но все его расспросы – и, как говорили, подкуп слуг брата – ни к чему не привели.

– Но потом фортуна улыбнулась мне, – сказал он отцу, и Елизавета, в первый теплый день весны игравшая в личном саду короля с Марией, навострила уши.

Мать еще не вставала с постели после родов, а леди Бернерс держалась на приличном расстоянии от короля и его брата, которые сидели на каменной скамье, – Эдуард крупный, облаченный в наряд из желто-коричневого бархата, а дядя Глостер, стройный, бледнолицый, весь в черном, тем не менее находился в весьма приподнятом настроении.

– Сдается мне, – продолжил он, – что Кларенс укрывает Анну в своем лондонском доме. Я ходил туда сегодня утром, зная, что брат при дворе, сказал, будто пришел забрать книги, которые давал ему. Управляющий впустил меня, и я заглянул во все комнаты, изображая, что ищу свои вещи. Но нигде не обнаружил следов присутствия Анны. Тогда я спустился в комнаты слуг, только там я еще не побывал, хотя к тому моменту уже почти отчаялся. Сказал, что хочу пить, и попросил бутылку эля. На кухне царил суев, повара готовили ужин. Мне повезло, я увидел девушку-кухарку, которая резала лук. Она смотрела на меня как на Спасителя, вновь пришедшего в мир, и это была Анна. Я едва мог поверить своим глазам.

Отец рассердился:

– Достоин сожаления, что с одной из самых богатых наследниц в королевстве обращаются как с кухонной девкой.

– Меня это тоже разозлило. – Глостер оживился. – Я обратился к управляющему и заявил ему, что эта юная леди пойдет со мной. Он возразил: сперва, мол, нужно попросить разрешения у Кларенса, но я сказал, что сам объяснюсь со своим братом. А потом просто взял Анну за руку и вывел ее из дома. Когда мы оказались на улице и нас окружила моя охрана, она разразилась слезами и без конца благодарила меня. Я отвел ее в монастырь Сен-Мартен-ле-Гран и там оставил. Нэд, я хочу жениться на ней, как только получу разрешение от папы, ведь мы близкие родственники.

– Да, вы должны жениться на ней и получить ее земли. – Отец по-прежнему говорил сердито. – Я намерен обсудить эту историю с Кларенсом, и лучшего момента, чем сейчас, просто нет. – Он встал, лицо его было как грозная туча.

Появился лорд-камергер:

– Ваша милость, милорд Кларенс просит у вас аудиенции. Он говорит, это срочно.

– Еще бы! – мрачно произнес король. – Проводите его ко мне. Леди Бернерс, прошу вас, заберите принцесс в детскую.

Но тут вошел дядя Кларенс, с багровым от гнева лицом.

– Что дает вам право врывать в мой дом? – резко бросил он дяде Глостеру.

– Пойдемте, – сказала леди Бернерс и потянула Елизавету с Марией прочь, даже не попросив, чтобы они сделали реверансы перед королем.

Пока наставница торопливо уводила детей во дворец, за их спиной слышались сердитые крики. Отец, разумеется, победит в споре. Он же король, и никто не смеет перечить ему, хотя, судя по звукам, дядя Кларенс старался как мог.

Когда Елизавета в следующий раз увидела дядю Глостера на воцерковлении матери, тот подмигнул ей. После пира принцесса спросила короля, женится ли ее дядя на Анне Невилл.

– Непременно, Бесси, – сказал он ей. – Владения Уорика будут разделены между вашими дядями.

Неудивительно, что у дяди Кларенса был такой вид, словно он вот-вот взорвется!

Семья собралась на свадьбу под парящими в вышине сводами церкви Святого Стефана. Елизавета, Мария и Сесилия были в одинаковых бархатных платьях цвета зеленой травы, с лифами на шнуровке, черными бархатными рукавами и золотыми цепочками, волосы принцессам распустили, как подобало юным девушкам. Они стояли в первых рядах толпы благородных леди и лордов и чувствовали себя очень важными персонами, даже маленькая Сесилия старалась не вертеться во время долгой церемонии бракосочетания.

Елизавета радовалась, что у нее появится новая тетя. Анна Невилл была стройной и довольно красивой, с полными губами, большими глазами и каскадом рыжеватых волос. После того как дядя Кларенс пытался лишить брата невесты и наследства, дядя Глостер заслужил это счастье. Он и выглядел счастливым, улыбался Анне. Огорчало лишь то, что они уедут на север, где Анна владела прекрасными замками, которые, разумеется, теперь все будут принадлежать дяде Глостеру. Жаль будет расставаться с ними.

Ни дядя Кларенс, ни Изабель не показывались, они намеренно пропустили свадьбу и удалились в свои поместья на западе. Елизавета считала, что это глупо. Даже Сесилия поступила бы умнее!

В конце мая мать пришла в детскую и, печально улыбаясь, привлекла к себе детей.

– Бабушка Риверс ушла к нашему Небесному Отцу, – сказала она, и на ее глазах блеснули слезы.

– Она вернется? – едва слышно пролепетала Сесилия.

– Нет, моя милая. Но когда-нибудь мы воссоединимся во Христе и окажемся все вместе на небесах.

Сесилия глядела на нее с недоумением, но Елизавета давно уже поняла, в чем смысл смерти, и объяснила сестрам, что бабушка уснула и никогда не проснется. Дни проходили печально, отсутствие бабушки ощущалось все сильнее. Елизавета любила ее теплые объятия, занимательные сказки о рыцарских подвигах в стародавние времена и продуманные подарки. Но больше всего девочке не хватало исходившей от бабушки любви. Конечно, у них оставалась бабушка Йорк, но она была слишком горда и благонравна. Елизавета тяжело переносила утрату.

В сентябре ей позволили участвовать в торжествах, устроенных в Виндзоре в честь лорда Груутузе, который дал королю пристанище и оказал гостеприимство во время изгнания в Брюгге. Принцесса впервые увидела этого человека, когда отец привел его в покои королевы, где она играла в камешки и кегли с матерью и другими дамами.

– Какое приятное зрелище! – искренне восхитился отец, обращаясь к гостю, худому мужчине, одетому в блестящий алый хупеланд⁹ и берет.

Тот вежливо улыбнулся и склонился, чтобы поцеловать руку королеве. Потом мужчины ушли поговорить наедине, а в покоях королевы был устроен пышный банкет, где подавали всевозможные конфеты, засахаренные фрукты и прочие сласти, о каких только могли мечтать

⁹ *Хупеланд* – долгополая или длиной до середины бедра верхняя одежда с расклешенными рукавами; от нее происходят современные судейская и академическая мантии.

дети. Елизавета стояла и жадно разглядывала угощения, глотая слюнки, пока дядя Риверс не оттащил ее от стола.

– Вам не следует ничего брать, пока еду не предложат нашему гостю, королю и королеве, – укоризненно произнес он, хотя в глазах у него горел лукавый огонек. – Пойдемте. Вы должны сидеть за королевским столом и вести себя наилучшим образом, моя маленькая леди принцесса.

Елизавета кротко кивнула. Он готова была сделать для дяди Риверса все.

Банкет продолжался долго, но Елизавета наслаждалась, поглощая изысканные сласти. Разговоры взрослых по большей части были ей непонятны, но она от души смеялась вместе со всеми и жадно слушала, как отец похваляется перед лордом Груутузе, описывая процесс создания в Англии двора в бургундском стиле и планы строительства новой церкви Святого Георгия в Виндзоре.

К концу вечера Елизавету стало слегка подташнивать. Ее внимание привлек соседний стол, за которым сидели флегматичный молодой герцог Бекингем и его покорная супруга Кэтрин, сестра королевы, очень красивая и гораздо моложе его. Ни для кого не было секретом отношение Бекингема к жене: он не любил ее и считал, что король принудил его жениться на женщине, уступавшей ему по статусу. Он почти не разговаривал с Кэтрин, но без умолку болтал с лордом Гастингсом и другими знатными господами за своим столом. Когда начались танцы, Бекингем пригласил Елизавету составить ему пару. Внезапно оживившись, принцесса ступила на пол, держась за его руку, и под одобрительными взглядами отца и матери станцевала басданс, ни разу не сбившись. По завершении танца Бекингем вежливо поклонился ей и проводил на место.

– Bravo, Бесси! – воскликнул отец и сам повел ее по залу в круговом танце, к которому поспешили присоединиться все остальные.

Как же было весело!

Затем Елизавета и другие дамы последовали за королем с королевой, которые оказали своему гостю честь, лично проводив в отведенные ему покои. Жаль было уходить, когда дамам, и Елизавете в том числе, сказали, что пора оставить лорда Груутузе, так как он хочет принять ванну.

В ту ночь принцессе не спалось. Вечер выдался восхитительный, и ей хотелось перебирать в голове воспоминания о нем, чтобы сохранить их в памяти навсегда.

Приближалось Рождество, Елизавета с нетерпением ждала начала праздников. Они с Марией собирались разыграть в личных покоях королевы сцену появления на свет будущего Спасителя. Елизавете предстояло быть святым Иосифом, Марии выпала роль Девы, малышка Маргарет будет за младенца Иисуса, а Сесилия и Нэд, эти румяные, похожие на херувимов шаловливые дети, сыграют ангелов. Леди Бернерс помогла им с костюмами и научила петь рождественские гимны. Елизавета надеялась, что отец придет посмотреть.

– Можно я возьму Маргарет? – спросила она как-то раз на второй неделе декабря, когда они готовились к репетиции.

– Да, Бесси, – ответила леди Бернерс. – Если она еще спит, разбудите ее. Няне не понравится, если она будет куролесить полночи.

Елизавета радостно побежала в опочивальню, где находилась ее младшая сестра, и склонилась над позолоченной колыбелью. Маргарет еще спала, ее рыжая головка лежала на подушке вниз лицом. Елизавета откинула бархатное одеяльце, открыв маленькое спеленутое тельце. Маргарет не пошевелилась. Тогда Елизавета осторожно перевернула ее на спину. Губы малышки посинели, а лицо имело серый оттенок.

Что-то было не так. Елизавета выбежала в соседнюю комнату:

– Леди Бернерс, идите взгляните на Маргарет. Кажется, она заболела.

Воспитательница быстро подошла к колыбели и бросила на малышку один только взгляд. – Нет! – воскликнула она и перекрестилась. Потом взяла на руки неподвижного ребенка, села и положила девочку к себе на колени, снова и снова растирая ей спинку. – Мистресс Уэллес, приведите королеву! – крикнула она няне принцессы. – Быстро! А вы, дети, прочь!

Елизавета выгнала брата и сестер в детскую. Сердце у нее стучало так быстро, что она с трудом успевала дышать. Девочка опустилась на пол среди груды бутафории и костюмов, пытаясь сдержать слезы, а Нэд и сестры с любопытством глядели на нее. Но сейчас придет мама. Она все исправит.

Мать появилась через пару минут и влетела в спальню. Потом Елизавета услышала ее отчаянный вопль:

– Господи помилуй, только не Маргарет!

Елизавета и Мария стояли рядом со своими плачущими родителями и смотрели, как маленький гроб опускают под алтарные плиты церкви Святого Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве. Отец обнял одной рукой мать, которая будто оледенела – бледная, исхудавшая, в черном платье и траурном вимпле¹⁰.

Елизавета без конца лила слезы с тех пор, как у них забрали Маргарет. Она все спрашивала, почему ее сестра умерла, но никто не знал. Малышка ничем не болела и за два часа до смерти сосала молоко.

– Даже врачи не могут этого объяснить, – сказала леди Бернерс, утирая глаза платком.

Рождество наступило и прошло, как планировалось, но радость была омрачена трагедией. Как могла Елизавета наслаждаться праздниками, когда ее отец и мать такие печальные? Детям уже не хотелось разыгрывать сцену Рождества, и никакие подарки, украшения, игры и праздничная еда не могли возместить им потерю. У Елизаветы перед глазами стояло маленькое посеревшее личико сестры, и ей от всего сердца хотелось снова, еще хотя бы один разок, подержать на руках Маргарет. Но желание это оставалось бесплодным. Какой от него прок?

В феврале 1473 года от Рождества Христова Елизавету и Марию отвели к маленькой алтарной гробнице из серого мрамора, которая находилась перед часовней Святого Эдуарда в Вестминстерском аббатстве. На ней лежала сияющая новизной медная доска, на которой Маргарет была изображена подростком.

– Что там сказано? – спросила Мария, указывая на надпись.

Отец прочел вслух:

– «Благородство и красота, изящество и нежная юность скрыты здесь, в этом ковчеге смерти». – Голос его сорвался. – Дети – бесценные сокровища. Потерять хотя бы одного ужасно.

– В сравнении с некоторыми другими семьями нам повезло, – сказала мать, – но боль все равно невыносима. Когда смерть забирает дитя, которое вы любили, растили и защищали, – это вызывает такое чувство беспомощности...

Вся в слезах, она опустилась на колени перед гробницей. Через некоторое время отец поднял ее, аббат Миллинг отслужил мессу. Елизавета сложила руки, закрыла глаза и молилась о душе Маргарет. Конечно, ее сестренка не будет долго страдать в чистилище. Она еще не успела напроказничать, благослови ее Бог.

Елизавета смотрела на нового младенца и ощущала, как ее сердце распирает от чувства любви. Он был крошечный, но полный жизни.

¹⁰ *Вимпл* – западноевропейский женский головной убор, состоящий из двух платков и закрывающий волосы, шею и грудь; часто вимпл носили вдовы и монахини.

– Ричард, – повторила принцесса.

– Ричард, – улыбнулся отец. – Он станет герцогом Йоркским, как мой отец и его предшественники вплоть до Эдмунда Лэнгли.

– Кто такой Эдмунд Лэнгли? – спросила Елизавета.

– Основатель дома Йорков, дорогая! Твой прапрадед. Он был пятым сыном короля Эдуарда Третьего и первым герцогом Йоркским. Это гордый титул, не забывайте. И теперь носить его будет вот этот маленький рыцарь.

Король нежно прикоснулся пальцем к щеке лежавшего на руках у матери сына. Королева улыбнулась супругу:

– Теперь у вас есть кому передать власть. Вы получили двух наследников.

– Самые дорогие сокровища в моей короне! – заявил Эдуард. – Вы дали мне повод для гордости, любовь моя.

Ребенок родился раньше срока. Мать даже не успела удалиться в уединение. Семья весело проводила время в компании с городскими советниками Шрусбери, когда королева тайком положила руку на поясницу. Елизавета заметила, как она сделала это несколько раз, потом прошептала что-то на ухо королю.

– Господа, – сказал тот, вставая, – я сожалею, что вынужден прервать этот прекрасный пир, но час королевы настал раньше, чем ожидалось.

Торопливо заскребли по полу стулья, зазвучал хор прощаний, король увел детей в их покои в гостевом доме в Блэкфрайарсе. Жена шерифа поспешила за ними и сказала матери, что пошлет за повитухой. Не прошло и двух часов, как Елизавету позвали знакомиться с новым братиком. Приятно было видеть, что ее родители снова счастливы.

Как-то раз осенью королева отвела детей в пожелтевший дворцовый сад у Темзы в Вестминстере и отпустила порезвиться. Нэду было уже три года, красивый крепкий мальчик со светлыми, отливавшими серебром волосами, как у матери, и ангельским личиком. Он любил вместе с сестрами участвовать в их шумных играх и везде следовал за ними. Малыш Йорк радостно кричал им вслед, сидя на руках у няньки.

Но на этот раз мать усадила их всех, и Елизавета ужаснулась, услышав, что у Нэда будет свой двор в замке Ладлоу, неподалеку от границы с Уэльсом. Это так далеко! И она, добавила мать, хотя даже имени своего еще толком произнести не может, должен стать лорд-президентом вновь сформированного совета Уэльса и Марча. А Нэд счастливо улыбался, не понимая, что его ждет в ближайшем будущем.

– Но почему, миледи? Мы хотим, чтобы он остался здесь, – запротестовала Елизавета.

Мать улыбнулась и усадила Нэда к себе на колени.

– Потому что он должен научиться быть королем, – объяснила она и поцеловала сына в макушку. – В Ладлоу ему преподадут науку управления и объяснят, как стать добродетельным принцем. Мне и вашему отцу тоже будет грустно расставаться с Нэдом, но о нем будут хорошо заботиться, и лучшего наставника ему не найти, так как о его образовании и благополучии поручено заботиться вашему дяде Риверсу.

Елизавета вдвойне огорчилась, услышав, что останется еще и без своего элегантного, всегда изысканно одетого дядюшки. Ей нравилось смотреть, как он демонстрирует отвагу на турнирах, и слушать его рассказы о паломничествах в Рим и к святилищу святого Иакова в Компостеле. Она понимала, что в дяде есть и серьезная сторона. Он был добр, прямодушен и благочестив, а под своей дорогой одеждой в напоминание о бренности плоти носил власяницу. Он говорил Елизавете, что его самое горячее желание – отправиться в крестовый поход против неверных. Ну, теперь с этим придется повременить.

– Я сама буду членом совета принца, – говорила меж тем мать, – и мои родственники отправятся туда, чтобы служить ему. Девочки, ну что вы так приуныли? Вы не навсегда расста-

етесь с Нэдом. Он будет приезжать ко двору при каждой возможности и проводить с нами все великие праздники. Не забывайте, вы сами в один прекрасный день выйдете замуж и покинете двор, вероятно, чтобы жить в другом королевстве.

Мысль была отрезвляющая и тревожная. Елизавета росла в убеждении, что однажды станет супругой короля или принца, но когда еще это случится. Как это скажется на ней, она пока не задумывалась. Тетю Маргариту отправили за границу, чтобы та вышла за герцога Бургундского, и с тех пор она в Англию не возвращалась. Перспектива никогда больше не видеть родителей, братьев и сестер, покинуть Англию со всем, что ей близко и знакомо, представлялась Елизавете ужасной. И реальность того, что это когда-нибудь произойдет, предстала перед ней во всей наготе, когда незадолго до отъезда принца в Ладлоу мать сообщила ей, что Сесилию выдадут замуж за шотландского принца Якова.

– Ему всего два года, так что до этого еще далеко, – добавила она.

– Я буду королевой? – спросила Сесилия.

– Когда принц станет королем, будете, но это случится через много лет, – ответила мать. – А пока вы будете расти здесь, и вас станут называть принцессой Шотландской.

Сесилия улыбнулась, обнажив дырку между молочными зубами. «Бедная маленькая глупышка, – подумала Елизавета, – вы бы разревелись, если бы понимали, что это означает на самом деле».

Мать повернулась к ней и Марии:

– По обычаю принцессы выходят замуж в порядке старшинства, я знаю, но Сесилию выбрали, так как по возрасту она ближе всех к принцу.

Последовала пауза, в продолжение которой королева боролась с душевной болью, и Елизавета поняла, что она вспомнила бедняжку Маргарет, которая была бы как раз ровесницей Якова.

Весной 1475 года двор находился в Виндзоре. Собралась вся семья, кроме Нэда, который был далеко, в Ладлоу. Время от времени он приезжал, но всегда ненадолго. Поэтому любимцем сестер стал маленький Йорк.

В последние недели Елизавета заметила, что отец толстеет. Он уже не был тем энергичным молодым мужчиной, который легко подбрасывал ее в воздух и кружил, взяв на руки, как в раннем детстве, больше не участвовал в спортивных развлечениях и турнирах, а вместо этого предпочитал рыбалку. Ел король очень много, вот в чем проблема. Принцесса слышала, как леди Бернерс выражала тревогу по этому поводу и порицала короля за то, что он принимает рвотное, чтобы иметь возможность снова набивать живот. Елизавету потрясли слова наставницы. Однако, поразмыслив, она поняла, что отец потакает своим слабостям во всем, с упоением предаваясь всевозможным мирским утехам: любит хорошо поесть, безудержно тратится на роскошные вещи, дорогую одежду, украшения и устраивает грандиозные праздники при дворе.

Слуги любили сплетничать о своих господах и, вероятно, думали, что дети ничего не слышат. Елизавета сделала открытие: стоит ей чуть задержаться перед дверью, прежде чем войти, или подольше постоять у цветочной клумбы, и можно узнать множество удивительных вещей. Правда, иногда она жалела, что не прошла побыстрее. Сидя однажды утром в детской, пока дамы прибирались в соседней спальне, она с ужасом услышала, что ее отец не только обжора, но еще и прелюбодей, и об этом все знают.

В свои девять лет Елизавета еще не вполне понимала, что это значит. Она думала, что прелюбодей любит кого-то, помимо своей жены, но обрывки разговоров, которые она слышала, заставили ее задуматься, уж не стоит ли за этим нечто большее?

Елизавета поняла, что у ее отца есть три любовницы. Она думала, что любовница – это дама, которой рыцарь поклоняется издалека, однако это не объясняло неодобрительного тона

сплетниц, который подразумевал наличие в таких отношениях чего-то непристойного. О том, кто является одной из любовниц отца, девочка догадывалась, так как слова «жена Шора» то и дело мелькали в разговорах. Елизавета видела при дворе симпатичную миниатюрную мистресс Шор. Для жены золотых дел мастера эта дама была одета слишком изысканно, гораздо лучше, чем позволяло ее положение, но самыми запоминающимися ее чертами были улыбка, смешливость и добрые глаза. Елизавета не могла постичь, как может отец любить кого-то, кроме матери, такой красавицы. Это было неправильно, но она понимала, что ему нравится в мистресс Шор. Винить мать за ненависть, которую та, по слухам, питала к этой женщине, Елизавета не могла; другие говорили, что замечать такие вещи – это ниже достоинства королевы.

Кроме того, Елизавета узнала, что ее единоутробные братья Томас и Дикон Грей составляли компанию отцу в его кутежах, что бы за этим ни стояло, хотя звучало не очень приятно. Томас был на одиннадцать лет старше ее, отец только что пожаловал ему титул маркиза Дорсета и женил на знатной наследнице, а Дикона произвел в рыцари, но разница в возрасте мешала сближению с ними Елизаветы. Ее братья, ретивые молодые люди, решительно настроенные проложить себе дорогу в этом мире, не интересовались маленькими девочками.

Влетев в бельевую кладовую в поисках чистого носового платка, Елизавета услышала, как леди Бернерс говорит мистресс Джейкс, что могущественный лорд Гастингс – партнер короля по преступлению. Заметив принцессу, женщины умолкли. Елизавета любила лорда Гастингса, верного друга отца, но было очевидно, что он не любит Вудвиллов, они с Дорсетом поссорились из-за владения какими-то землями и, как говорили, соперничали за любовь мистресс Шор.

– Она явно раздает свои милости направо и налево, – однажды пробурчала леди Бернерс.

Елизавета думала, что «милости» – это то, что выигрываешь в процессе игры. Все это были сплошные загадки.

Девочке не нравилось размышлять о таких вещах. Постоянные слухи беспокоили ее. Но еще более тревожной казалась перспектива вторжения отца во Францию. Разговоры о войне тайком велись уже какое-то время, и приготовления начались. Король пребывал в задиристом настроении и желал продолжить завоевания. Он доведет до конца работу, начатую великими королями-героями Эдуардом III и Генрихом V, и захватит французский престол. Вся Англия молилась еще об одной победе, наподобие Креси или Азенкура. Несмотря на тревогу, сердце Елизаветы наполнилось восторгом, когда она слушала рассказы об этих давних баталиях.

Наконец король, уверенный в успехе, выступил в поход во главе своей армии. Лето тянулось медленно, в напряженном ожидании новостей о происходящем во Франции. Когда они пришли, это было не то, на что все надеялись.

Королевский гонец прибыл, когда Елизавета и Мария сидели с королевой в ее личных покоях и рассматривали красиво украшенную рисунками рукопись с удивительными историями про короля Артура – легендами о любви и героических подвигах. Елизавета любила эти уроки с матерью, которая внушала ей жажду знаний, а сама открыла Королевский колледж в Кембридже. Если бы только она могла быть более ласковой и снисходительной... По мере взросления старшей дочери мать ожидала от нее все более высоких стандартов в умении вести себя и держаться, чаще и резче критиковала. К счастью, Елизавета жадно ловила знания и так преуспевала в учебе, что мать иногда достаивала ее слов похвалы, которые принцесса ценила как манну небесную.

Королева быстро вышла вместе с вестником в свой кабинет, а когда вернулась оттуда, лицо ее сияло.

– Отец ваш, король, решил заключить договор с королем Людовиком, который стремится к миру и предложил вашему отцу огромный пенсион для поощрения.

– Значит, войны не будет? – поинтересовалась Елизавета.

– Слава Господу, нет. – Мать села. – Через три дня ваш отец встречается с королем Людовиком. Мы должны молиться, чтобы они пришли к доброму согласию.

Король дома! Его дети вместе с королевой нетерпеливо наблюдали, как он, разодетый в золотой дамаст, на коне в алой попоне триумфально въезжает в пределы верхнего сторожевого пояса замка Виндзор. Эдуард тяжело спустился с седла и обнял их под радостные крики придворных.

– Договор подписан, и на таких условиях, о которых я даже не мечтал, – сказал он матери, когда все собрались в королевских покоях. – Мне нужно многое рассказать вам.

Усевшись в кресло с высокой спинкой, король приказал подать вина и марципанов, а сам откинул назад голову. В это время его шут Скоггин, известный своими шкодливыми выходками, бочком подошел к нему, встал на колени у его ног и, ухмыляясь, пробормотал:

– Собираешься рассказать королеве, до чего ты дошел во Франции?

– О, убирайся! – Король беззлобно шлепнул его рукой, а мать засмеялась резко и невесело. Отец повозился с младшими детьми, особенно с Йорком, которому было уже почти два года. Затем велел позвать леди Бернерс, чтобы та увела всех, кроме Елизаветы. – Так как то, что я должен сказать, касается вас, Бесси.

У Елизаветы в душе ничто не шевельнулось. Она спокойно сидела на своем стуле, а отец обратился к матери:

– Я встретился с Людовиком на мосту у Пикиньи, мы разговаривали сквозь деревянную решетку и утвердили условия договора. После этого был объявлен мир между Англией и Францией.

– Вы получили свой пенсион? – спросила мать.

– О да. Как уже было сказано, я извлек из этого выгоду. И, Бесси, во Франции никогда еще не было английской королевы, но, чтобы скрепить эту новую дружбу, вы должны быть помолвлены с сыном короля Людовика, прекраснейшим дофином Карлом. Когда он унаследует трон своего отца, вы станете королевой Франции. Это великая судьба, и я надеюсь, вы довольны, что я организовал для вас такой великолепный брак.

Франция? Королева Франции? Елизавета услышала, как мать радостно ахнула. Сама же она была ошарашена и немного напугана, так как замужество означало конец ее счастливой жизни в Англии и, что хуже всего, расставание с любимыми людьми. И тем не менее в глубине ее души бурлил восторг. Франция не так уж далеко, и она хотела бы однажды стать королевой.

– Я рада, отец, – запинаясь, проговорила Елизавета, – но надеюсь, я не покину вас навсегда.

– Вы отправитесь во Францию через три года, когда вам исполнится двенадцать и вы войдете в возраст, пригодный для брака. А за это время успеете свыкнуться с мыслью о замужестве.

– Это замечательная партия для вас, Бесси! – ликовала мать, сияя глазами. – Какой триумф дипломатии, милорд! На что вам пришлось согласиться, дабы вынудить старого паука пойти на это?

– Я отказался от своих притязаний на Аквитанию в пользу дофина. – Эдуард ухмыльнулся. – Пустая уступка, ведь Англия потеряла Аквитанию в последних войнах с Францией. Эта земля станет частью приданого Бесси. После вашей свадьбы, дитя, король Людовик назначит вам ежегодное содержание в шестьдесят тысяч фунтов, чтобы вы могли жить, как подобает будущей королеве Франции.

Мать разинула рот:

– Это в пятнадцать раз больше приданого, которое выделили мне вы!

Отец пожал плечами:

– Франция – гораздо более богатое королевство, любовь моя. Бесси ждет жизнь в роскоши.

Елизавета долго не могла свыкнуться с мыслью об уготованном ей блестящем будущем. К тому же три года – это долгий срок, и многое может случиться, что помешает ее браку. Принцессе отчасти даже хотелось этого, но она также ощущала легкое смятение и разочарование при мысли, что вдруг лишится такой славной перспективы.

– А какой он, этот дофин, отец? – спросила Елизавета.

– Ему пять лет, то есть он на четыре года моложе вас, но он вырастет.

– Он красивый? – поинтересовалась принцесса.

– Я его не видел, – ответил отец, – но слышал хорошие отзывы о нем. Мы пошлем за его портретом, и тогда вы сами увидите, каков он.

Елизавета не могла не наслаждаться тем, что ее стали называть «мадам дофина» и относиться к ней с почтением, как к будущей королеве Франции. Увидев новые платья по французской моде, разложенные на постели, она завизжала от восторга, а вот упорнее заниматься французским языком ей понравилось гораздо меньше.

– Вы должны говорить бегло, – настаивала мать. – Что подумает король Людовик, если мы придем к нему невестку, неспособную разговаривать на его языке?

Однако Елизавете французский давался с трудом, она запоминала слова, но соединять их во фразы – это было выше ее сил. Она боялась, что никогда не сможет складно изъясняться на языке будущего супруга.

– Давайте же, мадам дофина, – с укоризной говорила леди Бернерс. – Вы ничего не добьетесь, если будете тарашиться в пустоту!

Мать даже больше отца радовалась грядущему браку, ее так и распирало от гордости.

– Я написала королю Людовику и спросила, желает ли он, чтобы мы прислали вас во Францию к вашему двенадцатому дню рождения или позже в том же году, – сказала она Елизавете.

Три года вдруг перестали казаться Елизавете таким уж долгим сроком, а если ее отправят за границу ко дню рождения, останется всего-то два с половиной. Внезапно она осознала, что время медленно и неуклонно иссякает. Куда бы ни пошла принцесса, с кем бы ни встретилась, она не могла отделаться от мысли, что когда-нибудь это все будет в последний раз. И Англия, эта страна, которую она любила, перестанет быть ее домом.

– Вы должны научиться вести себя как француженка, думать как они, – наставляла ее мать, – и при этом никогда не забывать об интересах Англии.

Это звучало довольно противоречиво. Елизавета не представляла, как справится с такой задачей. Но нужно выполнять свой долг, ведь ей с малых лет объясняли, чего от нее ждут.

– Королеве следует быть добродетельной, мудрой и иметь хорошие манеры, – говорила Елизавете леди Бернерс во время одного из уроков. – Ее мудрость должна проявляться в поступках, добрых делах и словах, которые она произносит. Нельзя выдавать секреты. Но нужно всегда быть смиренной и скромной.

Елизавета хорошо запомнила это наставление. Она перестала носиться по дворцу с сестрами и братом, а вместо этого сосредоточилась на том, чтобы вести себя как королева. Мадам дофина должна держаться с достоинством и двигаться по жизни со спокойной невозмутимостью, как делала ее мать.

– Берите пример с королевы! – взывала к ней леди Бернерс. – Лучшего примера вам не найти, а этот у вас прямо перед глазами.

В ноябре вдруг резко похолодало, и как раз в это время мать родила еще одну хорошенькую девочку, Анну. В королевской детской дворца Шин появилась новая няня мистресс Батлер, а Елизавету с Марией перевели в Мейденс-Холл, прекрасные покои, обустроенные в Вест-

минстере специально для них. Над окнами там были лепные карнизы, на стенах висели яркие гобелены, полы в главном зале были устланы турецкими коврами.

Приятно было сидеть за столом перед пылающим в камине огнем, делать уроки с леди Бернерс, заниматься вышиванием, играть в шахматы или в триктрак. Елизавета позволяла себе лелеять мысль, что никогда не покинет Англию и сможет остаться в Вестминстере, в коконе этой безопасной и приятной во всех отношениях комнаты, где она чувствовала себя по-настоящему счастливой. С Марией они очень сдружились, девочки почти одного возраста естественным образом тянулись одна к другой – вместе учились, играли, а по ночам часто забирались в одну постель, лежали в темноте и хихикали. Елизавета не хотела взростеть. Лучше уж остаться такой вот маленькой девочкой всегда.

За неделю до Рождества, когда сестры готовили новогодние подарки из кучи обрезков тканей и лент, к ним вошла леди Бернерс с корзиной всякой всячины – каймы, пуговиц и каких-то блестящих побрякушек.

– Можете использовать это, – сказала она. – Ваша матушка королева собрала это для вас. Тут...

И вдруг леди Бернерс внезапно рухнула на пол, выронила корзину, и все ее содержимое разлетелось по полу.

– Леди Бернерс? – Елизавета подскочила и бросилась к ней, упала на колени рядом. – Леди Бернерс, вставайте! Что случилось? О Мария, она не просыпается! – Девочка тормошила свою наставницу.

Мария тоже встала на колени, обе девочки вглядывались в любимое лицо, которое теперь выглядело искаженным, как будто перекошилось на одну сторону. Леди Бернерс дышала, но была без сознания.

Вся в смятении, Елизавета кликнула своих служанок, которые прибежали из спальни и испуганно уставились на распростертую посреди комнаты фигуру.

– Приведите помощь! – крикнула принцесса. – Быстро!

Доктор Сирего, личный врач королевы, срочно явился на зов, и мать, только что вставшая после родов, спешно пришла вслед за ним.

– О нет, – сказала она, бросив один только взгляд на лежавшую навзничь воспитательницу своих дочерей. – Пойдемте, девочки, пусть доктор осмотрит леди Бернерс. – Она взяла принцесс за руки.

Доктор Сирего опустился на колени, его смуглое лицо выражало сильную тревогу. Наконец он поднял взгляд:

– Я ничего не могу сделать, ваша милость. Бедная женщина уже с Господом.

Девочки рыдали часами. Никакие слова не могли их утешить. Ведь сколько Елизавета себя помнила, леди Бернерс всегда была рядом – любящая, заботливая, способная ободрить, а теперь ее нет, и в мире юных принцесс образовалась огромная, зияющая пустотой дыра. Мать старалась как могла успокоить дочерей, но она не могла заменить воспитательницу, ведь за исключением давно минувшего времени, проведенного в монастыре, она никогда не заботилась о дочерях изо дня в день, не утешала в их детских горестях, как делала леди Бернерс. И теперь заботу о принцессах, пока не найдут новую леди-наставницу, взяла на себя Агнес Батлер. Елизавете нравилась эта розовощекая женщина, но она не могла восполнить утрату леди Бернерс, и девочка с печалью думала про себя: жизнь никогда уже не будет прежней.

Глава 4

1476–1478 годы

В Новый, 1476 год отец повел свою семью посмотреть новый печатный пресс господина Кекстона в его мастерской недалеко от Вестминстерского аббатства. Дядя Риверс рассказывал им про Кекстона, который опубликовал религиозный труд в собственном переводе: «Мудрые мысли и высказывания философов»; это издание стало первой печатной книгой, выпущенной в Англии. Теперь отец покровительствовал Кекстону. Елизавета стояла рядом с гигантским прессом и увлеченно наблюдала, как мастер составляет металлические буквы, покрывает их чернилами и делает оттиск на бумаге. Он работал так скоро, так ловко.

– Замечательно, что теперь, благодаря этому процессу, обучение по книгам может распространиться с отменной быстротой, – заметил отец. – За день можно напечатать много копий, тогда как переписывание манускриптов занимает месяцы.

– Мастер Кекстон, я хочу поручить вам издание нескольких книг, – сказала мать. – Вы напечатаете их для меня?

– Это будет большой честью, ваша милость. – Красивый седобородый печатник поклонился.

– Думаю, первой станет история Трои, а второй – «Ясон и золотое руно», – продолжила королева.

– Я к услугам вашей милости. – Кекстон улыбнулся.

Елизавета бродила по мастерской. Она прошла мимо лорда Гастингса, который стоял в углу, увлеченный разговором с приехавшим ко двору дядей Лайонелом. Принцесса остановилась немного поодаль и стала рассматривать выложенные на стол новые книги. Мужчины беседовали тихо, но не слишком.

– Он живет в Амбуазе, вдали от отцовского двора, потому что слаб здоровьем, – услышала принцесса слова Гастингса. – Я предупреждал короля: у мальчика, вероятно, хороший нрав, но он мал ростом, щеделушен телом и скуден умом. Некоторые считают, что он слишком глуп и не может быть королем. Какой из него муж?

Елизавета обмерла. Неужели они говорят о дофине? Мал ростом... щеделушен... глуп? Нет! Не может быть.

– Хотя это великолепная партия, – заметил дядя Лайонел; он был крайне целеустремлен в своей амбициозности, как и остальная родня матери.

– Да, но вы пожелали бы такой участи собственной дочери?

– Бесси знает свой долг. Корона Франции компенсирует недостатки ее супруга, – едва слышно проговорил дядя Лайонел.

Елизавета услышала достаточно. Знал ли обо всем этом отец, когда соглашался на ее помолвку? Разумеется, он не пошел бы на это, если бы знал.

Больше Елизавета не хотела ничего слушать. Вся дрожа, она вернулась к родителям, отчаянно желая поговорить с отцом и выяснить правду.

Минула целая вечность, прежде чем они вернулись во дворец. Король собирался пойти на заседание Совета, но Елизавета потянула его за рукав:

– Отец, уделите мне немного времени, пожалуйста.

Он улыбнулся ей:

– Что случилось, Бесси? У вас встревоженный вид.

Принцесса, запинаясь, повторила состоявшийся в печатне разговор дяди Лайонела с лордом Гастингсом, слова застревали у нее в горле.

– Я не могла не слушать, – закончила она.

Отец нахмурился:

– Они не должны были обсуждать такие вещи там, где их речь может донестись до чужих ушей. Это правда, что дофин слаб здоровьем, именно поэтому король Людовик не нагружает его науками, но я уверен, что он умеет хорошо себя вести и известен добрым нравом. Вам не стоит обращать внимания на сплетни, Бесси. Я бы не стал выдавать вас замуж за идиота, король он в будущем или нет, так что не тревожьтесь понапрасну.

– Не буду, сир, – отозвалась Елизавета. – Я рада, что поговорила с вами.

– Я тоже этому рад, – согласился отец. – А теперь я серьезно побеседую с лордом Гастингсом. – Он мрачно улыбнулся.

Июльское солнце пекло макушку Елизаветы, которая вместе с Марией и родителями стояла перед входом в церковный двор в Фотерингее в ожидании похоронного кортежа. Их окружала августейшая компания, в которую входили дядя Кларенс, дядя Риверс, Дорсет, весь напряженный и сторонившийся лорда Гастингса, и много других дворян. Принцесс одели в черные платья и темно-синие вуали – цвета королевского траура, – вроде тех, что носила мать. В воздухе витало ощущение принужденной любезности. Елизавета чувствовала враждебность, исходящую от лордов, которые терпеть не могли друг друга, особенно дядя Кларенс; он вообще в последнее время ходил с очень недовольным видом.

Сегодня дом Йорков прощался со своим дедом и дядей, которого Елизавета в жизни не видела. Много раз слышала она, как шестнадцать лет назад герцог Йоркский и его семнадцатилетний сын герцог Ратленд пали в битве при Уэйкфилде и были кое-как захоронены в Понтефракте злобными Ланкастерами.

Теперь отец предавал их прах земле с должными почестями в коллегиальной церкви¹¹, основанной Эдмундом Лэнгли, первым герцогом Йоркским, рядом с великолепным замком Фотерингей, одной из твердынь дома Йорков. Елизавету передернуло, когда она представила, какое отвратительное задание пришлось выполнить людям, которые выкапывали тела из земли и перекладывали их в новые гробы.

Процессия приближалась, во главе ее ехал на коне дядя Глостер, весь в черном, за ним следовало множество пэров и герольдмейстеров. Вот показалась первая погребальная колесница, влекомая шестью конями в соболиных пополах с королевскими гербами Англии. Поверх гроба лежало резное изображение герцога Йоркского в подбитой мехом горностае мантии и церемониальной шапке. Несмотря на то что стоял разгар дня, орд был уставлен горящими свечами, его осенял крылами серебряный ангел, державший в руках золотую корону в знак того, что герцог был законным королем Англии.

Елизавета видела слезы на глазах дяди Глостера.

– Печально, что Ричард мало знал нашего отца, – пробормотал король. – Ему было всего восемь, когда того убили. Он родился здесь, в замке, вы знали об этом?

Елизавета кивнула, глядя, как к ним медленно и торжественно подкатывает катафалк дяди Ратленда. Наконец колесницы остановились. Король склонил голову перед гробом своего отца, выражая покорность и послушание, а затем, плача, прикоснулся к нему руками. После этого катафалки закатили в церковь. Елизавета с Марией пошли вслед за королем и королевой, а позади них выстроилась длинная процессия из духовенства и лордов. Отец взошел на огороженный помост, где стояла королевская скамья, а дядя Кларенс, дядя Глостер и герольдмейстеры заняли свои места вокруг катафалков, почтительно склонив голову. Отслужили мессу,

¹¹ *Коллегиальная церковь*, или Коллегиата – у католиков: церковная община, населяемая и управляемая секулярными канониками, которые, в отличие от монахов, владеют частной собственностью, получают ренту от доходов своей церкви, не дают торжественных обетов (кроме целибата для каноников, посвященных в субдиаконы) и могут в любой момент покинуть общину.

после чего королевский камергер от имени короля возложил семь парчовых покровов на гробы, и все отправились в замок на ночлег.

На следующий день Елизавета и Мария снова надели траур. Сегодня состоятся похороны, а за ними последует большой пир. Сестры стояли у гейтхауса¹² и ждали родителей, когда к ним, натягивая на ходу перчатки, подошел дядя Глостер.

– Это довольно печальный повод для встречи, но я рад видеть вас обеих, – сказал он принцессам.

– Мы скучаем по вам, – отозвалась Елизавета.

Теперь дядя Глостер, занятый делами на севере, редко бывал при дворе. В начале лета Елизавета с радостью узнала, что Анна наконец родила ему наследника в замке Мидлхэм в Йоркшире.

– Как поживают тетушка Анна и кузен Эдуард? – спросила Мария.

– Анна – хорошо, – ответил герцог, – а вот Эдуард часто болеет. Молюсь, чтобы здоровый йоркширский воздух укрепил его. – Тень тревоги пробежала по его лицу. – Пойдемте, король с королевой приближаются.

Во время недолгого пути от замка до церкви Елизавета дивилась на огромную толпу людей, которые выстроились вдоль узкой дороги и набились в церковный двор.

– Тут, наверное, собралось по меньшей мере пять тысяч человек, – с удовольствием заметил король, раскланиваясь направо и налево.

– Как трогательно, что они пришли выказать уважение, – отозвалась мать.

– Скорее уж явились ради бесплатного угощения, – пробормотал отец.

Елизавета тоже с нетерпением ждала пира. Три погребальные мессы тянулись бесконечно долго, но наконец они с Марией встали и следом за родителями направились к алтарной преграде принести в дар свои монетки; делая это, девочки поклонились катафалкам. За ними шла миниатюрная Маргарет Бофорт, вдовствующая графиня Ричмонд, теперь жена лорда Стэнли. Она тепло улыбнулась принцессам и тихо проговорила:

– Скоро все закончится.

Елизавете нравилась леди Стэнли, известная мудростью и благочестием. Это была стройная женщина с худым лицом, всегда очень богато одетая. Елизавета знала, что она происходит из дома Ланкастеров и ее сын Генрих Тюдор, граф Ричмонд, стал изгнанником после победы короля при Тьюксбери. Отец Генриха умер еще до рождения сына, и король однажды сказал, что леди Маргарет проявила здравомыслие, выйдя за лорда Стэнли, который теперь был верен дому Йорков, хотя во время последних войн переходил на сторону Ланкастеров и обратно. Ныне лорд Стэнли являлся видным членом Королевского совета и управлял двором короля. Сегодня он находился здесь, широкий в плечах и величавый в своем траурном наряде. Лорд Стэнли тоже ободряюще улыбнулся Елизавете.

Вернувшись на свое место, принцесса наблюдала, как тела герцогов Йорка и Ратленда погребли в церкви, где отец планировал устроить для них прекрасные гробницы. Наконец церемония завершилась, и все ее участники вышли на солнечный свет, чтобы приветствовать собравшийся люд. Король и королева стали раздавать милостыню, Елизавета с Марией помогали им, вежливо разговаривая с теми, кто получал дары. Потом им позволили толкаться среди гостей и наслаждаться пиром, устроенным под навесами и в павильонах вдоль дороги, а также на просторном церковном дворе. Королевские повара превзошли самих себя: на столах стояли блюда с каплунами, лебедями, цаплями, кроликами и прочим вкусным мясом. Пир продолжался до позднего вечера, большинство мужчин изрядно напились, мать взирала на это хмуро и в конце концов велела Елизавете и Марии идти спать.

¹² *Гейтхаус* – дом со встроенными в него или пристроенными к нему воротами, как правило являющийся частью крепостной стены.

– Мне нравится леди Стэнли, – сказала на следующий день Елизавета за обедом с родителями, который подали в солнечной гостиной в личных покоях матери.

– Она хорошая женщина, – согласился отец, отрезая себе еще кусок мяса. – Но у нее большие амбиции в отношении своего сына.

– Разве он не в Бретани?

– В Бретани, его отправил туда дядя Джаспер Тюдор после Тьюксбери, и теперь он при дворе герцога Франциска. Ему, пожалуй, уже лет двадцать.

– Наверное, его матери хотелось бы, чтобы он был с нею, – задумчиво проговорила Елизавета.

– Жизнь стала бы намного легче. – Король вздохнул. – Тогда я мог бы приглядывать за ним. Находясь за границей, он свободен плести интриги против меня. Кроме него, никого больше не осталось в живых из потомков Генриха Шестого, и я боюсь, он жаждет завладеть моим тронном.

Мать резко втянула в себя воздух.

– Как он смеет! – вскричала Елизавета.

Отец взял себе еще кусок пирога с голубятиной.

– Он считает, что имеет на трон больше прав. Со стороны матери Генрих – потомок короля Эдуарда Третьего...

– Из числа бастардов! – перебила его мать. – Бофорты происходят от детей Екатерины Суинфорд, которых она родила Джону Гонту до того, как они поженились.

Джон Гонт был младшим сыном Эдуарда Третьего и родоначальником дома Ланкастеров, а вот о Екатерине Суинфорд Елизавета ничего не слышала.

– Они были узаконены, когда Гонт женился на ней, – объяснил отец. – Леди Стэнли – их правнучка. Есть сомнения относительно того, имеют ли право Бофорты претендовать на трон, но Ричмонд мотивирует свои притязания тем, что он – наследник Генриха Шестого, а тот был сыном первой жены Гонта. И если он решит заявить свои права, верность его матери дому Йорков пойдет прахом. Она женщина умная и хитрая, таким не стоит доверять, как бы я ни симпатизировал ей. Я был бы не прочь заманить Ричмонда в ловушку.

Елизавета вздрогнула. До этой минуты она не осознавала, что дом Ланкастеров до сих пор представляет угрозу для ее отца.

Мать аккуратно вытерла губы салфеткой.

– Расскажите Бесси, как вы планируете заманить его в ловушку. – В ее голосе слышалось недовольство.

Отец поморщился:

– Бесси, вы никому не должны говорить того, что я сейчас скажу вам, даже Марии. Обещайте мне.

Елизавета перекрестилась:

– Я обещаю, отец.

– Тогда знайте, что я отправляю посольство с большим количеством золота к герцогу Бретани, чтобы потребовать от него возвращения Ричмонда в Англию. Мои послы скажут ему, что я намерен организовать для него брак, который объединит дома Йорков и Ланкастеров, и намекнут, будто я предлагаю ему в жены одну из ваших сестер.

– Кого? – спросила Елизавета.

Король усмехнулся:

– Ни одну из них, разумеется. Это уловка, чтобы заманить его в Англию, где я смогу следить за ним.

– Вы думаете, он приедет?

– Он – лукавый малый, но перед таким искусом ему будет трудно устоять. Английская принцесса – это великая награда.

Прошли недели, затем месяцы, однако новостей из Бретани не поступало, и вскоре другие дела заняли главенствующее место в уме Елизаветы. Замену леди Бернерс так и не нашли, и обучением принцессы занималась мать, по крайней мере до тех пор, пока не станет слишком тяжела своим очередным, восьмым ребенком. В десять лет мадам дофина имела собственный штат придворных дам и фрейлин, как подобает будущей королеве Франции. Сесилия, теперь уже семилетняя, жила вместе с нею и Марией в Мейденс-Холле.

В ноябре, когда три девочки играли в загадки, появилась мать и увела Елизавету в нишу окна.

– Мы получили новости из Бретани, – тихо сказала она. – Похоже, Ричмонд болен, но ваш отец сомневается в этом, так как герцог Бретани отвез его в убежище при церкви в Сен-Мало, а значит, тревожится за безопасность своего подопечного. Король полагает, что леди Стэнли каким-то образом узнала правду о предполагаемом браке. Как именно, мы не знаем. Вы ведь никому не говорили?

– Нет, миледи, конечно не говорила.

– Я знала, что вы не стали бы, но это загадка, причем настораживающая. Генрих ускользнул из рук короля и станет еще более осторожным, его будет не залучить в Англию. Поэтому король предложил герцогу Франциску изрядную сумму в качестве подкупа, чтобы тот держал Ричмонда в Бретани.

– Леди Стэнли это не обрадует, – заметила Елизавета.

– Ну, вероятно, она сама во всем виновата, – быстро проговорила мать. – Теперь пойдете к вашим сестрам. – (Они вместе вернулись к столу, за которым сидели Мария и Сесилия.) – У меня есть хорошие новости, – сказала королева. – Ваш отец нашел невесту Нэду. Это инфанта Изабелла, старшая дочь испанских суверенов Фердинанда, короля Арагона, и Изабеллы, королевы Кастилии; она ровесница Нэда. Это великолепная партия, так как монархи объединили Испанию под своей властью и их высоко чтят во всем христианском мире.

А Нэд знает? Елизавета задумалась. Брат недавно был при дворе, он вытянулся не по возрасту, но оставался по-детски красивым, как ангелочек. Жаль, что он уехал и она не может поговорить с ним, узнать, обрадовала ли его перспектива брака. «Интересно, какая она из себя, эта инфанта Изабелла?» – принялась размышлять Елизавета, но потом вспомнила, что Нэду всего шесть лет и женитьба его произойдет еще очень не скоро, ее самой может уже не быть в Англии, когда приедет невеста брата. От этой мысли по спине у нее пробежал холодок.

Известие о новом брачном союзе стало неприятным напоминанием о том, что время отъезда во Францию самой Елизаветы неуклонно приближается. Всего каких-то пятнадцать месяцев, и ей исполнится двенадцать. Осознание этого вызвало в душе принцессы панику. Она знала свой долг, так что не смогла бы сказать родителям о своих чувствах, однако с Марией часто делилась тем, как несчастна, обнимая сестру перед сном в постели. Теперь Елизавета часто молилась о том, чтобы король Людовик признал своего сына не готовым к женитьбе и отложил этот ужасный момент. «Но такого, – думала она, борясь со слезами при взгляде на мать, игравшую с ее сестрами, – скорее всего, не произойдет».

К радости отца, новый ребенок, родившийся в марте 1477 года, оказался здоровым и крепким мальчиком, его назвали Георгом в честь святого покровителя Англии и дали ему титул герцога Бедфорда. Елизавета испытала глубокое облегчение, оттого что мать благополучно перенесла период уединения. В прошлом году тетя Изабель, жена дяди Кларенса, умерла в родах, и это напомнило принцессе, с какими опасностями связан процесс деторождения. В

случае с Изабелль дело усугубилось тем, что дядя Кларенс обвинил в случившемся несчастье служанку жены и приказал повесить ее. Это вызвало страшный переполох.

Однако маленький Георг был здесь, целый и невредимый. Его сестры, особенно крошка Анна, восторгались им, и даже трехлетний Йорк выразил одобрение.

– Когда он подрастет и сможет играть в войну? – спросил он, склоняясь над колыбелью.

Мистресс Уэллес и леди Дакр, которых назначили ухаживать за младенцем Георгом, покачали головой, глядя друг на друга.

– Милорд Йорк, вы шалун, – сказала ему леди Дакр. – Младенцы не любят драться.

– Можно мне подержать его? – попросила Елизавета.

– Конечно, мадам дофина.

Леди Дакр подняла спеленутого младенца и положила ей на руки. Елизавета взглянула на сморщенное личико с широко раскрытыми немигающими глазами, в которых как будто заключалось все богатство мудрости, и подумала: «Какой след суждено оставить в мире этому малышу?»

Когда Елизавета нежно целовала его, ей пришло в голову, что через пару лет у нее самой может быть ребенок, которого она будет любить, такой же, как этот кроха, если Господь проявит милость к ней. До ее двенадцатого дня рождения осталось всего одиннадцать месяцев. Елизавета по-прежнему молилась о том, чтобы ей позволили задержаться в Англии. Она не чувствовала себя готовой к замужеству. Мать кратко объяснила ей, чего следует ожидать в брачную ночь, и принцесса вся сжалась от ужаса и отвращения. Позволить глупому супругу-недоростку сделать с собой такое – это возмущало ее чувство благопристойности. Но месячные у нее еще не начались, так что, может быть, есть повод надеяться на отсрочку.

В апреле зацвели деревья, и в Виндзоре был устроен ежегодный праздник в честь святого Георгия, на котором присутствовали рыцари ордена Подвязки. Этот год отличался от других, потому что Елизавету, королеву и тетю Саффолк производили в леди-компаньонки ордена Подвязки, король оказывал им высочайшую честь. Елизавета всегда трепетала от восторга, видя его и других рыцарей в синих накидках, едущих на конях, а теперь ей самой предстояло стать участницей процессии. Надев платье и накидку цвета тутовых ягод, расшитую изображениями подвязок, она ехала в колеснице с матерью, тетей и их дамами в недостроенную церковь Святого Георгия. Там, среди строительных лесов, отслужили мессу, Елизавета и остальные женщины слушали ее с галереи над алтарной преградой.

После этого они присутствовали на пышном пиру, который король устроил в замке, в великолепном холле Святого Георгия. Такие празднества проводили каждый год со времен Эдуарда III, основателя ордена. Дамы не ели вместе с рыцарями ордена Подвязки, они вошли в зал, только когда подавали вторую смену блюд. Елизавета была потрясена блеском торжества и великолепием своего отца, который восседал на троне во главе стола на помосте, председательствуя в августейшем собрании. Приосанившись, она взшла следом за королевой на галерею в западном конце холла, откуда они наблюдали за происходящим и где стояли столы для банкета дам.

Позже в тот же день король собрал семью и друзей в своих личных покоях, чтобы поднять тост за дам. Однако, пока он болтал с гостями и шутил, обходя зал с кубком в руке, Елизавета обратила внимание, что ее отец напряжен, особенно заметно это стало, когда он разговаривал с дядей Кларенсом. В какой-то момент ей даже показалось, что они обменялись резкими словами. Хорошо, что дядя Глостер, теперь не часто приезжавший ко двору, на этот раз был здесь, однако он тоже с тревогой наблюдал за своими братьями; его серьезное лицо было хмурым. Что-то не ладилось, в этом Елизавета не сомневалась.

Она решила расспросить дядю Глостера, ведь он всегда был добр и охотно беседовал с нею. Видя, что он отошел от тети Саффолк, принцесса, петляя между гостями, присоединилась к нему у стола, на котором были выставлены всевозможные сласти.

– Немного кордиала?¹³ – спросил дядя Глостер, и Елизавета протянула ему свой кубок.

– Дядя, – сказала она, – могу я поговорить с вами?

Он улыбнулся ей своей печальной улыбкой:

– Конечно. Вас что-то беспокоит?

– Отец и дядя Кларенс. Они опять ссорятся. Я не доверяю дяде Кларенсу.

Глостер вздохнул:

– Они в ссоре с тех пор, как в этом году пал в битве герцог Бургундский. Он оставил герцогство своему единственному ребенку, дочери Марии. Вы, вероятно, знаете, что герцоги Бургундии постоянно ведут борьбу, желая сохранить независимость от французской короны. Однако король Людовик объявил герцогство не имеющим наследника, а потому принадлежащим Франции.

– Но какое отношение это имеет к дяде Кларенсу? – Елизавета только что увидела, как лицо отца побагровело от гнева из-за каких-то слов, сказанных Кларенсом.

– Ваша тетя Маргарита опрометчиво предложила, чтобы он женился на Марии Бургундской, и он полностью за, раз таким образом сможет получить герцогство со всеми его богатствами. А ваш отец запретил ему это, потому что такой альянс будет угрожать дружбе Англии с Францией и поставит под угрозу ваш брак.

Сердце у Елизаветы радостно подскочило. Ей почти хотелось, чтобы дядя Кларенс послушался отца и женился на Марии Бургундской, пусть король Людовик обидится и разорвет соглашение о ее помолвке. Но о чем она думает? Нельзя желать такого несчастья отцу.

– Вот, значит, отчего они так злятся.

– Не только из-за этого, – признался дядя Глостер. – С тех пор как Кларенс вступил в союз с Уориком и совершил измену, король не доверяет ему, и кто станет его винить? Кларенс амбициозен, он хочет получить корону.

«И этот туда же!» – подумала Елизавета, вспомнив Ричмонда. Она в самом деле начала понимать, как опасно быть королем.

– Если Кларенс женится на Марии, – говорил меж тем Глостер, – он обретет большую силу, так как в его распоряжении окажутся богатства Бургундии и контроль над побережьем Северного моря. Имея все это, он может оспорить права вашего отца на английский престол. Вот чего опасается король и поэтому ставит всевозможные препятствия на пути Кларенса.

Теперь все обретало смысл.

– Но не тревожьтесь, Бесси. Король Людовик не больше хочет, чтобы Кларенс правил в Бургундии, чем ваш отец. Они сообща расстроят его планы.

Вскоре после этого дядя Кларенс покинул двор – в ярости, как слышала Елизавета.

– Трудно поверить, что он мой брат! – кипятился отец; они ужинали с бабушкой Йорк в ее мрачной столовой зале в замке Байнардс. – Он такого мне наговорил, поверить невозможно. Никогда не встречался со столь неприкрытой завистью.

– Кларенс всегда был своенравен, – отозвалась бабушка. – Помните, какие гнусные слухи он распустил, когда покинул вас и примкнул к Уорикку. Меня это задело до глубины души. Он осмелился поставить под сомнение честь своей матери, и без всяких на то оснований!

Елизавета сгорала от любопытства, ей страшно хотелось понять, о чем она толкует.

– Он обвинил мою мать в колдовстве, – сказала королева.

¹³ *Кордиал* – ароматный подслащенный напиток на основе фруктового сока или с добавлением травяных экстрактов либо спиртовая настойка на травах, прототип ликеров.

– Он бессердечный сын. Не выказывает уважения ни к кому из нас.

– Но его последний выпад против королевы переходит всякие границы, – сурово проговорил король. – Я не могу это так оставить.

– Что он сказал, отец? – спросила Елизавета, пытаясь разобраться.

Король замялся:

– Он обвинил вашу мать в том, что она будто бы отравила тетю Изабель.

Елизавета онемела и перевела взгляд на королеву.

– Все в порядке, Бесси, – успокоила принцессу мать и погладила по голове. – Ваша бедная тетушка умерла при родах. Никто ее не травил. Как будто я способна на такие вещи! Однако ваш дядя Кларенс всегда недолюбливал меня и моих родных, он намерен подорвать благополучие вашего отца.

– Если проявить к нему снисхождение, можно сказать одно: он убедил себя в том, что бедняжку Изабель убили, – промолвила бабушка.

– Но он неустанно повторяет свои обвинения, и на людях тоже, – прорычал отец. – Утверждает, будто служанка подсыпала его жене яд по наущению королевы. Достаточно плохо одно то, что из-за него несчастную женщину казнили, но теперь он зашел слишком далеко. А когда один из его свойственников был осужден и повешен за использование колдовства против меня и Нэда, у него хватило наглости публично защищать этого негодяя перед Советом и оспаривать справедливость моего суда! – Король стукнул кулаком по столу. – Простите, миледи матушка, но я отправлю его в Тауэр!

Повисла тишина, все были в шоке. Потом заговорила герцогиня:

– Мой сын совершил измену, и ему там самое место. В этой трагедии виноват он сам. Но что вы с ним сделаете? – Она не могла скрыть звучащего в голосе страха. – Я похоронила пятерых сыновей. И не хочу хоронить еще одного.

– Посажу его в Тауэр немного остудить пятки, – сказал отец. – А когда он раскается, подумаю о том, чтобы его выпустить.

– Он будет сидеть в темнице? – спросила Елизавета, представляя себе сырую темную камеру и размышляя, как вынесет это ее привыкший к роскоши дядя.

– Нет, – успокоил ее отец. – Его будут держать во дворце. С людьми королевской крови положено обращаться не так, как с простыми смертными.

– А его дети? – поинтересовалась бабушка. – Маргарет и Уорик еще совсем маленькие.

– Я отошлю их в Шин. Они могут делить детскую с нашими детьми.

Елизавета поехала в Шин с намерением взять под крыло своих юных кузена и кузину. Когда те прибыли, она ждала их в детской, чтобы тепло приветствовать. Девочка и мальчик имели вид сиротливый и растерянный, двое маленьких бесприютных странников стояли молча, пока она их целовала. Бедные малютки, они уже потеряли мать, а теперь еще и отец угодил в тюрьму.

Двухлетняя Анна протопала к Маргарет, чтобы показать ей куклу, а четырехлетний Йорк предложил маленькому Уорику, который был вполовину моложе и меньше, биться на деревянных мечах, однако Елизавета отогнала его, видя, что Уорику совсем не хочется играть. Она не хотела расстраивать детей, которые и без того выглядели несчастными.

– Проходите, мы вам очень рады, – сказала Елизавета, опустилась на колени и обняла их обоих. – И довольны, что вы будете жить с нами, вы должны считать себя членами нашей семьи.

Бледное личико четырехлетней Маргарет оживилось. Елизавета встала, взяла обоих детей за руки и сказала:

– Пойдемте поздороваемся с малышом Георгом.

Дядя Глостер не ошибся. Король Людовик вторгся в Бургундию и захватил ее, что привело отца в очень плохое настроение.

– Мне не больше хочется видеть правителем Бургундии Людовика, чем хотелось видеть Кларенса, – пробурчал он в тот вечер за ужином в покоях королевы. – И тем не менее крайне важно, чтобы я сохранил союз с Францией, так что нужно написать ему и напомнить про договор о дружбе между нами и о моем желании выдать вас, Бесси, замуж за дофина.

Елизавета заставила себя улыбнуться, устыдившись, что ее сердце радостно подскочило при мысли о возможности распада ее предполагаемого брачного союза.

– Я предчувствую положительный ответ! – заявил отец.

Однако неделю спустя он снова сел за стол в дурном расположении духа.

– Мною получено известие от Людовика, – прорычал он. – Кажется, старый лис охладел к нашей дружбе. Лазутчики доносят мне, что король собирается женить дофина на Марии Бургундской.

Сердце Елизаветы воспарило, но, увидев мрачное разочарование, ясно изобразившееся на лице отца, она снова испытала чувство вины.

– Если союз распадется, это станет унижением для Бесси! И что будет с моим пенсией?! – жарко воскликнул король.

Мать протянула руку и накрыла ладонью его кисть:

– Людовику ни к чему женить дофина на Марии. Он и без того уже завладел Бургундией.

– Да, но их брак узаконит это. Я вижу, к чему он клонит, этот старый паук. Вероятно, я и сам поступил бы так же на его месте. Но не бойтесь, Бесси, я сделаю все, что в моих силах, дабы сохранить этот альянс и ваш брак. Я намерен предложить дядю Риверса в качестве супруга для Марии Бургундской.

Мать засияла улыбкой:

– Более подходящей партии ей не найти!

Елизавета сидела в задумчивости. С королевскими браками всегда царила полная неопределенность, договоры регулярно разрывали или нарушали, если появлялось лучшее предложение. Ее будущее оставалось туманным, и, как бы ни терзала ее совесть, она этому радовалась.

Однажды в жаркий августовский день король присоединился к королеве и детям в ее личном саду, его красивое лицо сияло от радости.

– Мария Бургундская вышла замуж за Максимилиана Австрийского, – объявил он. – Он – супруг, которого выбрал для нее отец.

Мать ахнула.

– Кто такой Матимильян? – пролепетал Йорк.

– Сын императора Священной Римской империи. – Король тяжело опустился на каменную скамью, где сидели за вышиванием королева и Елизавета. – Мы должны благодарить за это тетю Маргариту. Она неутомимо трудилась, чтобы изгнать французов из Бургундии, и победила. Это потрясающая новость, так как Максимилиан дал ясно понять, что не потерпит присутствия чужаков и намерен вытеснить их. Хотелось бы мне увидеть выражение лица Людовика, когда он узнал об этом браке. Помяните мои слова: теперь он снова повернется к Англии и заговорит о дружбе! Мои агенты сообщают, что Людовик опасается, как бы я не выдал вас, Бесси, замуж за кого-нибудь из императорского дома и таким образом не заключил бы новый союз, на этот раз с Бургундией против Франции. Людовик спешно выстраивает различные стратегии с целью не допустить этого. – Эдуард, весьма довольный, потер руки.

– Единственный способ для него противостоять вашему сближению с Бургундией – это сохранить союз с нами, – сказала мать.

– Вот именно. – Отец усмехнулся. – Такое ощущение, что свадьба все-таки состоится, Бесси!

Сердце Елизаветы упало.

Она пришла в крайнее изумление, когда мать сообщила ей, что четырехлетний Йорк скоро женится. Первой ее мыслью было: Господи, пожалей эту бедную девушку, его нареченную, потому что принц был шаловливым и буйным чертенком, который верховодил в детской благодаря своему очарованию и упрямству.

– Невеста, которую выбрал ему ваш отец, – Анна Моубрей, наследница покойного герцога Норфолка. Ей пять лет, так что они близки по возрасту, и девочка очень мила. Брак принесет Йорку богатые поместья Норфолка и обеспечит его будущее.

Елизавета подавила улыбку. Йорку никакого дела не будет до милovidности маленькой девочки или обширности земель, которые ему достанутся; как все маленькие мальчики, он был до страсти увлечен военными играми и старался увильнуть от уроков.

– Они еще такие юные, – сказала Елизавета.

– Я знаю, – ответила мать, – но пройдут годы, прежде чем они смогут жить вместе. После церемонии леди Анна со своей матерью, вдовствующей герцогиней, уедут домой, в замок Фрамлингем. Главное, что наследство Норфолка теперь никуда не денется.

Елизавета с нетерпением ожидала свадьбы. Семилетний Нэд, приехавший из Ладлоу на Рождество, остался на торжества, а значит, королевские дети проведут вместе больше времени. И они все получают новую одежду. Дядя Глостер тоже собирался присутствовать на бракосочетании. Кажется, будет весело!

15 января 1478 года королевская семья собралась в церкви Святого Стефана в Вестминстере. Отец занял свое место на королевской скамье, а его младшие дети ерзали на соседней под балдахином из золотой парчи, не обращая внимания на приглушенные упреки бабушки Йорк. Елизавета сидела и любовалась усыпанным звездами небесно-синим сводчатым потолком, который возносился на сотню футов вверх над ее головой. Она рассматривала знакомые с раннего детства фрески с изображениями ангелов, королей и религиозных сцен, написанные яркими алыми, зелеными и синими красками. Фрески были наполовину скрыты, так как стены церкви завесили лазурными тканями, расшитыми золотыми лилиями, как на королевском гербе Франции. Это наряду со многим другим в те дни напомнило принцессе о том, что скоро она отправится во Францию. До ее двенадцатилетия осталось меньше месяца.

Однако долго предаваться грустным раздумьям Елизавете не пришлось, так как звук фанфар объявил о прибытии королевы, которая подвела к алтарю своего сына и там вложила его руку в ладонь красивой и статной вдовствующей герцогини Норфолк, строго наказав ему стоять спокойно. Затем два великих лорда – дядя Риверс и Джон де ла Поль, граф Линкольн, сын тети Саффолк, привели Анну Моубрей. Елизавета уставилась на нее во все глаза. Никогда еще ей не доводилось видеть такого милого ребенка и таких ярких рыжих волос. Одета в блестящее серебристое платье, маленькая невеста держалась очень хорошо и исполнила отличный реверанс перед королем, который встал и взял девочку за руку, готовый передать ее супругу у алтаря.

Когда невеста и жених выводили почтенную компанию из дворца, дядя Глостер бросал золотые и серебряные монеты в собравшуюся на улице толпу. Затем гости свадебных торжеств вошли в Вестминстер-Холл, где им подали вино с пряностями. Йорку, судя по его виду, было скучно, но он заметно оживился, когда начался турнир, прыгал на королевской трибуне и одобрительными криками приветствовал победителей. Король смотрел на это снисходительно, Анна Моубрей мило улыбалась всем вокруг.

После этого участники торжеств переместились в просторную Расписную палату, где состоялся свадебный пир. Королевская семья сидела за главным столом на помосте, жених и

невеста – справа от короля, а иностранные послы, лорды, леди, рыцари и эсквайры¹⁴ заняли места за столами, стоявшими на полу. В зал вошла целая процессия слуг в багрово-синих ливреях дома Йорков, они несли первую смену блюд. Маленькую герцогиню Йоркскую объявили Принцессой пира, и зал огласился громом оваций.

Позже начались танцы. Король и королева спустили Йорка и его невесту на пол. Дядя Глостер встал и предложил руку Елизавете. Какое волнующее удовольствие – танцевать перед всем двором в прекрасном золотистом платье с любимым дядей, который, пряча искривленную спину под складками короткого хупеланда из коричневого бархата, выделяет элегантные фигуры.

– Странно, что здесь нет дяди Кларенса, – заметила Елизавета.

– Действительно, странно, – ответил Глостер и нахмурился. – Но давайте не будем задумываться о печальных вещах в такой великолепный день. У вас скоро день рождения, верно, Бесси?

– Да, дядя.

Перспектива его наступления вызвала знакомый приступ страха. Однако ни отец, ни мать больше не упоминали о ее скором отъезде во Францию, а сама Елизавета воздерживалась от вопросов о том, когда это случится, чтобы не превращать возможный ужас в реальность.

– Вам пора выходить замуж! – Дядя Глостер улыбнулся, помолчал, пристально вглядываясь в лицо племянницы. – У меня создается впечатление, что вы не очень-то этому рады?

Не успела Елизавета ответить, как рядом с поклоном появился эсквайр короля Хамфри Бреретон:

– Миледи принцесса, его милость король просит вашего присутствия за высоким столом. Елизавета сделала реверанс дяде и сказала:

– Простите, я должна идти.

Глостер поклонился и проводил ее к помосту. Пока Елизавета занимала свое место, вошли герольдмейстеры и поклонились невесте.

– Не согласится ли ваша милость завтра вручить призы победителям турниров? – спросили они.

Анну Моубрей хорошо подготовили. Она ответила:

– Я сделаю это с удовольствием, господа, – и присела в милом реверансе.

– Бесси, вы поможете своей новой сестре? – спросил король.

– Буду рада. – Она улыбнулась.

Турнир, несмотря на холод, прошел замечательно. Завернувшись в меха, Елизавета сидела рядом с маленькой герцогиней на королевской трибуне и охраняла геммы, которые герольдмейстеры передали им для вручения победителям; на каждой были выгравированы инициалы Анны и Елизаветы. Вздошные девочки восторженно наблюдали, как рыцари неслись навстречу друг другу с копьями в руках, обе дружно ахнули, когда один слетел наземь, и кричали во весь голос, приветствуя победителей. К королевской трибуне подъехал Томас Файнс, поклонился в седле и робко спросил, может ли он получить знак благосклонности принцессы. Елизавета обрадовалась и, чувствуя себя очень взрослой, протянула ему платок, который он повязал на свое копьё. И победил! Возликовав, Елизавета передала приз маленькой Принцессе пира, а та под громкие овации вручила его сэру Томасу. Тот поцеловал платок Елизаветы и триумфально взмахнул им, воскликнув:

– Все это, миледи принцесса, в вашу честь!

¹⁴ *Эсквайр* – в Средние века в Англии: молодой человек благородного происхождения, который, послужив пажом, готовится стать рыцарем и несет службу при своем господине, уже имеющем рыцарский статус.

После великолепных свадебных торжеств на Вестминстер, казалось, опустился покров тьмы. Елизавета замечала, что королевские советники шепчутся по углам и замолкают, стоит ей пройти мимо. Принцесса опасалась какой-нибудь беды. Отец пребывал в странном настроении и редко появлялся на ужинах.

– Он занят сложными делами государства, – объяснила мать.

Она была спокойна и безмятежна; как обычно, поддерживала беседы о последних модах на головные уборы, о выходках юного Йорка, которые описывала с любовью. Однако наступил вечер, когда король появился совсем уж не в духе.

– Оставьте нас! – рявкнул он. Дамы поднялись из реверансов и торопливо вышли вслед за слугами. Елизавета собралась было отправиться за ними, но король остановил ее. – Нет, Бесси. Вы уже не ребенок. Вам следует быть в курсе происходящего.

– Милорд, расскажите нам! – взмолилась мать. – Вы заставляете меня нервничать.

– Кларенс! – прошипел отец, опуская свое тучное тело в кресло, стоявшее у торца стола. – Заключение в Тауэр не помешало ему и дальше строить козни.

Мать побледнела:

– Что он сделал?

– Продолжил лживо и предательски замышлять мое свержение и лишение моих детей наследства. По всем понятиям это государственная измена. Кроме того, он неустанно распускает ложные слухи о том, что я – бастард и не был рожден для правления Англией.

– Это давний навет! – разгорячилась мать. – Они с Уориком выдумали эту клевету, чтобы оправдать свой мятеж. Это неправда, Бесси.

– Но как вы можете быть бастардом, отец? – спросила Елизавета, зная, что означает это слово.

– Действительно – как? – фыркнул он. – Они утверждают, будто я – сын бабушки Йорк от лучника, зачатый, когда мой отец сражался с французами. Вы можете представить себе, чтобы ваша бабушка пала так низко? Разумеется, она с возмущением отрицает это. И до сих пор чувствует глубокую обиду на сына за то, что тот распространяет эту нелепую выдумку. В ней нет ни крупицы правды, и тем не менее Кларенс настаивает на обратном. Он подкупил кого-то в Тауэре и передает записки. Но слава Всевышнему, мои лазутчики начеку. Письма, которые они показали мне сегодня, не оставляют сомнений в происходящем. Хуже всего, что люди могут поверить в эту лживую историю и мои права на престол окажутся подорванными.

Мать выглядела потрясенной:

– Кларенс хочет быть королем. Вот что движет им, Бесси. Если ваш отец и его потомки будут свергнуты, он следующий в очереди на престол. Это опасный человек. – Она повернулась к королю. – Милорд, с ним нужно разобраться! Он уже восставал против вас и распространял свою клевету, публично усомнился в вашей правосудии, а его планы жениться на Марии Бургундской представляли для вас большую угрозу. Он опасный смутьян и угроза миру и покою в королевстве!

– Я знаю, Бет, знаю! И это еще не все. Теперь он подвергает сомнению законность нашего брака.

– Что?! – вскричала мать. – Как он смеет!

– Кларенс всегда был безрассуден, – сказал отец. – В детстве наш наставник не мог с ним справиться. Теперь он выкладывает аргумент за аргументом, чтобы лишить меня законной короны!

– Нет! – крикнула Елизавета.

– Эдуард, прошу вас, послушайте меня! – взмолилась мать. – Вы были слишком снисходительны к нему. Он никогда не остановится. Помните, что случилось, когда он объединился с силами Уорика? Вас низвергли! А вдруг какие-нибудь недовольные лорды поддержат Кларенса? Все может повториться! – По лицу королевы бежали слезы. – Я пережила этот ужас и

не забыла жуткие месяцы в святилище. Эдуард, я боюсь, что наши дети никогда не окажутся на троне, если не устранить Кларенса. Умоляю вас, прислушайтесь к моим словам! – На глазах у Елизаветы мать упала на колени и схватила руки отца. – Умоляю вас. Он опасен.

Глаза короля вспыхнули.

– Вы просите меня предать смерти родного брата.

– Вам следует понять, что его нужно заставить умолкнуть!

– Есть другие способы.

– Разве можно поверить в это, когда он обманул своих охранников в Тауэре?

Несколько мгновений отец молчал. Елизавета задержала дыхание: вдруг мать права и в этом мире без Кларенса будет гораздо безопаснее и спокойнее? Но она просила короля совершить по-настоящему ужасную вещь.

– Вы верно говорите, – наконец вымолвил отец. – Я не могу позволить ему и дальше совершать измену. Он должен предстать перед судом и получить по заслугам. Я прикажу, чтобы парламент лишил его прав и состояния.

– Это верное решение, мой дорогой, – сказала мать и поцеловала его. – Я знаю, как тяжело оно далось вам, но выбора нет.

Отец встал, краска сошла с его лица.

– Не думаю, что я смогу что-нибудь съесть, – сказал он. – Желаю вам обоим спокойной ночи. Да благословит вас Господь.

После ухода короля мать отодвинула от себя тарелку.

– Теперь вы знаете, что значит быть королем, Бесси. Это трудно, ужасно трудно – сделать то, о чем я его попросила, но он знает, что иначе нельзя.

За три дня до дня рождения Елизаветы дядю Кларенса допрашивали в парламенте, отец лично принимал участие в разбирательстве дела. Елизавета вместе с матерью ждала новостей, обе они с трудом сохраняли спокойствие. Королева вызвала дядю Риверса, своих родных и друзей, не делая секрета из своего желания видеть семью хорошо представленной в парламенте, чтобы противостоять любой угрозе со стороны дяди Кларенса.

После полудня король прибыл в личные покои королевы, лицо его было серым.

– Он приговорен к смерти, – сообщил Эдуард. – Вел себя вызывающе, но не мог опровергнуть обвинения. Против него будет издан Закон о лишении прав и состояния. Бесси, вы должны знать, что такой закон лишит его жизни, титулов и владений, а также прав его самого и его наследников на престолонаследие.

– Дядю Кларенса казнят? – прошептала Елизавета, ужасаясь тому, что отец был вынужден отправить на смерть родного брата.

– Этого требует парламент, – мягко проговорила мать, одной рукой обнимая дочь.

– Если, конечно, я не воспользуюсь своей прерогативой на помилование, – заметил отец. – Может быть, этого приговора будет достаточно, чтобы Кларенс понял, в какую опасную игру он играет.

Мать набросилась на него, стала бить его по груди кулаками:

– Нет! Вы не можете дать ему ни единого шанса! Это стало бы невероятным безрассудством. Он неоднократно совершал измены. С какой стати вы должны проявлять к нему милосердие?

– Я не должен, Бет, – заверил жену король. – Я сделаю то, что нужно.

Елизавета никогда еще не видела отца таким истерзанным. Ей стало безумно жаль его.

Час спустя, когда они все еще разговаривали в покоях королевы, вошел посыльный и поклонился королю:

– Ваша милость, миледи Йоркская здесь, она хочет вас видеть.

Отец спал с лица.

– Боже. Как я смогу взглянуть ей в глаза? – пробормотал он.

– Это нужно сделать, – вставая, произнесла мать. – Пришлите ее сюда.

Бабушка Йорк словно постарела на сто лет. Держась прямо, она сделала реверанс, а отец встал перед нею на колени для благословения.

– Молю, не откажите мне в нем после всего, что произошло сегодня, – произнес он.

– Я даю его охотно, – молвила герцогиня. – Бог вам судья, не я. Мне известно, что совершил ваш брат и что вам нужно обеспечить безопасность с трудом завоеванного трона. – Она села в кресло королевы у очага – спина прямая как палка, аристократические черты лица превратились в маску скорби. – Это ужасно, когда брат злоумышляет против брата. Дом, разделенный надвое, не устоит, но ваше смелое решение, принятое сегодня, вселяет надежду, что дом Йорков сохранится. – Герцогиня помолчала, борясь со своими чувствами. – Кларенс сам навлек на себя беду. Я пришла сюда не защищать его, а лишь просить о том, чтобы его не казнили публично. Пусть это сделают в частном порядке, в Тауэре.

Отец мрачно кивнул:

– Все будет сделано так, как вы хотите, матушка.

Елизавета слушала в полном смятении. Какой кошмар, должно быть, переживала ее бабушка. На глазах принцессы этот столп достоинства начал разрушаться от горя.

Мать встала и вывела Елизавету из комнаты, пробормотав:

– Вам здесь не место.

Двенадцатый день рождения Елизаветы прошел тихо, в тени происходившей в это время трагедии. О дяде Кларенсе она больше ничего не слышала и даже не знала точно, жив ли он. Принял ли отец бесповоротное решение и тайно казнил его? Думать об этом не было сил.

Не было речи и об отъезде во Францию. Разумеется, ведь отец был занят другими делами. Сидя за столом в Мейденс-Холле вместе с Йорком, Марией и приехавшей из Шина Сесилией, Елизавета смотрела на любимые лица и молилась о том, чтобы ей позволили остаться здесь хотя бы еще ненадолго.

Маргарет и Уорика она пригласила сесть по обе стороны от себя, так как хотела проявлять к ним исключительную доброту и внимание. Бедняжки, они понятия не имели, что их отец обречен. Кузен и кузина Елизаветы хорошо устроились в королевской детской; компания детей примерно одного с ними возраста помогла им расцвести и забыть свои печали. Елизавета поклялась сделать все возможное, лишь бы оградить малышей от ужасной трагедии, которая вот-вот должна была случиться. Когда-нибудь они всё об этом узнают, но пусть не сейчас.

Морозным февральским утром Елизавета находилась в детской в Элтеме и учила малыша Георга ходить, когда в комнату гурьбой ввалились другие дети с раскрасневшимися от игры в саду щеками.

– Надеюсь, вы не приближались к рабочим, – сказала принцесса.

По заказу отца велось строительство нового большого холла; ее брату и сестрам было строго-настрого запрещено подходить к лесам.

– Мы не приближались, – ответила Сесилия.

Четырехлетний Йорк снял с себя стеганный джеркин¹⁵.

– Бесси, вы знали, что дядю Кларенса утопили в бочке с вином? – спросил он.

– Что? – Елизавета не поверила своим ушам, а Анна в изумлении выпучила глаза.

– Стражники так говорили, я слышал, – объяснил им Йорк.

Елизавета разозлилась. Как они посмели обсуждать такие вещи, когда рядом находились дети? Хорошо еще, что сын и дочь Кларенса играли в опочивальне.

¹⁵ *Джеркин* – короткая, приталенная, облегающая торс кожаная куртка без рукавов, которую носили поверх дублета.

– Какая чушь! – воскликнула принцесса. – Вы не должны слушать досужие сплетни.

– Но это правда, – запротестовал Йорк. – Они сказали, отец разрешил ему выбрать, как он хочет умереть, и дядя выбрал, чтобы его утопили.

– Я в это не верю! – возразила Елизавета. – Не смейте повторять эти глупости при Маргарет и Уорике.

Произнося это, она увидела, что смущенный взгляд Йорка метнулся в сторону дверного проема, где стояли дети Кларенса. Один взгляд на их лица сказал ей: они слышали все, что здесь было сказано. Маргарет разрыдалась.

– Я хочу к папе! – кричала она. – Скажите мне, что он жив!

Уорик тоже заревел. Елизавета быстро подошла к ним и обняла обоих:

– Я уверена, это неправда, но схожу и спрошу короля. – Она повернулась к Марии и Сесилии, которые в ужасе смотрели на нее. – Приглядите за ними, – велела сестрам Елизавета. – Придумайте, чем их занять.

Она быстро шла по дворцу, по внутренним дворам, покрытым инеем, и по многолюдным галереям, пока не добралась до покоев короля. Стража впустила ее, и, к счастью, Елизавета застала короля одного в кабинете, он подписывал бумаги, выглядел осунувшимся и усталым. Впервые она заметила седину в его рыжих волосах.

– Бесси! Что случилось?

– О отец!

Елизавета передала ему слова Йорка, рассказала, как расстроились Маргарет и Уорик. Пусть король развеет ее тревогу, скажет, что это все несусветная чушь, однако Эдуард помрачнел.

– Печально, но это правда, – к ужасу Елизаветы, проговорил король. – Кларенс сам выбрал такую смерть. Мне жаль, что вы, Бесси, узнали новость таким образом и его дети слышали это. Но поверьте мне, моя дорогая, у меня не было выбора. Я столько раз прощал его измены, а он намеревался уничтожить всех нас. Ему оставалось только одно – умереть. Иногда королю приходится совершать такие поступки, от которых он сам содрогается. Я бы отдал что угодно, лишь бы было иначе. – Он привлек дочь к себе и крепко обнял, как будто сам нуждался в утешении.

– Что мне сказать его детям? – спросила Елизавета, боясь возвращаться в детскую с такими жуткими вестями.

– Ваша мать сама сообщит им. Я пошлю за нею.

Мать пришла очень быстро. Кивнула, когда отец объяснил, что нужно сделать, и по пути в детскую велела Елизавете идти в Мейденс-Холл.

– Я скажу детям, что их отец поступил очень плохо и парламент признал его достойным смерти. Король прощал его много раз, но даже он должен слушаться законов, и он даровал дяде Кларенсу самую легкую смерть из всех возможных.

Мать отвела Елизавету в нишу окна, лицо ее было очень серьезным.

– Это страшная трагедия, но я рада, что он мертв. Он ненавидел меня и весь мой род, вы знаете. Презирал нас как людей низкого происхождения и был намерен извести. Не забывайте, это они с Уориком казнили вашего дядю Джона и дедушку Риверса и обвинили бабушку Риверса в колдовстве. К тому же Кларенс неустанно порочил мой брак, а это подразумевало, что вы тоже вне закона. Мне не стоит лить по нему слезы. Но я глубоко сочувствую его детям. Юный Уорик пострадает больше всего, так как Закон о лишении прав и состояния, изданный против его отца, оставляет мальчика без титула и исключает из очереди наследников королевского престола.

– Что с ними будет? – спросила Елизавета; ее сердце обливалось кровью от жалости к маленькому кузену.

– Их отдадут под опеку вашему брату Дорсету. – Мать явно не теряла времени даром и активно действовала за сценой, не упуская случая заполучить для своих родных выгодное опекуновство или доходную должность. – Но они останутся с вашими братьями и сестрами во дворце Шин. Может быть, вы тоже захотите провести вместе с ними какое-то время.

В груди у Елизаветы расцвела надежда. Мать говорила об ее отъезде в Шин, а не во Францию.

Вечером накануне отъезда Елизавета ужинала с родителями в покоях королевы, к ним присоединился дядя Глостер, одетый в черное и со скорбным выражением лица. При упоминании дяди Кларенса Елизавета с изумлением увидела слезы у него на глазах, хотя обычно дядя Глостер не выказывал своих чувств. А еще она обратила внимание, что он, помимо общих фраз вежливости, почти не разговаривал с матерью, но с нею общался, как всегда, по-доброму.

– Как восприняли новость юный Уорик и Маргарет? – спросил Глостер.

– Они сильно опечалены, – ответила принцесса. – Такое трудно перенести столь маленьким детям. Думаю, перемена места им поможет.

– Это была жестокая необходимость, – заметил отец, – я благодарен вам, Ричард, за поддержку в парламенте.

– Неужели обязательно было убивать его? – вдруг выпалил дядя Глостер. – Разве вы не могли просто держать его в тюрьме?

– Ричард, никакие тюремные стены не могли стать преградой для его козней. Он представлял угрозу для всех нас.

– Да, но когда я поддерживал вас в парламенте, то не думал, что вы зайдете так далеко. Король должен проявлять милосердие, особенно к своему брату.

– Кларенс не проявлял милосердия к нам! – вспыхнула мать.

Дядя Глостер проигнорировал ее замечание и не сводил глаз с короля.

– Королева права, – устало произнес тот.

Глостер выпятил губы, будто собирался что-то сказать, но передумал.

– А что будет с долей Кларенса в наследстве Уорика? – спросил он чуть погодя.

– Она ваша, – ответил Эдуард, – как я и обещал.

Елизавета подумала, не было ли это платой за оказанную дядей Глостером поддержку.

– Я не рассчитывал, что все так обернется, – ответил тот королю, – но не буду отрицать, что благодарен.

– Принадлежавшее Кларенсу герцогство Солсбери я передам вашему сыну. – Казалось, отец пытается умиротворить своего брата. – А вас назначу главным камергером Англии вместо Кларенса.

– Благодарю вас, – тихо ответил дядя Глостер.

Мать сердито поглядела на отца, а Елизавета подумала: уж не хотела ли она получить владения Кларенса для своих сыновей. Потом ей в голову пришла ужасная мысль: неужели дядя Глостер знал, что мать оказывала давление на отца, чтобы тот казнил Кларенса? Думал ли он, что она делала это из мести за убийство ее отца и брата? Не потому ли он так холоден с нею?

– Завтра я возвращаюсь на север, – услышала принцесса слова дяди и ощутила грусть; ей будет не хватать его.

– Мне жаль, что вы уезжаете, – сказал ему отец. – Из сыновей у нашей матери остались только мы двое.

– У меня там много дел, которые требуют внимания, – напомнил ему Глостер.

– Я ценю это. Бесси, вам следует знать, что дядя Глостер очень эффективно управляет для меня северными землями. Ни у одного короля нет такого верного наместника. Но я чувствую, вы не жалеете об отъезде, Ричард.

– Не обижайтесь, братец, но я предпочитаю здоровый воздух Йоркшира и Дарема затхлой атмосфере двора.

Улыбка отца померкла.

– Теперь у вас здесь нет врагов.

Глостер приподнял брови:

– Для меня двор навечно осквернен. Надеюсь, вы понимаете это. Но я продолжу верно служить вам на севере и вернусь сюда при необходимости.

Все перестали даже делать вид, будто едят. Глостер встал:

– Прошу позволения уйти.

– Пишите мне, – сказал отец.

Братья холодно обнялись, потом дядя Глостер поклонился королеве и нагнулся поцеловать Елизавету.

Когда он ушел, мать нарушила тишину:

– Знаете, кто для него оскверняет двор? Я и мои родные. Он винит меня в смерти Кларенса.

– Бет, это не так. Ричард знает, что Кларенсу было не миновать смерти, и я уверен, он согласен с этим.

– Но он ненавидит нас, Вудвиллов, так же, как Кларенс. Я уверена, будь у него возможность, он тоже потеснил бы нас.

Отец взял ее руку:

– Если бы это было правдой, зачем ему покидать двор?

– Вероятно, он боится меня так же, как я боюсь его, боится, что я буду давить на вас, чтобы вы избавились от него, как подбивала устранить Кларенса.

Король вздохнул:

– Бет, успокойтесь. Ричард любит меня. Зачем ему вредить вам? И он хорошо ладит с вашим братом Риверсом. Он понимает, что я один в ответе за смерть Кларенса.

При этих словах отца Елизавета похолодела, она не хотела слышать напоминание о том, что он послал брата на смерть.

Спор продолжился, мать никак не соглашалась с тем, что дядя Глостер не намерен вредить ей. В конце концов отец рассердился и встал, собираясь уйти.

– Ложитесь спать, Бет, – сказал он. – Вам завтра рано вставать, чтобы ехать в Шин. – Он благословил ее и поспешно вышел.

Елизавета подумала: уж не собирается ли он искать утешения в обществе веселой мис-тресс Шор, которая, безусловно, была бы сейчас для него более душевной компаньонкой, чем мать?

Время в Шине тянулось медленно. Дети наслаждались долгими днями наступающей весны, бегали по парку, свободные, как птицы, или катали визжащего маленького Георга в миниатюрной колеснице. Няньки глядели на это снисходительно. Елизавета и Мария часто присоединялись к шумным играм младших детей или отправлялись в длинные поездки верхом на лошадях вдоль берега Темзы, с удовольствием подставляя лицо весеннему солнышку.

Все лето Елизавета напряженно ждала, что ей вот-вот сообщат о скором отъезде во Францию. Всякий раз, когда приезжали родители, она настораживалась из опасения, что они заговорят на эту тему. Однако время шло, и принцесса начала надеяться, что ее брак отложен или, вероятно, вообще расстроился. Но если бы дело обстояло так, ей наверняка сообщили бы об этом.

В середине августа король с королевой приехали вновь, как обычно на барке, дети радостно встретили их. Проведя со своими отпрысками какое-то время и отобедав, отец устроился играть в шахматы с Марией, а мать повела Елизавету прогуляться по парку.

– Вы, вероятно, уже догадались, что пока не поедете во Францию, – сказала она, когда они огибали дворцовую лужайку.

– Я думала об этом, – ответила Елизавета; сердце ее упало при слове «пока».

– Ваш отец по-прежнему настоятельно желает этого союза. Герцогиня Бургундская обратилась к нему за помощью против короля Людовика, но он оставил ее просьбу без внимания, так как не станет подвергать опасности ваш брак. Однако мы подозреваем, что Людовик не собирается соблюдать соглашение. Он не делает никаких приготовлений к вашему приезду. Тем не менее ваш отец отправил послов, чтобы те надавили на него и принудили к совершению бракосочетания без дальнейших проволочек. Король хочет, чтобы вы знали: он не жалеет сил ради вашего блага.

Елизавета вновь ощутила угрызения совести из-за своих тайных надежд на провал переговоров, тем более что этот брак так много значил для отца и для Англии. Но все же, когда год стал клониться к завершению и пожелтевшие листья опали, принцесса начала негодовать. Король Людовик явно тянул время. Это было обидно не только для отца, но и для нее.

Когда Елизавета вместе с братьями и сестрами приехала ко двору на Рождество, король вызвал ее в свой кабинет.

– Я хочу поговорить с вами о вашем браке, Бесси, – с озабоченным видом сказал он. – Прежде чем вы пойдете в холл смотреть, как туда принесут бревно для Йолетида, я должен сообщить вам, что совсем недавно виделся с французским послом, которому король Людовик поручил сказать, что дофин в настоящее время еще не созрел для женитьбы, а ваше приданое будет выплачено только после окончательного заключения брака, что произойдет не раньше чем через шесть лет.

Шесть лет! Если она сможет провести в Англии еще столько времени, то потом, когда неизбежный момент настанет, сама охотно поедет во Францию.

Отец барабанил пальцами по столу:

– Мои советники злятся на короля Людовика, который нарушил условия соглашения, и побуждают меня отказаться от него, но я не откажусь. Я намерен заставить его блюсти договор. Только, Бесси, я тут не испытываю особого оптимизма. Франции сейчас нужна Англия, так как Людовик опасается, как бы я не стал оказывать поддержку Максимилиану в Бургундии. Почему же он так бесчестно ведет себя в отношении вашего брака? Я вынужден задаться вопросом: действительно ли Людовик склонен выполнить договор? И ответ кажется очевидным: нет. Бесси, мое дорогое дитя, вы сильно расстроитесь, если дело дойдет до разрыва помолвки?

– За себя – нет, – призналась Елизавета, – хотя мне будет жаль, что я не стану королевой Франции. А вот за вас, отец, я очень огорчусь, так как знаю, что этот союз много значит для вас. Истинное счастье для меня – исполнять вашу волю.

Король встал и обнял ее:

– Моя любимая Бесси... Если бы я мог поступать так, как мне хочется, я оставил бы вас при себе навсегда. Но ваше предназначение – носить корону, и я не лишу ни вас, ни Англию возможности заключить выгодный союз. Нам стоит надеяться, что из этого дипломатического затруднения все-таки можно извлечь какую-то пользу. Рассчитывайте на меня, я постараюсь втолковать Людовику, что к чему, даже если для этого мне придется пересечь Ла-Манш и силой принудить его к покорности!

По пути в главный холл Елизавета радовалась задержке в переговорах о ее браке, однако не могла удержаться от взгляда в будущее: вот пройдут эти шесть лет, ей исполнится восемнадцать и придется делить ложе с большим четырнадцатилетним юношей! Ей уже почти тринадцать. Под платьем начали проступать груди, внизу живота потягивало (месячные у нее недавно начались), и сердце билось чаще, когда к ней обращался какой-нибудь красивый мужчина. Она стала то и дело поглядывать на себя в серебряное зеркало, ей нравилось, как сочетаются красновато-рыжие волосы с голубыми глазами и милыми чертами лица. Мужчины делали

ей комплименты. И сны ее были о любви, о спасающих юных дев рыцарях и дающих друг другу обеты влюбленных, как в романах, которые она с жадностью поглощала. Дофину в этих фантазиях места не находилось.

Глава 5

1479–1483 годы

Пасху и День святого Георгия они провели в Виндзоре. Однажды вечером за постным ужином, состоявшим из рыбы в маринаде, отец опять стал ворчать по поводу того, что король Людовик откладывает свадьбу.

– Он не прислушивается ни к каким доводам. Я отправил послов, чтобы предупредить его: если он не выполнит договор, я вступлю в союз с Максимилианом.

Мать встревожилась:

– И тогда наше соглашение с Людовиком совсем расстроится. Милорд, не провоцируйте его! Я хочу увидеть, как моя дочь наденет корону Франции.

– А как же иначе, дорогая. – Король улыбнулся ей.

В этот момент в комнату влетела леди Дакр, никто не оповестил короля с королевой о ее приходе, женщина запыхалась и тяжело дышала.

– Ваши милости, молю вас, идите скорее в детскую!

Заскрипели по полу стулья, все поспешили за леди Дакр. Елизавета не отставала от родителей.

– Милорд Бедфорд, – выдохнула воспитательница. – Он не просыпается!

– Нет! – воскликнула мать, а Елизавета задрожала, вспомнив, как ее сестра Маргарет умерла во сне семь лет назад.

Боже милостивый, этого не могло случиться еще раз, и только не с малышом Георгом, милейшим созданием, которому только что исполнилось два года. «Матерь Божья, – молилась про себя принцесса, – только не Георг, пожалуйста!»

Еще одни похороны, еще один маленький гроб. На этот раз скорбящие родственники собрались в церкви Святого Георгия в Виндзоре. Мать едва держалась на ногах, посеревший отец был сильно встревожен, потому что она опять ждала ребенка. Елизавета и Мария прижались друг к дружке и тихо плакали, удрученные скорбью матери. Как жестока жизнь!

Весна выдалась печальная. Покров горя висел над королевской семьей, и Елизавету вообще перестало волновать, отправят ее во Францию или нет. Переговоры продвигались медленно, с черепашьей скоростью, и отец как будто утратил всякий стимул настаивать на их продолжении.

Летом они переехали в Элтем, и именно там в августе родилась сестра Елизаветы Екатерина, что стало большим утешением для родителей, которые очень радовались этому девятому прибавлению в семействе, и Елизавета снова начала ощущать радость жизни.

В феврале 1480 года отец устроил банкет в Белом зале Вестминстера, чтобы отметить четырнадцатый день рождения старшей дочери.

– Вы выглядите прелестно, моя славная дева Йорков, – сделал он ей комплимент в антикамере¹⁶ перед началом торжества, когда она покрутилась перед ним в своем пурпурном бар-

¹⁶ Антикамера – небольшая приемная перед входом в парадный зал.

хатном платье с окаймленными мехом горностаем воротом и рукавами и расшитым самоцветами поясом на уровне бедер. – Вот ваш подарок.

Король повернулся к Хамфри Бреретону, который держал в руках подушечку, взял с нее тяжелое золотое кольцо и надел на шею дочери. Мать подошла к ней, чтобы застегнуть его.

– Оно великолепно! – воскликнула Елизавета. – О, благодарю вас! – Она обняла и расцеловала родителей. – Я буду всегда ценить и беречь его.

– Вы выглядите прелестно, – сказала Мария.

– Вся светитесь! – добавил король. – И дело не в украшениях, а в красоте вашего лица. Дофин может считать себя настоящим счастливымчиком.

Повисла неловкая пауза. Людовик продолжал влиять, уклоняясь от прямого ответа, и отец, который давно уже поговаривал о войне, не хотел идти на этот не имеющий обратного хода шаг, который покончит с предполагаемым союзом навсегда.

Но сейчас она не будет думать о грустном. Лучше наслаждаться этим особенным вечером, устроенным в ее честь, тем более что Нэд приехал из Ладлоу, а дядя Глостер – из Мидлхэма, чтобы отметить вместе с нею это событие. Когда Елизавета вошла в холл и увидела их, стоящих вместе, – девятилетний светловолосый Нэд был почти такого же роста, как их стройный темноволосый дядя, – она радостно устремилась вперед, чтобы обнять родных.

Придворные делали реверансы, когда она проходила мимо, потом собрались вокруг нее и стали произносить добрые пожелания. Лорд Стэнли поцеловал ей руку с отеческой любовью, а леди Стэнли сказала, что она прекрасно выглядит. В горячке момента Елизавета спросила о ее сыне Ричмонде и увидела, что лицо леди Маргарет осветилось удивленной улыбкой.

– С ним все в порядке, – сказала она. – Как вы добры, что интересуетесь.

Елизавета понадеялась, что ее вопрос о Ричмонде не будет истолкован превратно, и быстро сменила тему, прежде чем идти приветствовать тетю Саффолк и ее сына Линкольна.

На следующее утро принцесса посетила бабушку Йорк в замке Байнардс. Став старше, Елизавета уже не так трепетала перед старой леди, и они испытывали взаимную приязнь.

Сегодня, когда Елизавету провели в главный покой, она с удивлением увидела, что бабушка не надела свой обычный роскошный наряд, а стояла перед нею в строгом черном платье и вимпле; одеяние ее очень напоминало монашеское.

– Мое дорогое дитя! – произнесла герцогиня, пока Елизавета поднималась из реверанса и целовала подставленную ей мягкую щеку, потом налила себе немного вина. – Что вы так тарашитесь на меня, Бесси? – мягко укорила она внучку. – Мне шестьдесят пять, пора позаботиться о здоровье моей бессмертной души. Я вступила в орден бенедиктинок.

– Вы стали монахиней? – спросила изумленная Елизавета.

– Нет, это означает, что я посвятила себя служению Господу, оставаясь в миру. Я соблюдаю распорядок дня, я молюсь и читаю Писание; мне можно носить светское платье, но оно должно быть простым, как подобает женщине, посвятившей себя религии. Но я не обязана отказываться от своей собственности или высокого ранга.

Елизавета знала о глубокой набожности бабушки, но то, что она могла пойти на такое, удивило ее.

– Мы сможем навещать вас? – запинаясь, проговорила она.

– Разумеется, дитя мое. У меня всегда есть время для отдыха в течение дня. И, как вы видите, я окружена мирскими богатствами. – Она обвела рукой комнату, где действительно было много дорогих вещей: гобелены, буфет, ломившийся от золотой посуды. – Но я не часто буду находиться в Лондоне. Вы появились у меня очень вовремя, так как завтра я уезжаю в свой замок Беркхэмстед. Там гораздо спокойнее.

Елизавета задумалась, не повлияла ли на решение бабушки ужасная судьба дяди Кларенса, но спросить не решилась, опасаясь задеть ее чувства.

– Мне хотелось бы быть такой же преданной служанкой Господа, как вы, миледи, – сказала она, исполнившись благоговения.

– Есть много способов служить Ему. – Бабушка улыбнулась. – Некоторые делают это с помощью молитв, другие – исполняя свое предназначение на земле, то есть женятся и растят детей. Мне повезло. Мы с вашим дедом любили друг друга, и Господь благословил нас двенадцатью детьми, хотя из них выжили только четверо. Мне было даровано большое мирское счастье, именно поэтому я чувствую, что теперь способна жить в молитве и благодарении. Вы, Бесси, должны выйти замуж. Это тоже благой образ жизни. Для этого наш Господь призвал вас в мир.

Елизавету это немного утешило. Кто она такая, чтобы противиться велениям Бога? Это был шаг на пути к приятию своей судьбы.

Сидя в барке на обратном пути в Вестминстер, Елизавета решила быть такой же благочестивой, как бабушка. Худое лицо старой леди просветлело, когда она говорила о своем счастливом браке, и это тронуло Елизавету. Как мог дядя Кларенс распространять грязную ложь про лучника? Это было глупо и жестоко.

Еще одна сестренка появилась у Елизаветы в ноябре, когда двор находился в Элтеме. Бабушка попросила, чтобы малышку назвали Бриджит, так как сама испытывала особое религиозное почтение к Бригитте Шведской, основательнице ордена бригиттинок, и часто посещала их монастырь Сион, находившийся на берегу Темзы в Айлворте.

– Это не королевское имя, но имя святой, и я доволен этим, – сказал отец, сидя у постели жены и качая на руках новорожденную дочку. – И мы решили посвятить этого своего ребенка Господу. Он был щедр и послал нам десять детей, мы хотим проявить благодарность, отдав одного Ему.

Елизавета глядела на крошечное личико спящего младенца, и ей было очень грустно. Она чувствовала себя несчастной оттого, что ее выдадут замуж за будущего короля Франции, а эта малышка вовсе не познает ни супружеской жизни, ни радостей материнства, никогда ей не носить на голове корону, пока она не вознесется на небеса. Ее жизнь будет состоять из колокольного звона и молитв, сердце и разум не будут принадлежать ей, а окажутся во власти обетов бедности, целомудрия и послушания. Но все же не ей было порицать выбор родителей. Отдать ребенка Господу – это святой, вызывающий восхищение поступок, связанный с большим самопожертвованием. Елизавета была уверена, что ее родителям это решение далось нелегко.

На следующее утро после появления на свет сестры Елизавета стала для нее крестной матерью в церкви Элтема, куда набилась целая толпа знати и рыцарей. Маленькую Бриджит несла на руках к купели во главе процессии другая крестная, леди Стэнли. Елизавета шла за нею. В момент крещения сотня рыцарей и эсквайров зажгли факелы, герольды надели плащи. Младенца отнесли к алтарю, чтобы принять в церковную общину, а затем – в притвор, где девочка спокойно лежала с широко раскрытыми глазками, пока Елизавета и леди Стэнли делали ей подарки; затем малышку вернули в покои королевы, где ее благословили родители.

Семилетний Йорк во время крещения вел себя весьма важно и сумел удержаться от шалостей (может быть, строгий взгляд бабушки Йорк имел к этому какое-то отношение), а вот его маленькая супруга Анна Моубрей отсутствовала. На рождественских праздниках ее тоже не было.

– Мать Анны пишет, что девочка нездорова, – сказала королева после Двенадцатой ночи. – Доктора не могут понять, что с нею.

Йорк выглядел расстроенным, когда ему сообщили, что Анна умерла, но не плакал. Они едва знали друг друга. Ее смерть вызвала легкую рябь на поверхности его юной жизни, которая вернулась на круги своя после пышных похорон супруги в новой церкви Святого Эразма, которую королева заложила в Вестминстерском аббатстве в благодарность за рождение Нэда.

Отец провел лето за составлением брачных пар. Анна, теперь уже пяти лет от роду, должна была выйти за эрцгерцога Филиппа Бургундского, сына Максимилиана. Явно встревоженный, король Людовик перестал выплачивать королю Эдуарду пенсию и начал готовиться к войне. Союз Англии с Францией выглядел ненадежным, и Елизавета начала верить, что ее брак с дофином не состоится.

Нэду, которому исполнилось двенадцать, предстояло жениться на четырехлетней Анне, наследнице Бретани. Мария в четырнадцать лет была помолвлена с принцем Иоганном Датским, а король Яков побуждал отца прислать Сесилию в Шотландию для обручения с его сыном. Нашлись претенденты даже на руку двухлетней Екатерины, среди них был инфант Хуан, сын испанских суверенов и наследник их трона, а также Томас Батлер, граф Ормонд, хотя Елизавета понимала, что у него нет шансов против инфанта.

Однажды она вошла в главный зал отцовских покоев и застала короля склонившимся над картой.

– Если эти браки состоятся, – сказал он ей, – влияние Англии распространится на Францию, Шотландию, Данию, Бургундию, Империю, Испанию и дальше...

Это был потрясающий триумф дипломатии, который продемонстрировал Елизавете, каким великим монархом был ее отец. Однако перспектива того, что она и все ее братья и сестры будут жить в разных странах, была такой печальной, что она отвернулась, чтобы скрыть от отца слезы. И в голове у нее крутилась только одна мысль: они больше никогда не увидят друг друга.

Шотландцы стали первыми, кто поставил под угрозу цепочку великих альянсов. Они устремились через границу, осмелевшие от слухов, что их союзник, король Людовик, охладевает к Англии. В качестве ответной меры отец собрал большую армию.

– Вы полагаете, я не поеду в Шотландию, – сказала Сесилия, хмуро склоняясь над лютней.

– Вам повезло, – отозвалась Мария. – Мне хотелось бы не ехать в Данию, а Бесси не хочет во Францию.

– Не думаю, что я туда отправлюсь, – вмешалась в разговор сестер Елизавета. – Но отец все еще на это надеется. Он сказал королю Людовику, что по-прежнему будет придерживаться соглашения, если тот продолжит выплачивать ему пенсию и отправит посольство для организации моего брака с дофином.

– Значит, вероятно, мы вскоре будем провожать вас во Францию, – сказала Мария. Слезы на ее глазах выдавали печаль, которая крылась за легкомысленным замечанием. – Дорогая Бесси, не знаю, как я перенесу ваш отъезд.

– И я, – добавила Сесилия.

Елизавету охватили такие сильные чувства, что она не могла говорить. Все братья и сестры были дороги ей, но Мария стала ближе всех – подруга и наперсница, с которой она делилась всеми своими девичьими секретами. По ней она станет скучать больше всего. И осталось совсем недолго до того момента, как одну из них отошлют за границу.

Отец испытал огромное облегчение, когда король Людовик подтвердил действительность соглашения и выразил готовность прислать послов для организации брака Елизаветы, уверяя, что дальнейших отсрочек не предвидится. Елизавете было трудно скрывать свои чувства. Куда бы она ни шла, чем бы ни занималась, ее преследовала одна мысль: отпущенное ей время истекает.

Удивительно, но в мае 1482 года Елизавета все еще находилась в Англии. Подготовка к бракосочетанию заняла целую вечность.

– Если бы этим доверили заниматься нам, женщинам, вы бы уже пару лет как были замужем, – ворчала мать. – Не знаю, почему мужчины так запутывают все дела.

Королева и ее старшие дочери наслаждались пикником на открытом воздухе, сидя под раскидистым деревом за столом, уставленным золотой посудой, блюдами с мясом, фруктами и марципанами. День был жаркий, и девочки закатали рукава, но мать отказалась снять геннин. Она никогда не позволяла себе хоть чем-нибудь принижать свое королевское достоинство. Это раздражало Елизавету, но она понимала, что мать постоянно ощущала необходимость компенсировать чопорностью недостаточно высокое происхождение.

В шестнадцать лет принцесса стала все чаще смотреть на мать критическим взором. Королева была такой требовательной и придирчивой, вечно читала нотации о том, как следует вести себя мадам дофине, будто ее дочери не вбили это в голову накрепко за прошедшие годы. Иногда Елизавете вообще не нравилась мать. Тогда она чувствовала вину, вспоминая, что королеве довелось пережить много трагедий и под холодностью ее манер скрывалась искренняя любовь к дочери.

Однако сегодня королева шутила и пребывала в смешливом настроении. Елизавете нравились такие моменты. А вот Мария не разделяла ее веселья.

– Что случилось? – спросила мать.

– Я плохо себя чувствую, – дрожа, ответила Мария.

Королева пощупала ее лоб.

– У вас жар, дитя, – встревожившись, сказала она. – Идите в дом и лягте, а я пошлю за доктором Сирего. – Встав, мать позвала слуг, чтобы те убрали со стола.

– Я посижу с нею, – вызвалась Елизавета.

– Не подходите слишком близко, – предупредила мать. – Не хватало еще, чтобы вы подхватили что-нибудь.

– Не беспокойтесь, Мария, – сказала Елизавета, догоняя сестру. – Я вас не оставлю, даже если это чума. Что, конечно, не так, так как ни об одном случае не сообщалось. Вероятно, это всего лишь летняя простуда.

– Да, наверное, – согласилась Мария, – но мне нехорошо.

Елизавета помогла леди Дакр уложить сестру в постель, затем послала за кордиалом и устроилась рядом следить за больной. Сесилия принесла книги, чтобы скоротать время, а вскоре пришли и мать с доктором.

– Это всего лишь лихорадка, – объявил он, задав Марии несколько вопросов и посмотрев ее мочу. – Она поправится через несколько дней.

Однако Марии не становилось лучше. Лихорадка усилилась, и девочка стала жаловаться на боль в груди. Вскоре она просипела, что не может вдохнуть, а потом слова ее утратили всякий смысл. Глаза отца и матери, сидевших с двух сторон от кровати, встретились.

– Нужно послать за Нэдом, – хрипло проговорил король.

Елизавета потеряла покой. Она не отходила от Марии и засыпала от усталости, сидя в кресле у постели больной. Дни напролет она молилась, упрашивая Господа спасти сестру.

– Не дай ей умереть! – взывала принцесса.

Мать тоже постоянно была рядом, держала Марию за руку, промакивала ей лоб прохладной влажной фланелью, молясь, чтобы дочь поправилась; лицо ее превратилось в маску страдания. Наконец приехал Нэд, ангельски красивый. За время, прошедшее с Рождества, он вытянулся и выглядел принцем до кончиков ногтей.

– Милая сестрица... – сказал Нэд и расплакался, так как Мария представляла собой печальное зрелище – волосы ее были влажны от пота, а губы имели пугающий синеватый оттенок.

В ту ночь Елизавета заснула в кресле, а проснувшись, увидела, что мать качает на руках тело сестры и тихо причитает, по щекам ее катились слезы. Принцесса разрыдалась. Прибежал отец, вызванный врачом. Он обнял Елизавету и крепко прижал к себе.

– Мария теперь с Господом. Вы должны радоваться за нее... – Голос его оборвался, король повернулся к постели. – Наш добрый ангел покоится в мире, Бет. – Он обхватил руками жену и покойницу-дочь и залился жалобным плачем.

Четыре дня забальзамированное тело Марии, окруженное свечами, лежало на одре в главном холле, чтобы все могли проститься с нею. Елизавета и ее братья и сестры по очереди дежурили у гроба. Даже Йорк сохранял серьезное лицо. Король и королева не появлялись на публике. Они скорбели за закрытыми дверями своих покоев и утешали младших детей, которые не вполне осознавали тяжесть утраты.

Когда настал момент идти за гробом в соседнюю церковь обсервантов¹⁷, которую основал отец, Елизавета застыла на месте. Она не могла смириться с этим. Она была совершенно измотана. Родители предложили ей с сестрами остаться во дворце. Они и сами решили не присутствовать на погребении, не могли справиться с горем. За гробом Марии, поставленным на повозку с ее гербом, которую везли кони в соболиных пополах, в долгую поездку к церкви Святого Георгия в Виндзоре отправился облаченный в черное Нэд. Там тело Марии было упокоено рядом с ее братом Георгом.

Лето в тот год казалось какой-то насмешкой. Елизавета чувствовала, что солнце не должно светить на мир, в котором так бесповоротно нет Марии. Дни перетекали один в другой под покровом печали, и повсюду принцессе встречались горькие напоминания об умершей сестре. Елизавета попыталась обратиться к Сесилии, чтобы заполнить пустоту, оставшуюся после смерти Марии, но Сесилия, какой бы любящей и своевольной она ни была, не была Марией, и вскоре, вероятно, она отправится в Шотландию. Елизавета усвоила горький урок, что там, где когда-то была любовь, когда-нибудь будет и утрата. Она даже обнаружила, что ее расстроило известие о кончине претендентки на трон королевы Маргариты, которая умерла в бедности во Франции. Прошла для нее почти незамеченной новость, что отец предложил Ричмонду земли при условии возвращения из ссылки и женитьбы на одной из ее сестер. Но он не приехал.

– Он подозревает подвох, – сказал король однажды вечером, когда они сидели в саду после ужина. – Но на этот раз я действительно собираюсь оказать ему милость и попросил леди Стэнли заверить его в моих благих намерениях. – Эдуард вздохнул. Он выглядел смущенным с того момента, как присоединился к ним за столом. Теперь король обратился к Сесилии: – Но, Сис, меня беспокоит не Ричмонд. Герцог Олбани, брат короля Якова, здесь, и он предупредил меня, что король Яков на самом деле не друг мне, несмотря на все его нижайшие извинения за вторжение в наши земли. Поэтому я расторгаю вашу помолвку с его сыном.

Сесилия не слишком расстроилась. Она говорила Елизавете, что никогда не мечтала стать королевой шотландцев.

– Я выйду замуж за Ричмонда? – спросила девочка.

– Нет, вы станете супругой герцога Олбани, – сказал ей отец, принимая кубок вина от Хамфри Бреретона.

На лице Сесилии широким мазком нарисовалось смятение.

– Значит, я все-таки поеду в Шотландию, но не буду королевой.

Глаза отца засверкали.

¹⁷ *Обсерванты* – монахи-францисканцы самого строгого толка.

– Я бы не был в этом так уверен. Олбани собирается оспорить шотландский трон, и он заверил меня в своей вечной дружбе. Я собираю армию, чтобы помочь ему добиться цели. Вы все равно сможете стать королевой, Сис.

Сесилия явно сомневалась.

– Мне остается верить в то, что это произойдет, – сказала она Елизавете, когда они поднимались по винтовой лестнице в Мейденс-Холл.

Король Александр (именно так теперь называл себя герцог Олбани) отправился на север, в Шотландию, во главе английской армии. С ним поехал дядя Глостер. В Вестминстере ликовали, когда стало известно, что они взяли в плен короля Якова, но затем пришла новость, что Олбани заключил соглашение с братом. В июле Глостер примирился с Яковом на условии, что шотландцы уступают Англии Бервик, и это стало большим триумфом, по словам отца, так как этот приграничный город уже десяток раз переходил из рук в руки между англичанами и шотландцами. Дядя Глостер вернулся героем, но не поехал на юг.

Сесилия снова была помолвлена с сыном короля Якова, но затем Олбани предпринял новую попытку захватить шотландский трон и опять обратился к Англии за поддержкой, заручившись по ходу дела обещанием руки принцессы. В октябре Эдуард наконец расторг помолвку Сесилии с шотландским наследником и заключил соглашение с Олбани.

– Все эти помолвки! – жаловалась Сесилия. – У меня голова идет кругом. Сомневаюсь, что хоть одна из них приведет к какому-то результату.

То же самое Елизавета думала о своем предполагаемом браке. В марте пришла ужасная новость, что Мария Бургундская упала с лошади и умерла, после чего ее фламандские подданные, которые никогда не принимали ее супруга Максимилиана, обратились к королю Людовику, чтобы тот помог им изгнать неугодного правителя. Отец был сам не свой.

– Это будет вполне в духе Людовика – не упустить свою выгоду, – ворчал он. – А потом мы можем распрощаться с французским альянсом.

Несмотря на неопределенность ситуации, король приказал устроить пышные рождественские празднества в Вестминстере.

– Мы блеснем великолепием, Бесси, и покажем всем, что с Англией нельзя не считаться! – заявил он, когда в канун Рождества они стояли в прекрасном Белом холле и наблюдали, как слуги украшают его остролистом, плющом и лавром.

Младшие братья и сестры Елизаветы резвились вокруг, даже двухлетняя Бриджит приплясывала с веточкой ягод в руках и засунула бы их в рот, если бы Елизавета не выхватила их у нее:

– Нет, дорогая, у тебя от них заболит живот.

На розовом личике Бриджит появилось трагическое выражение, но отец поднял малышку на руки и показал ей громадный поцелуйный сук, подвешенный к потолку. Воздух наполнял запах специй, вызывавший в памяти последний Йолетид, когда здесь с ними была Мария. Улыбка застыла на устах Елизаветы. Они будут ужасно скучать по ней весь год и во время всех праздников, которые еще впереди.

Король отпустил Бриджит, и девочка потопала к Сесилии – помогать той плести венки из остролиста. Елизавета не хотела, чтобы отец видел ее слезы, она не станет умножать его печали.

– Я пойду выберу себе платье к завтрашнему дню, – сказала принцесса.

Покидая холл, она размышляла, станет ли это Рождество для нее последним, проведенным в Англии. Ей уже почти семнадцать, она вполне созрела для брака и тем не менее не могла себе представить будущее во Франции. Может быть, ей все-таки не придется ехать туда.

Это было самое пышное Рождество за всю ее жизнь. Отец возглавлял великолепный двор, при котором собралось множество лордов и леди, и появился в роскошном наряде на мессе,

за столом и когда вел процессию через дворец. Его огромная фигура затмевала всех, когда он восседал на троне перед благородным обществом. Блеск двора демонстрировал мощь королевства, он был полон богатств и людей почти всех наций, и Елизавета трепетала от гордости, радости, печали и страха, что скоро уедет отсюда.

– Самое прекрасное здесь – это дети, дарящие столько радости, – услышала она слова леди Стэнли, сказанные матери.

Женщины стояли рядом и угощались сладостями у банкетных столов, накрытых по приказу короля вечером накануне Двенадцатой ночи. Мать, одетая в платье из зеленой тафты и золотой парчи, вся сияла; она улыбнулась Елизавете.

– Они действительно очень милые принцессы, – продолжила леди Стэнли, что заставило Елизавету задуматься, не ищет ли та по-прежнему невесту для своего сына. – А принц! Как он вырос!

Елизавета взглянула на брата, которому было уже двенадцать, одетого в сверкающий наряд из золотой парчи. Он жадно поедая конфеты и снисходительно разговаривал с Йорком, золотая тарелка которого была опасно нагружена горой сладостей.

– Мы очень гордимся им, – сказала мать. – И он так хорошо учится.

– Вы наверняка будете скучать по нему, когда он отправится в Ладлоу, – продолжила разговор леди Стэнли. – Мне самой так не хватает Генриха. Я очень хочу, чтобы он послушался короля и вернулся в Англию. Тогда он смог бы занять подобающее ему место в мире.

Елизавета задумалась: «И какое же?»

Она подошла к отцу, который от души смеялся чему-то с лордом Гастингсом, дядей Риверсом и лордом Стэнли.

– Заткните уши, Бесси, эта шутка не для юной леди. – Отец улыбнулся ей.

Вдруг рядом появился Хамфри Бреретон:

– Ваша милость, ваш посол из Франции здесь, он хочет поговорить с вами. Говорит, это срочно.

Отец вздохнул:

– Что ж, джентльмены, долг зовет меня. Бесси, я скоро вернусь.

Король смешался с толпой гостей, которые кланялись и делали реверансы, когда он проходил мимо.

– Надеюсь, это не какие-нибудь дурные вести, – сказала Елизавета.

– Это могут быть хорошие вести, – отозвался Гастингс.

– Не беспокойтесь, Бесси, – утешил ее дядя Риверс. – Людовик и Максимилиан, вероятно, опять повздорили. Идемте, позвольте мне угостить вас кубком этого славного бордо.

Отец в тот вечер так и не появился, и, когда Гастингса, Дорсета, Стэнли и других лордов вызвали в его кабинет, мать забеспокоилась.

Елизавета подошла к ней:

– Что происходит?

– Я не знаю, – ответила королева, – но пренебрегать гостями не в обычае у вашего отца. Он любит шумные сборища. Я пошла бы искать его, но не могу уйти.

– Матушка, я побуду за хозяйку или могу найти отца.

– Идите, Бесси. Но если он заперся со своими лордами, лучше не беспокойте его.

Елизавета подобрала серебристые юбки и быстро пошла по галерее, которая вела в покои короля. У дверей стражники подняли алебарды, пропуская ее. Присутственная зала была пуста, и принцесса прошла в располагавшиеся за ней личные покои. Из-за дверей кабинета слышались крики. Кричал отец, Елизавета никогда еще не заставляла его в таком гневе.

– Я не шучу – это война! – услышала она рев короля. – Я не потерплю такого оскорбления!

В ответ раздался говор мужских голосов.

Елизавета постучала. Ей нужно было знать, о чем идет речь. Крики прекратились, как только паж с испуганным лицом отпер дверь.

– Бесси! – воскликнул отец. Он был весь красный и тяжело дышал, лицо подобно грозовой туче.

Принцесса сглотнула, чувствуя, что ей здесь не место.

– Миледи матушка интересуется, куда вы пропали, – запинаясь, пролепетала она.

Стэнли, Риверс, Гастингс и Дорсет смотрели на нее с болезненным выражением на лицах.

– Бесси, – тяжело проговорил король, – это касается вас больше, чем кого бы то ни было другого. Людовик оставил нас. Вы не выйдете замуж за дофина. Этот мерзкий паук заключил союз с фламандцами и обручил дофина с дочерью Максимилиана Маргарет. По этому договору Людовик получает всю Бургундию, кроме Фландрии, которую уступил Максимилиану. Кроме того, он прекратил выплату мне пенсиону, только недавно восстановленную. – Король говорил сквозь сжатые зубы. Елизавета пыталась осознать услышанное, а Эдуард начал расхаживать взад-вперед по кабинету, продолжая яриться. – Этот договор разорвал в клочья всю мою продуманную международную политику, но больше всего меня задевает то, что вам, моя драгоценная принцесса, придется испытать унижение публично отвергнутой невесты.

Елизавета ничего не имела против расторжения помолвки, но облегчение оттого, что ей не придется ехать во Францию, внезапно было умерено жгучим чувством стыда. Все узнают, что от нее отказались. Люди, не имеющие понятия о приведших к этому обстоятельствах, могут решить, будто все произошло из-за какого-то дефекта в ней самой. Как она теперь появится на людях? Все станут смотреть на нее с жалостью или еще того хуже.

Принцесса не могла рта раскрыть. Стояла там столбом – никакая она теперь не будущая королева Франции – и чувствовала, что все на нее пялятся.

Отец направил яростный взгляд на своих советников:

– Я использую все возможные средства, чтобы отомстить! Пусть соберется парламент, пусть вся эта пустая болтовня и обман станут известны людям. Я пойду войной на Францию!

Когда лорды разошлись, король обнял Елизавету за плечи. Ее всю трясло, но она старалась не плакать.

– Я разберусь с Людовиком и после этого найду для вас другого супруга, Бесси, который будет еще лучше.

Елизавета кивнула, хотя какой супруг мог быть лучше этого? Да и что ей за дело? Она остается в Англии, чего всегда желала.

– А теперь идите и найдите себе какое-нибудь приятное занятие, чтобы ни о чем не думать, – велел ей отец. – И, Бесси, держите голову высоко. К этому привел не какой-то изъян в вас, а одно лишь вероломство старого паука. А я сейчас должен послать за вашей матерью и сообщить ей новости.

Когда позже Елизавете приказали явиться в покои королевы, она застала мать побледневшей от ярости. Леди Стэнли и тетя Риверс как могли старались успокоить ее, им помогала хрупкая миловидная женщина, в которой принцесса узнала свою тетушку и кузину Элис Фиц-Льюис. Лорд Риверс и лорд Стэнли стояли у окна и сочувственно качали головой.

– Это жестоко! – кипятилась мать. – Столько лет растить дочь в сознании, что она будет королевой Франции, готовить ее к этому, а потом девочку так грубо отвергают. Это гнусно! Она должна была стать королевой...

– И еще может ею стать, мадам, – сказала леди Стэнли, беря ее за руки. – Есть другие королевства. Франция не самая великая монархия в христианском мире.

– Мы обе знаем, что она величайшая, – отрезала мать.

Леди Стэнли спокойно посмотрела на нее:

– Есть Испания. Наследник суверенов еще ни с кем не помолвлен.

– Он еще младенец, – отмахнулась мать и подняла взгляд. – Бесси!

Она раскрыла объятия, и Елизавета припала к ней. Вот теперь слезы покатились у нее по щекам. Странно было, что мать утешает ее, как дитя, королеве не пристало демонстрировать привязанность к кому бы то ни было. Елизавета чувствовала себя неловко, ведь она уже не ребенок, однако покорно позволила матери прижать свою голову щекой к ее затянутой в бархат груди и вывернулась из рук родительницы, когда посчитала, что снесла достаточно материнского утешения. Элис Фицьюис смотрела на нее с пониманием, а леди Стэнли, когда Елизавета утерла глаза, мягко сказала:

– Все это пройдет, леди Бесси. Господь, вероятно, приготовил для вас что-нибудь получше.

– По крайней мере, вам не придется иметь свекром этого Вселенского паука и недоростка-идиота мужем, – язвительно произнесла мать.

Елизавета уставилась на нее. Всего неделю назад королева превозносила добродетели дофина. Значит, это правда. Дофин действительно отвратительный и умственно отсталый. Неужели отца обманули? Он должен был знать или озаботиться тем, чтобы узнать о дофине все. Однако хороший пенсион и французская корона для дочери, вероятно, перевешивали недостатки жениха, с его точки зрения. Елизавета постаралась не впустить в свое сердце чувство горечи и обиды.

Леди Стэнли улыбнулась ей:

– Это не конец света, дитя. Помолвки расторгаются постоянно. Вам повезло, что в семнадцать лет вы остаетесь под родительским крылом. Меня выдали замуж в двенадцать за моего первого мужа, Эдмунда Тюдора. Он умер от чумы на следующий год, оставив меня беременной. Я родила своего любимого сына тринадцатилетней, и это мне дорого обошлось. Так что видите, леди Бесси, в жизни случаются вещи и похуже, чем расторгнутая помолвка.

– Да, я это понимаю, – сказала Елизавета. Не нужно впадать в крайности.

Дядя Риверс и лорд Стэнли присоединились к дамам у камина.

– Мы зададим этим бесчестным французам хорошую трепку, – заявил Риверс. – Им не сойдет с рук такое обращение с нашей Бесси. – Он похлопал принцессу по плечу.

Лорд Стэнли остановил на ней взгляд заботливого дядюшки и сказал:

– Если я когда-нибудь смогу быть чем-то вам полезен, леди Бесси, обращайтесь ко мне без колебаний.

Мать выглядела раздраженной. Елизавета отнесла это на счет ее недовольства Людовиком, но позже, лежа в постели, она задумалась: не ведут ли Стэнли дело к помолвке с нею своего сына Ричмонда? Не втираются ли они в доверие к королеве?

Мать этого не одобрит. Она хотела, чтобы отец не имел ничего общего с Ричмондом. Говорила, мол, тот не стоит ни одной из их дочерей, полагала, что он вполне может рассматривать брак с принцессой как способ получения короны. Ричмонд был честолюбив, и его мать тоже имела амбиции в отношении сына. По словам королевы, леди Стэнли теряла свою обычную рассудительность, когда речь заходила о нем.

– Я знаю, что такое – любить своих детей, – говорила мать, – но эта женщина просто одержима. Считает Ричмонда истинным наследником Ланкастеров. И это его-то, появившегося на свет в результате двойного адюльтера Джона Гонта и Екатерины Суинфорд! Такие бредни опасны, Бесси. Они угрожают нашему дому. Меньше всего нам нужно возобновление войны между Ланкастерами и Йорками. Мы должны быть настороже, когда у кого-то появляются подобные амбиции.

Елизавета считала, что брак между Ричмондом и одной из ее сестер немало поспособствует тому, чтобы связать Ланкастеров и Йорков. Но свои мысли она держала при себе.

В феврале отец вызвал старшую дочь в свой кабинет, поцеловал ее и предложил сесть.

– Вы, кажется, в последнее время повеселели, Бесси, – заметил он.

– Я чувствую себя лучше, – ответила Елизавета. – Мне помогает сознание того, что все королевство на моей стороне.

– Действительно, так и есть! – отозвался король. – Парламент осудил короля Людовика. Скоро мы начнем вооружаться, чтобы идти на него войной. Знаете, я думаю, старый паук побуждает шотландцев тоже разорвать помолвку Сесилии.

– Это ужасно.

– Ничего, скоро мы преподадим ему урок. Но я пригласил вас сюда не для того, чтобы беседовать о Людовике. Я хотел бы поговорить о вашем браке.

О ее браке? Неужели поступило какое-то новое предложение?

Отец, сидя за столом, задумчиво разглядывал дочь.

– Я серьезно рассматриваю возможность брака между вами и Ричмондом. Это станет эффективным средством удалить его из-под носа Людовика и заручиться его верностью.

Разумеется, в этом был смысл. Но Елизавета, которая прожила последние восемь лет в ожидании, что станет королевой, прежде всего подумала: «Эта партия ниже моего достоинства».

– Я поговорил с лордом и леди Стэнли, а также со своими епископами и сказал им, что хочу реально осуществить этот брак. Ваша мать, должен вас предупредить, не поддерживает мою идею. А что думаете вы, Бесси?

Принцесса замаялась. Реакция матери была предсказуемой, и ее родительница вполне могла надавить на отца, чтобы тот оставил эту затею. Елизавета представляла, как безмерно обрадуется леди Стэнли, если ей удастся обеспечить своему сыну руку принцессы. Она попыталась вспомнить все, что слышала о Ричмонде, и пожалела о своей невнимательности – она мало включалась в разговоры о нем. Ей было известно только, что ему двадцать шесть лет, он живет изгнанником в Бретани и является образцом всяческих добродетелей; по крайней мере, так утверждала его мать.

– Ну? – произнес король, обрывая мысли Елизаветы.

– Я размышляла, отец. Для Англии это будет выгодно. – Перед мысленным взором у нее возникла картинка: корона откатывается от ее ног. – Я ваша покорная дочь и выполню вашу волю в этом случае, как и во всех прочих.

Эдуард заулыбался ей:

– Я знал, что могу положиться на вас и вы примете разумное решение, Бесси.

Ничего так и не было решено окончательно, когда на Пасху, которая в том, 1483 году выпала на 1 апреля, двор перебрался в Виндзор. Весна стояла холодная, и Елизавета испугалась, когда отец однажды вечером за ужином объявил, что собирается порыбачить на Темзе с лордом Гастингсом.

– Вы с ума сошли, милорд? – едко спросила мать. – На улице сыро и холодно.

– Я солдат, Бет, и не стану переживать из-за таких мелочей, как погода.

Елизавета вздрогнула, осознав, что он вовсе не похож на солдата. Отец был толст, узкие глаза его заплыли жиром. Он уже много лет не участвовал в сражениях.

Король оставил без внимания протесты матери и, несмотря ни на что, вышел на реку, лорд Гастингс составил ему компанию. Елизавета подумала: «Уж не предлог ли это для тайного свидания с мистресс Шор, которая по-прежнему регулярно появлялась при дворе?»

По возвращении в Вестминстер после Пасхи отец слег в постель с простудой, и мать сказала:

– Я вас предупреждала!

Елизавета пришла навестить отца и застала его за чтением бумаг. Однако на следующий день, по словам матери, ему стало хуже.

– Его трясет в лихорадке, – сообщила она детям. – Я вызвала врачей.

Все с тревогой и нетерпением ждали новостей в покоях королевы. Наконец явились доктора.

– Всё как вы и опасались, мадам, – сказали они. – Его милость позволил влажному холоду остудить его внутренности, и это привело к болезни. Мы прописали ему лекарство, но заболевание будет идти своим чередом. Мы не думаем, что есть серьезные причины для беспокойства. Ему мешает еще и то, что он до сих пор злится на короля Франции. Мы посоветовали ему не задерживаться на этих мыслях.

Елизавета предположила, что болезнь как раз дала отцу долгие часы для томительных раздумий. Она и не догадывалась, что он принял разрыв ее помолвки так близко к сердцу. И тем не менее доктора не казались сильно встревоженными. Отец скоро поправится. Должен поправиться, ведь скоро День святого Георгия и праздник ордена Подвязки. Принцесса с нетерпением ждала их.

Елизавета встала на колени у постели отца, рядом с нею стояли ее братья и сестры, даже двухлетняя Бриджит. Отсутствовал только Нэд, так как времени вызвать его из Ладлоу не было. Мать находилась с противоположной стороны, держала отца за руку. Исповедник совершал обряд миропомазания и читал молитвы. Елизавета понимала, что это означает. Вокруг собрались знатнейшие люди королевства, лица у всех были торжественно-серьезные.

Принцесса непрестанно дрожала начиная с самого утра, когда мать срочно вызвала старшую дочь в отцовскую спальню. Вид отца шокировал Елизавету. От пережитого апоплексического удара лицо у него было перекошено. Когда он пытался заговорить, слова звучали искаженно. Король был обречен. В этом ни у кого не оставалось сомнений.

Но такого не могло произойти. Елизавета стояла на коленях и желала отцу выздоровления. Господь творил чудеса, и она молилась так усердно, как только могла. Священник завершил обряд и, встав у изножья постели, продолжил молитвы.

Вдруг отец заговорил.

– Я умираю, – прохрипел он. – Лорд Гастингс.

Гастингс в два шага оказался у постели:

– Сир?

– Позаботьтесь... мой сын, моя жена и д-дети, мои вещи и все, что у меня было. Гл... Гл... Я из... изменил свое завещание. Гло... должен стать регентом. – Король закрыл глаза, утомившись от произнесения этих слов.

– Я позабочусь о принце и прослежу, чтобы желания вашей милости были выполнены, – со слезами на глазах промолвил Гастингс. – Вы можете положиться на меня.

– Я... благодарю вас, – пробормотал король. – Стэнли...

Лорд Стэнли приблизился к кровати и встал на колени:

– Ваша милость? – Как и Гастингс, он выглядел искренне тронутым тем, в каком тяжелом состоянии находится его суверен.

– Позаботьтесь о б-благополучии Бесси, – выдохнул король. – Б-будьте ей за отца.

Он пробормотал что-то еще, но Елизавета не расслышала. Стэнли склонил голову и поклялся исполнить просьбу короля, затем встал и остановился рядом с нею, словно для того, чтобы показать – его отеческая забота уже началась. Елизавета ощутила, как подкрепляет ее присутствие рядом этого искреннего, грубовато-добродушного человека, но она не хотела, чтобы он становился ее отцом; ей нужен был настоящий отец, который ускользал в вечность прямо перед ее полными слез глазами.

– Дорсет, подойдите, – прохрипел король. – Эта вражда между вами и Г-Гастингсом должна... закончиться. Я приказываю и прошу вас обоих, кого я люблю, примириться.

Голос его затих. Гастингс и Дорсет, стоявшие по разные стороны постели умирающего, украдкой переглянулись.

– Вот вам моя в том порука, – сказал Гастингс, подходя к Дорсету.

– И моя, – заявил тот.

Они пожали друг другу руки и обменялись поцелуями примирения, но глаза у обоих остались холодными. Елизавета удивилась: неужто они до сих пор соперничают за милости мистресс Шор?

Глаза короля закрылись, лицо посерело, губы стали сизыми. Постепенно его хриплое дыхание замедлилось, а потом наступила тишина. Дети начали громко всхлипывать. Елизавета повернулась к лорду Стэнли, тот обнял ее, привлек к себе и позволил плакать на своей груди, пока его дублет не вымок основательно.

– Теперь я буду вашим защитником, – пробормотал Стэнли. – Вы должны смотреть на меня как на второго отца.

Принцесса не могла оторвать глаз от неподвижной фигуры на постели. Там лежал ее любимый родитель – мертвый. В это просто не верилось.

Мать встала, ее прекрасное лицо опухло от слез. Она наклонилась, поцеловала бледный лоб покойника и тихо промолвила:

– Ему был всего сорок один. Почему, Господи, почему?

Священник смотрел на нее с состраданием:

– Мы не должны подвергать сомнению Его волю, дочь моя. Ваш супруг сейчас уже у Него в руках и надеется на святое благословение.

Лорд Гастингс подал руку королеве. Елизавету это удивило, ведь он никогда не выказывал к ее матери особой теплоты.

– Мадам, крепитесь, вы должны быть сильной. Вам нужно думать о сыне и о других своих детях.

– Да, – поддержал его лорд Стэнли. – Король умер. Да здравствует король! Мы все должны принести присягу на верность нашему новому суверену, королю Эдуарду Пятому.

Мать заметно приободрилась:

– Вы правы, господа. Мы должны обеспечить спокойный переход власти. Но это может подождать до завтра. Мы оставим бедного мальчика в неведении еще ненадолго. Ему всего двенадцать. Сегодня мы будем скорбеть по моему дорогому супругу. Подойдите ко мне, дети. – Она протянула к ним руки.

Глава 6

1483 год

На следующее утро, одетая в простое черное платье, Елизавета послушно пришла по зову королевы в ее покои и застала мать в утренней одежде, вимпле, почти как у монахини, и черной вуали. С нею сидели Дорсет и дядя Лайонел, который, по счастью, как раз приехал погостить при дворе в момент смерти отца и смог остаться, чтобы предложить духовное утешение.

– Садитесь, Бесси, – довольно спокойным голосом велела ей мать. – Мы как раз обсуждали ход заседания Совета сегодня утром. Завтра Нэда объявят королем. В церквах прочтут новую молитву, призывающую всех верных подданных молиться за него, за меня и за всех вас, детей. – (Елизавете было трудно представить своего брата королем. Он еще совсем юн. Как он сможет править?) – Мы прочли завещание вашего отца, – продолжила мать. – Он оставил вам десять тысяч марок приданого, при условии, что руководить выбором вашего супруга буду я.

Елизавету это не заботило. Будущее простиралось перед ней тусклое и печальное, потому что рядом не было отца. Прошлую ночь она почти не спала, а утром, когда встала, ноги едва держали ее.

– Миледи, вы будете руководить мною. Но кто станет регентом, пока Нэд не войдет в возраст?

– Королевский совет, – твердо заявила мать. – Мы, Вудвиллы, и наши последователи составляем в нем большинство. У нас сильные позиции. Ваш дядя Риверс контролирует короля. Дикон служит при нем, а ваш дядя Эдвард Вудвилл командует флотом. Лондонский Тауэр, королевская сокровищница и арсенал под нашим присмотром. Вы, Йорк и ваши сестры – под моей опекой. Слава богу, я позаботилась о том, чтобы совет принца в Ладлоу состоял из моих кровных родственников и свойственников.

«Такое ощущение, – в смятении подумала Елизавета, – что мать ожидала какого-то противостояния, которое вполне могло возникнуть, так как Вудвиллов всегда недолюбливали».

– Расскажите Бесси про дополнение, – мрачно произнес Дорсет.

– Какое дополнение? – поинтересовалась Елизавета.

– Дополнение к завещанию вашего отца, – пояснила мать. – Он сделал его, будучи уже на смертном одре. В нем ваш дядя Глостер назначается лорд-протектором на время, пока Нэд не достигнет совершеннолетия.

Елизавета успокоилась. Уже много лет дядя Глостер верно управлял землями на севере в качестве наместника отца. Кто, как не он, мог лучше всех справиться с этой должностью.

Очевидно, мать так не думала:

– Мы не можем этого допустить. Он нас терпеть не может – так было всегда – и постарается лишиться всего.

– Но почему он вас ненавидит? – спросила Елизавета, совершенно ошеломленная словами матери. Она знала, что на дядю Глостера можно рассчитывать, он будет править мудро и справедливо, но теперь вот мать противится этому, а им не нужны новые проблемы в это печальное время.

– Он всегда презирал меня и моих родных, потому что считает нас низкородными выскочками, которых превознесли выше наших заслуг. Как и другие лорды, которых я могу перечислить, он завидует нашей власти, влиянию и возмущается ими.

– Но он сам обладает большим влиянием на севере. Он там как второй король. Отец часто говорил, что нет более великого подданного.

– Именно это нас и беспокоит, – сказал Дорсет, – но у Глостера есть и другая причина для ненависти к нашей матери, так как он считает ее и весь наш род ответственными за смерть его брата Кларенса.

Мать ничего не сказала. Да и зачем. Елизавета помнила, как она побуждала отца устранить дядю Кларенса однажды и навсегда. А еще ей пришли на память слова матери, что она наполнила парламент своими сторонниками. Вполне понятно, почему Глостер не питал к ней добрых чувств. Но дядя Кларенс заслужил смертный приговор, разве не так? Он был опасен.

– Я не позволю Глостеру захватить власть, – сказала королева. – Немало трудов я положила на то, чтобы все оставалось как есть и наше могущество не было подорвано, когда Нэд взойдет на престол. Сегодня советники согласились, что они должны править от его имени и Глостер будет играть ведущую роль, но не станет автономным правителем, потому что ни один регент не отказывался от своей должности по доброй воле. Опасность в том, что, если ему будет передана вся полнота власти, он может попытаться узурпировать трон. Мои родственники проголосовали за это предложение, так как они опасаются, что, если Глостер станет править единолично или захватит корону, их могут казнить за причастность к смерти Кларенса.

– Мы, Вудвиллы, занимаем такие прочные позиции, что даже без Глостера можем принимать и приводить в исполнение решения, – хвастливо заявил Дорсет.

Елизавета поняла, что противоречия между Глостером и семьей ее матери действительно очень серьезны. Но как быть ей? В ней текла кровь Вудвиллов, но дядя всегда был привязан к ней и проявлял доброту к своей племяннице.

Дядя Лайонел встал и подбросил дров в камин.

– Положение таково. Как только король будет коронован, он может созвать парламент, который подтвердит установления относительно регентства. Чрезвычайно важно, чтобы Нэд получил корону как можно быстрее: это предотвратит захват единоличной власти Глостером.

– Мы убедили лордов назначить датой коронации четвертое мая, – сказал Дорсет.

– До этого еще три недели, – подсчитала Елизавета. – Дядя Глостер наверняка уже приедет к тому времени.

– Я в этом сомневаюсь, – отозвался ее брат. – Мы еще не сообщили ему о смерти короля, а до Мидлхэма путь неблизкий. Если нам повезет, когда Глостер узнает обо всем, Нэд уже получит корону.

У Елизаветы голова пошла кругом. Она и не догадывалась, что при дворе ее отца существуют такие резкие противоречия и соперничество. Ей стало понятно, почему дядя Глостер предпочитал оставаться на севере. Как же это ужасно, что они погружены в борьбу за власть, когда нужно оплакивать бедного отца. Ей самой хотелось, чтобы отцовскую волю уважали и дядя Глостер стал регентом. Но вдруг он начнет мстить матери и ее родным за смерть Кларенса? О, какая кошмарная, запутанная ситуация. И все же не оповестить его о смерти брата и дополнении к завещанию отца – это коварство.

– Нэд поддержит нас, – говорила меж тем мать. – Его с раннего детства растили мои родственники. И через пять месяцев ему будет тринадцать лет. Генриха Ланкастера объявили достигшим необходимого для правления возраста, когда ему исполнилось шестнадцать, так что, к счастью, Нэду недолго осталось до совершеннолетия. Нам нужно только держать под контролем Глостера в течение этого срока.

Мать подвела Елизавету и других своих детей к телу отца, которое торжественно покоилось в Вестминстер-Холле. С трудом верилось, что это он лежит в огромном гробу, покрытом дорогими тканями и окруженном свечами. Елизавета не могла смириться с мыслью, что больше никогда не увидит отца.

Позже они наблюдали из окна, как гроб погрузили на барку и отправили по Темзе в Виндзор, где позже похоронят в церкви Святого Георгия. Ни королеве, ни детям короля не полагалось присутствовать на погребении, они пока будут оставаться в Вестминстере. Мать объяснила, что по традиции похороны короля не посещают его родственницы-женщины.

– Мы должны скорбеть в уединении, – сказала она.

Елизавета обнаружила, что общение с младшими сестрами и братьями дает ей желанное облегчение, она немного отвлекается от своего горя, хотя ее начали утомлять шумные воинственные игры юного Йорка. Он не мог долго усидеть на месте, ему быстро становилось скучно, когда она пыталась занять его книгами, так что обычно кончалось тем, что Елизавета развлекала восьмилетнюю Анну и четырехлетнюю Екатерину. Принцесса как раз учила их шить одежду для кукол, когда услышала, как леди Дакр по секрету сообщила мистресс Уэллес последние слухи: лорд Гастингс сделал Элизабет Шор своей любовницей.

– Он не терял времени! – фыркнула мистресс Уэллес.

– Она очень нравилась ему еще при жизни короля. Все знали, что они оба пользовались ее милостями. Может быть, теперь она почувствовала необходимость в защите со стороны лорда Гастингса. Говорят, милорд Дорсет злится на нее, что она отдала предпочтение не ему, а еще больше разгневан на Гастингса.

Елизавета опустила на колени и спасла куклу от щенка, который пытался сгрызть ее. Она надеялась, женщины не заметят, что их разговор подслушивают, они находились в другой

части комнаты, сидели за столом с починкой и явно не сознавали, насколько далеко разносятся их голоса.

– И лорд Гастингс, конечно, враждебно настроен ко всем родственникам королевы из-за своей вражды с лордом Дорсетом, – продолжила леди Дакр. – Но в его верности нашему юному королю никто не сомневается. Как он любил отца, так же любит и сына.

– Несмотря на то, что принц – кровный родственник Вудвиллов.

– Да. Могу поспорить, он попытается отстранить королеву от правления, хотя она и ее сторонники, похоже, крепко держатся за власть.

– Я буду рада, когда мальчик благополучно получит корону и все эти распри закончатся, – сказала мистресс Уэллес.

«И я тоже», – с жаром подумала Елизавета.

Мать влетела в Мейденс-Холл с Дорсетом, который следовал за нею по пятам. Елизавета и Сесилия подскочили и быстро сделали реверансы.

– Глостер едет на юг, – сказала дочерям королева. – Он каким-то образом узнал о кончине вашего отца.

– Нетрудно догадаться, кто сообщил ему. – Красивое суровое лицо Дорсета побледнело от гнева. – Все этот змей Гастингс, не сомневаюсь. Он ни перед чем не остановится, чтобы лишить нас власти.

Мать выглядела встревоженной:

– Интересно, едет ли Нэд. Я послала гонцов в Ладлоу, чтобы вызвать его в Лондон, и рассчитываю, что дядя Риверс и Дикон сделают все быстро. Нужно короновать Нэда до приезда Глостера. – Она начала возбужденно расхаживать по комнате, заламывая руки. – Господи, хотелось бы мне знать, где они.

– Миледи, прошу вас, не беспокойтесь, – сказала Елизавета. – Дядя Глостер не причинит вреда Нэду и никому из нас, и милорд Гастингс тоже.

– Вы бы лучше не доверяли им обоим, – возразила мать. – Не могу представить, чтобы Глостер спокойно отнесся к нашему пребыванию у власти, а вот месть за смерть Кларенса с его стороны предвижу. Говорю вам, если он окажется в Лондоне, нас всем грозит опасность.

Елизавета задрожала. Мать все понимала неправильно. Дядя Глостер управлял землями на севере справедливо и мудро. Почему он не будет таким же хорошим правителем для всей Англии? Она не могла представить, что он станет мстить. Это вовсе не в его характере. Мать просто слишком издергалась от горя, решила принцесса.

Видя, что она молчит, Дорсет прищурился:

– Бесси, Глостером движут ненависть и амбиции, не сомневайтесь в этом. Помните, как он участвовал в сговоре с целью лишить наследства свою тещу, чтобы завладеть ее землями? К тому же он хитер. Посмотрите, как он выследил Анну Невилл.

– У меня недобрые предчувствия относительно того, куда его заведут амбиции, – вмешалась в разговор мать и повернулась к сыну. – Что нам делать?

– Дождемся приезда Нэда и будем молиться, чтобы он появился как можно скорее! – ответил тот.

– Хорошо. Дети, вы должны быть готовы, так как никто не знает, что случится.

Елизавета была изумлена. Готовы к чему?

Она все равно не могла поверить, что дядя Глостер и лорд Гастингс желают им зла или имеют какие-то недобрые намерения. Оба они любили отца и были верны ему. Неужели они дойдут до того, что станут мстить матери?

Сильно обеспокоенная, Елизавета попыталась найти лорда Гастингса в надежде получить от него заверения в отсутствии у него намерений навредить королеве и в неизменной верности

Глостера, однако не смогла отыскать его, поэтому обратилась к лорду Стэнли, которого застала за беседой с одним из советников по завершении обеда. Увидев ее, Стэнли встал и поклонился:

– Леди Бесси! Чем я могу быть вам полезен?

– Отец Стэнли... – сказала она, рассчитывая, что таким обращением завоюет его доверие. – Могу я поговорить с вами наедине?

– Разумеется. – Он отвел ее на галерею с окнами, расстеклованными в виде ромбов, и видом на регулярный сад. – У вас встревоженный вид, принцесса.

– Мне беспокойно. Миледи матушка сказала мне, что лорд Глостер едет на юг.

Она передала Стэнли слова королевы. Тот некоторое время размышлял.

– Если Вудвиллы боятся Глостера, то он тоже их опасается. В дополнение к завещанию ваш отец выразил желание, чтобы его брат стал лорд-протектором, и, с точки зрения Глостера, он должен занять эту должность по праву. Вы понимаете, леди Бесси, что он захочет получить причитающееся ему? Отказ в удовлетворении его прав выглядит для него враждебным актом. Вам не приходило в голову, что он может бояться последствий для себя, если сторонники вашей матери захватят власть?

Елизавета ощутила приступ отчаяния. Складывалось впечатление, что винить за возникновение этой ужасной ситуации нужно мать и ее сторонников.

– И нет никакого способа примирить королеву и Глостера? – спросила она.

Стэнли печально покачал головой:

– Боюсь, что вражда имеет слишком глубокие корни у обеих сторон. Позвольте мне быть честным с вами: Глостер всегда недолюбливал Вудвиллов. Он не простил вашей матери смерть Кларенса. И этого не изменить. А ваша мать не может изменить ни своего происхождения, ни той роли, которую она сыграла в расправе над Кларенсом. Печально, но факт: Вудвиллов не любят ни знать, ни народ.

Некоторое время Елизавета молчала, внутри у нее бурлила ярость.

– Но им придется работать сообща. Дядя Глостер должен возглавить Совет.

– Нет, если ваша леди матушка сможет этому противостоять! Она делает все возможное, чтобы не дать Глостеру занять этот пост.

Где-то вдалеке послышался колокольный звон. Стэнли поклонился:

– Я должен идти, леди Бесси. Новое заседание Совета начнется через несколько минут. Попытайтесь не переживать. Я и мои коллеги постараемся сделать так, чтобы эта распря завершилась мирно.

Ближе к вечеру Елизавету вызвала к себе королева, которая ждала дочь в своем личном саду. Казалось, мать в это трудное время начала обращаться к ней и Дорсету за поддержкой как к старшим из своих детей. Это дало Елизавете ощущение, что она уже совсем взрослая, но и отяготило сложными вопросами, которые, как она сама чувствовала, не должны были ее касаться, по крайней мере пока.

– Я получила письмо от Глостера, – сказала королева. – Он желает утешить меня в моей утрате и заверяет в своей любви и естественной привязанности к вам, детям его брата.

Елизавета испытала огромное облегчение. Она знала, что на дядю Глостера можно положиться, он поступит правильно и снимет напряжение, возникшее между ним и матерью.

– Это очень хорошее письмо, проникнутое любовью, – сказала она. – Теперь вы можете успокоиться.

Мать посмотрела на нее как на сумасшедшую:

– Разумеется, нет! Совету он тоже написал и продемонстрировал, что ему нельзя доверять. О, он сама любезность. Пишет, что всегда был верен вашему отцу и будет так же верен сыну своего брата и всем его детям, если – не дай бог – Нэд умрет. И тут он снял с себя маску и разоблачил свои намерения! С чего бы это Нэду умирать? Зачем вообще упоминать об этом?

Если, конечно, он не мечтает о таком несчастье ради собственной выгоды! – Мать начинала терять самообладание.

– Миледи, вы забываете: если что-то случится с Нэдом, королем станет Йорк!

– Если ему позволят дожить до этого! – взвизгнула мать.

– Могу я взглянуть на письмо? – попросила Елизавета. Мать протянула его ей, и принцесса быстро пробежала глазами послание дяди. – Но, миледи, дядя Глостер говорит, что подвергнет свою жизнь любой опасности, лишь бы я и мои братья и сестры могли счастливо жить в отцовском королевстве. Разве это не успокаивает вас?

– Нет, Бесси, не успокаивает. Пока я дышу, я не позволю ему править в этом королевстве.

Мать была несправедлива и безрассудна. Если бы только она могла увидеть, что дядя Глостер имел наилучшие цели и прокладывал путь для их дружеского сотрудничества. Елизавета понимала, чего боится мать, но была уверена, что ее страхи безосновательны.

Она молилась, чтобы Нэд поскорее приехал в Лондон. Наверняка ждать осталось недолго.

Апрель заканчивался, а Нэд так и не появился. Ни дядя Риверс, ни Дикон не присылали никаких вестей. Мать паниковала, потому что сведений о прибытии Глостера тоже не поступало. Где они все?

Елизавета ничем не могла заниматься. В воздухе витало ощущение надвигающейся неизбежной беды. Атмосфера при дворе была напряженная, лорд Гастингс не собирался отступать, и между ним и Дорсетом существовала осязаемая ненависть. Лорд Стэнли постоянно был настороже. Мать изнывала от тревоги. Дети, ощущая все это, стали капризными и беспокойными.

Елизавете с трудом удавалось заснуть по ночам, а когда она все-таки погружалась в сон, ее преследовали кошмары, в которых кто-то гнал за нею. Это был какой-то незнакомый мужчина, лица которого она никогда не видела.

В последний день апреля то же сновидение повторилось, но на этот раз кто-то стал тормошить ее, вовсе не нежно, и голос матери сквозь дремоту ворвался в сознание Елизаветы:

– Бесси! Вставайте! Нельзя терять ни минуты!

Как будто она снова была четырехлетней и мать собиралась быстро увести ее в убежище при монастыре. Принцесса с трудом очнулась и увидела, что королева так же встревожена, как и тогда, много лет назад, если не больше.

– Что случилось? – пробормотала Елизавета, протирая глаза.

Голос матери дрожал:

– Нэд захвачен, и мой брат Риверс, и Дикон, и другие мои родственники; они арестованы и отправлены неизвестно куда; что с ними сделают, одному Богу известно! Глостер разделался с нами одним ударом! Вставайте скорее! Мы должны снова уйти в святилище. Это единственное безопасное место. Быстрее, моя девочка, поторопитесь!

Елизавету трясло, ее ум вдруг наполнился смутными и тревожными воспоминаниями о событиях двенадцатилетней давности.

– Вот, наденьте это. – Королева сняла платье с крючка и сунула ей. – Да поживее! Глостер скоро будет в Лондоне. Нельзя терять ни минуты. – Мать бросилась будить Сесилию, а затем поспешила в детскую собирать других детей. – Ждите меня в Белом холле! – крикнула она через плечо.

– Что происходит? – удивленно спросила Сесилия, едва проснувшись.

– Дядя Глостер захватил Нэда, дядю Риверса и Дикона, – сказала Елизавета. – Он идет на Лондон. Ничего больше я не знаю. Давайте одевайтесь быстро. Мать отведет нас в святилище.

– Что?

– Нет времени на разговоры, Сис. Шевелитесь.

Они быстро оделись, вызвали горничных и помогли им собрать свои вещи в сундуки, которые грумы снесли вниз, в Белый холл. Там девушки застали паническую суматоху. Казалось, на ноги подняли всех слуг и приказали им тащить вещи королевы в святилище. В зале стояли груды разного скарба, и целая толпа людей волочила все это из дворца.

Мать и Дорсет стояли в углу и быстро переговаривались с несколькими лордами. Елизавета подошла к ним и услышала, как королева сказала:

- Мы должны поднять армию! Нужно защищаться и вырвать короля из лап Глостера!
- Не вижу, как это можно сделать, – произнес один из мужчин.
- Вы можете созвать своих родных! – возразила мать.

Лорды неловко переминались с ноги на ногу, избегая смотреть ей в глаза. Один или двое вообще были настроены враждебно.

– Почему вы колеблетесь? – с вызовом спросил Дорсет. – Где ваша верность?

– Мы верны королю, милорд, – ответили ему. – И некоторые из нас полагают, что волю нашего покойного суверена нужно уважать и будет более справедливо, если нашим юным монархом станет руководить его дядя с отцовской стороны, а не родня матери.

Королева одарила их испепеляющим взглядом:

– Раз вы не собираетесь помогать женщинам и детям, попавшим в беду, и безразличны к судьбе вашего короля, мне остается только одно. Пойдемте, милорд Йорк, и вы, мои дочери, мы отправляемся в святилище – так я смогу уберечь вас от опасности. А что касается короля, я могу только молиться, чтобы Господь позаботился о нем. – И тут королева возопила: – О Пресвятая Матерь Божья, защити моих невинных детей! Спаси нас от гибели и злосчастья!

Лорды молча смотрели, как она уводит детей, Дорсет и дядя Лайонел держали за руки младших. На улице еще было темно, слуги продолжали таскать сундуки и тюки с вещами к Вестминстерскому аббатству. Пройдя немного, мать начала плакать и сетовать на свою горькую судьбу, отчего младшие девочки тоже заревели. Елизавета невольно подумала, что королева переигрывает и ей следует проявлять большую сдержанность на глазах у детей. Ужасно было видеть мать не владеющей собой, вспомнилось, как было страшно, когда в раннем детстве они жили в святилище. Только Йорку, казалось, все было нипочем, он шел отдельно от всех и вел себя так, словно участвовал в каком-то большом приключении. «Скоро он утратит иллюзии», – печально подумала Елизавета.

Она никогда не забывала доброго аббата Миллинга, но тот уже умер, и принцесса с сомнением размышляла, позволит ли им его преемник обосноваться в своем доме? Как неприятно было бы остановиться в мрачном здании святилища, но именно туда повела их мать.

Только они записали в книге свои имена, как появился аббат Истни. Он постарел с тех пор, как стал крестным отцом Нэда, но был таким же высоким и стройным, с худым серьезным лицом под седой тонзурой. Аббат тепло улыбнулся им.

– Дочь моя, я приглашаю вас всех поселиться в моем доме, пока вы здесь, – сказал он матери, когда она встала перед ним на колени, чтобы получить благословение. – Пойдемте туда и уложим детей спать.

– Благодарю вас! Благодарю! – всхлипнув, промолвила королева.

И вот их снова водворили в великолепный особняк Чейнигейтс. Елизавета опять лежала на соломенном тюфяке в спальне королевы. Разница состояла лишь в том, что все они стали намного старше и, к несчастью, бедной Марии с ними не было. Принцесса по-прежнему сильно скучала по покойной сестре, и в тот момент особенно. Слушая, как королева плачет, она размышляла: так ли было необходимо это бегство в святилище? Почему ее мать убеждена, что дядя Глостер намерен погубить их всех?

– Что именно случилось сегодня, миледи? – спросила она.

Из темноты донесся тяжелый вздох матери:

– Не думаю, что у меня хватит сил пересказать все это.

– Миледи, мне нужно знать! – Елизавета редко так настойчиво разговаривала с королевой.

– И мне тоже, – сказала Сесилия. – Если мы в опасности и должны оставаться здесь, нам нужно объяснить почему.

Последовала пауза.

– Хорошо. Как вам известно, кто-то – я полагаю, лорд Гастингс – сообщил Глостеру о смерти вашего отца, тот отправился на юг и встретился с герцогом Бекингемом, который всегда ненавидел меня и мою семью; он считает себя выше нас и давно недоволен тем, что его заставили жениться на вашей тете Кэтрин. Но это сделал король, а не я.

Елизавета засомневалась. Отец прислушивался к матери, когда та настойчиво просила его сделать что-нибудь. И вновь принцесса поняла, что смотрит на мать критически, чувствуя одновременно стыд и возмущение.

– Разумеется, следовало ожидать, что Глостер, который тоже ненавидит нас, объединится с Бекингемом, – прошипела мать. – И нет сомнений в том, что Гастингс тоже в этом замешан и все они стремятся низвергнуть нас.

Елизавета довольно хорошо знала Бекингема и не раз танцевала с ним при дворе. Он был человеком задиристым и вспыльчивым, но очень красноречивым и умеющим убеждать, он бы с удовольствием использовал этот шанс отплатить Вудвиллам.

– Но что случилось? – Елизавета попыталась подвести мать ближе к теме.

– Нэд направлялся в Лондон под опекой дяди Риверса, Дикона и эскорта из двух тысяч человек. Глостер ехал на юг и соединился с силами Бекингема – очевидно, что все это было спланировано, – он нагнал эскорт Нэда у Стоуни-Стретфорда. Дядя Риверс и остальные понятия не имели, что попали в ловушку. Они поужинали с Глостером и Бекингемом, – видимо, все прошло очень мило, но следующим утром, на заре, Глостер вдруг взял под арест дядю Риверса, Дикона и других приближенных короля... – Мать начала всхлипывать. – Их отвезли на север как узников, и я боюсь, что никогда больше их не увижу! Нэда они захватили и везут в Лондон.

– Не плачьте, матушка, – сказала Сесилия, и Елизавета услышала, как сестра зашлепала по полу к кровати. – Я уверена, с ними все будет в порядке.

– Боже милостивый, я молюсь об этом! – выпалила мать. – Но я не сомневаюсь, что Глостер все время замышлял свергнуть меня. И кажется, никто не противится ему! Напротив, многие лорды поспешили встать на его сторону. Он не имел права захватывать короля, так как его еще не утвердили в должности лорд-протектора и у него нет полномочий предпринимать такие шаги. Но Нэд слишком молод, чтобы противостоять ему.

Елизавета и Сесилия вместе постарались успокоить королеву, и она наконец провалилась в тревожный сон. Вернувшись в постель, Елизавета предалась тревожным мыслям. Если отбросить эмоции, дядя Глостер поступил так, как сделал бы любой человек, назначенный лорд-протектором. Он взял короля под свою защиту. Не он вынудил мать искать убежища, она сама решила прийти сюда. Вероятно, по приезде в Лондон дядя Глостер рассчитывал достигнуть дружеского соглашения с нею, но она не дала ему такого шанса, и теперь он может разочлиться – не говоря уже о том, что наверняка будет смущен, – из-за ее стремительного бегства и столь неприкрытого намека на имеющиеся у нее опасения насчет него.

Действительно ли Глостер представлял для них угрозу? Елизавета не могла принять такую мысль. Отец никогда не сомневался в его верности, и сама она не хотела думать о дяде плохо. Пусть он ненавидел родню матери, но никогда не проявлял враждебности к ней самой, и Елизавета молилась, чтобы он не видел в ней врага и впредь, так как не могла разделять нелюбовь к нему матери.

Задолго до восхода солнца королева уже поднялась и стала жаловаться, что не может спать. Разбуженная ею Елизавета обнаружила, что ей тоже не до сна, и пошла вслед за матерью

в Иерусалимскую палату. Там она застала полнейший хаос – усталые слуги продолжали затащить в дом вещи королевы. Сундуками, ящиками, ларцами и тюками было заставлено все, а люди приходили и приходили, шатаясь под грузом тяжелых нош на плечах. Внизу разгружали вещи с повозок, крики работников эхом разносились по лестницам. Некоторые даже взялись пробивать дыру в стене, чтобы вносить поклажу; аббат с волнением наблюдал за этим.

Мать, казалось, ничего не замечала. Она с потерянными видом опустилась на тростниковую подстилку.

– Что это за вещи? – спросила Елизавета, дрожа в ночном халате.

– Это понадобится нам на время пребывания здесь, – ответила мать. – Я помню, как мало у нас было всего, когда мы жили здесь в прошлый раз, и решила взять с собой все, что только смогу, так как, боюсь, нам придется долго сидеть здесь.

– Надеюсь, что нет, – горячо возразила Елизавета, видя выражение страдания на лице аббата. Зря мать обременяла его своими мирскими заботами и забивала его дом своим скербом, когда им угрожала мнимая опасность.

Посреди всей этой суматохи появился архиепископ Йоркский, он запыхался, поднимаясь по лестнице.

– Мадам, – сказал он, – я принес вам Большую печать Англии, чтобы вы хранили ее у себя от имени короля.

Королева уставилась на нее. Печать была важнейшим атрибутом королевской власти.

– Хоть кто-то на моей стороне, – промолвила она. – Но я теперь бесправна, и у меня нет никаких средств применять свою волю. На этот раз король Эдуард не придет спасти меня и моих детей. – Она снова залилась слезами.

– Мадам, ободритесь, – попытался утешить ее архиепископ Ротерхэм. – Ситуация не такая плохая, как вам кажется. Лорд Гастингс заверил меня, что все будет хорошо. Сам он ни о чем не беспокоится и искренне верит, что милорд Глостер имеет самые лучшие намерения.

Услышав это, Елизавета просияла. Она была уверена: мать слишком бурно реагировала. Сама принцесса с трудом могла представить, что лорд Гастингс, ближайший друг и советник отца, предаст его. Он был мудрым человеком, и уж если считал, что намерения дяди Глостера честны и благородны, значит так и есть.

Однако из глаз матери полился новый поток слез.

– Да будь он проклят! – воскликнула она. – Он один из тех, кто славно потрудился, чтобы растоптать меня и моих кровных родственников. А король тоже моей крови!

Архиепископ нахмурился:

– Мадам, вы видите опасность там, где ее нет. Я обещаю вам: если корону отдадут кому-то другому, кроме вашего сына, мы на следующее утро коронуем его брата. – С этими словами он протянул матери Большую печать.

– Отец, благодарю вас, – ответила королева, запоздало целуя его перстень. – Это для меня большое утешение. Но скажите мне, есть ли известия от моего брата Риверса и сына, сэра Ричарда Грея?

– Пока нет, мадам, но я уверен, мы вскоре что-нибудь услышим. Вам не следует беспокоиться. Глостер честный человек.

Мать покачала головой:

– Хотелось бы мне в это верить.

– Ну а я верю, – возразил ей архиепископ. – Я занимаюсь врачеванием душ уже много лет и думаю, что неплохо разбираюсь в людях.

Когда он ушел, уже рассвело, и мать немного успокоилась.

Вскоре после этого пришел аббат:

– Ваша милость, хочу сообщить вам, что на Темзе множество лодок, в которых находятся люди милорда Глостера. Некоторые из них высадились на берег и следят, не идет ли кто-нибудь в святилище. Одного прохожего обыскали.

– Я была права, – запинаясь, проговорила мать, – Глостер хочет убрать меня с дороги. Мы – узники. – Она утерла глаза и посмотрела на Елизавету. – Ничего хорошего нас не ждет. Я вам говорила!

Елизавете надоело слушать, как мать все переворачивает на дурную сторону и обращается с нею как с несмышленьшем.

– А не может ли дядя Глостер опасаться, что вы замышляете против него?

– Я уверена, он именно так и думает! – едко ответила мать. – У меня есть на то множество оснований. Я бы сделала все, чтобы победить его.

Спорить с нею было бесполезно. Елизавета взяла в руки книгу и больше ничего не сказала.

Три дня спустя аббат пришел к ним снова:

– Мадам, милорд Глостер прибыл в Лондон с королем. Двое моих братьев-мирян покупали продукты в Сити и видели, как они бок о бок ехали на конях по улицам, оба одетые в траур. Вам будет приятно услышать, что герцог оказывал королю все положенные почести.

Елизавету обрадовали слова аббата. Скоро дядя Глостер представит новые доказательства своих добрых намерений, мать успокоится, и тогда они смогут покинуть святилище. Все будет хорошо. Однако аббат смотрел на королеву вопросительно.

– Вы чего-то недоговариваете, – сказала она.

– Может быть, мадам, это вы мне чего-то недоговариваете, – ответил он. – Во главе процессии братья-миряне видели телеги, груженные оружием с эмблемами братьев и сыновей вашей милости, и рядом шли глашатаи, которые выкрикивали, что это оружие было собрано врагами милорда Глостера, чтобы использовать против него и покончить с ним. Это правда?

Королева взорвалась:

– Нет, разумеется, это неправда! Оружие хранилось на складах на случай войны с шотландцами. Покойный король подтвердил бы это! Отец аббат, вот доказательство вероломства Глостера. Они с Бекингом стремятся разжечь в людях ненависть против меня и моих родных и настроить соответственным образом общественное мнение.

– Может быть, мадам, герцоги не знали, что это оружие было собрано для борьбы с шотландцами, – предположил аббат, но при этом продолжал смотреть на королеву с сомнением. – В нынешней обстановке всеобщей подозрительности легко можно увериться, что оно предназначалось для совершенно иных целей.

Мать решительно замотала головой:

– Нет! Глостер хочет уничтожить меня. Я это знаю!

Аббат Истни вздохнул:

– Я буду молиться о том, чтобы Господь Всемогущий привел вашу милость и милорда Глостера к миру и согласию.

Елизавета не дала матери шанса ответить:

– Скажите мне, отец аббат, братья-миряне говорили что-нибудь о настроении короля, как он вел себя? Он, должно быть, скорбит по отцу и потрясен великими переменами, которые произошли в недавнее время. – Ей хотелось бы сейчас быть рядом с Нэдом и утешать его.

Аббат улыбнулся ей:

– Братья очень хвалили его, миледи принцесса. Судя по возгласам толпы людей, собравшихся поглядеть на него, он уже завоевал любовь своих подданных. Они говорили, что в его фигуре ощущается такое достоинство, а в лице – очарование, что, сколько на него ни смотри, невозможно отвести глаз и устать от этого зрелища.

Елизавета легко могла это представить. У Нэда был такой приятный характер, он всегда вежлив, много знает и рассудителен не по годам. Из него получится превосходный король.

Глава 7

1483 год

Прошло несколько дней, и они, сами того не желая, привыкли к монотонной жизни в святилище. Теперь их распорядок дня регулировали колокольный звон и молитвы. Слуг при них не осталось, так как мать не могла платить им, и снова преимуществом стало то, что она жила как простая женщина, прежде чем стала королевой. Теперь мать помогала младшим детям одеваться и время от времени совершала попытки учить их чему-нибудь, хотя часто отвлекалась и просила Елизавету или Сесилию заменить ее.

Елизавета благодарила Господа за то, что младшие дети с ними, они разгоняли скуку и давали ей занятие. Хорошо, что они были вместе, жаль только, Нэда нет рядом, и Йорк несколько раз громогласно заявлял о своем желании оставить их и поехать к брату. Но Елизавета привыкла к тому, что Нэд в Ладлоу, к тому же они наверняка скоро его увидят.

Йорк уже начинал скучать и проявлять норы, что вызывало досаду у матери.

– Уведите его отсюда! – приказывала она Елизавете и Сесилии, и девушки спешили выполнить распоряжение королевы, чтобы не раздражать ее еще больше.

В то утро мать получила неприятное письмо от душеприказчика отца, который отказывался исполнять волю покойного короля, так как королева держит его детей в убежище, а это означает, что завещание отца в отношении их не может быть приведено в действие. В связи с этим архиепископ Бурше наложил арест на все имущество покойного короля. Таким образом, мать осталась без гроша в кармане, а Елизавета и ее сестры – без приданого. Похоже, никто не думал об их будущем, да и неизвестно было, состоятся ли спланированные для принцесс браки.

Дворец Вестминстер находился на расстоянии недлинного пешего пути и в то же время – все равно что на луне. Так близко и так далеко! Тем не менее Елизавета сказала себе, глядя, как Йорк носится по двору дома аббата, что дела могли обернуться и хуже, если бы они оказались в общем убежище с убийцами и ворами, а не в роскошном жилище аббата.

Когда дети вернулись в дом обедать, мать снова принялась жаловаться, что ее ограничили в средствах, обрекли на прозябание и на этот раз не нашлось доброго мясника, который снабжал бы их мясом.

– Отец аббат проявил гостеприимство, но мы не можем рассчитывать, что он будет кормить нас всех. Мне неприятно полагаться на его милосердие! О, видел бы сейчас нас ваш отец!

После обеда Елизавета достала шахматы и попыталась сыграть партию с Йорком, который не мог усидеть на месте и с готовностью уступил свое место Сесилии. Неумный брат, без усталости носившийся повсюду и вечно желавший что-нибудь делать, надоел ей. Дорсет и дядя Лайонел как могли старались развлечь мальчика, но даже им не удавалось справиться с его кипучей энергией. Какие же разные у нее братья!

– Нельзя ли нам отвести его на прогулку, миледи? – спросила Елизавета, бросив игру в шахматы. – Границы святилища простираются на некоторое расстояние от аббатства.

– Нет! – воскликнула мать. – Вас схватят. Я этого не допущу.

– Я так не думаю. – Елизавета вздохнула.

– Это рискованно. Монастырь, может, и святое место, но и туда тоже вторгаются.

Последовала красноречивая пауза, и Елизавета вспомнила, что после битвы при Тьюксбери ее отец ворвался в соседнее аббатство и убил или вытащил оттуда сторонников Ланка-

стеров, которые нашли там убежище. Дорсет рассказывал ей об этом много лет назад. По его словам, на войне правила часто нарушаются и король лишь сделал то, что было необходимо.

– Но это святилище находится под особой защитой короля, – заметила Елизавета и сразу поняла свою ошибку.

– Который находится во власти Глостера! – резко возразила мать.

Было решено, что Дорсет покинет святилище и попытается поднять людей в поддержку королевы. Он уехал в яркий майский день, планируя скрываться, пока не войдет в контакт со своими друзьями, и обещал прислать матери сведения о том, где находятся дядя Риверс и Дикон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.